ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 47-й

№ 33 (4527)

13 августа 1975 г. СРЕДА

Максим ТАНК

ОТ ИМЕНИ НАРОДОВ

Мы стали свидетелями события, имеющего огромное международное значение.

Впрочем, почему же свидетелями? Ведь Леонид Ильич Брежнев в своем выступлении в Хельсинки говорил о том, что волнует каждого из нас, выражал наши чувства, говорил от нашего имени. Стало быть, мы и сами были участниками этой беспримерной встречи, какой еще не бывало в истории Европы. Наш народ, вынесший на своих плечах основную тяжесть борьбы с гитлеровскими полчищами, знает, что такое обильно политая кровью земля, и одним из первых потребовал, чтобы Европа превратилась в континент, который не знал бы больше военных потрясений.

Общеевропейское совещание советский народ рассматривает как подведение необходимого политического итога второй мировой войны, войны, закончившейся поражением фашизма. Но заведомо клевещут те, кто пытается сейчас сравнивать Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе с прежними европейскими конгрессами, на которых победители диктовали свою волю побежденным. Нет, на этом совещании не было победителей и побежденных, приобретших и потерявших. Договоренности, достигнутые на нем, — итог учета мнений и интересов всех и при всеобщем согласии. Каждому народу должно быть обеспечено право на мир.

Естественно, достижение единодушия по коренным, центральным проблемам нашего времени, когда существуют различия в идеологии и общественных системах, потребовало большой, напряженной работы: пришлось одолеть немалые трудности. Мы хорошо знаем, что некоторые круги оказывали отчаянное давление, мобилизовали все свои силы, лишь бы не допустить достижения договоренности на общеевропейском совещании. Но силы разума, силы мира победили.

Наш народ, наша партия были уверены, что так оно и должно быть. Это — веление времени, объективный закон развития человеческого общества на нынешнем этапе. Поэтому с такой настойчивостью боролась Коммунистическая партия Советского Союза, боролось Советское правительство за созыв и успешное проведение совещания. И каждый из нас бесконечно благодарен Центральному Комитету КПСС, Политбюро ЦК и лично товарищу Л. И. Брежневу за самоотверженные усилия, направленные на достижение благородной цели — укрепление мира, свободы и безопасности народов. Леонид Ильич Брежнев внес выдающийся вклад в осуществление внешнеполитического курса Коммунистической партии и Советского государства. Своим неутомимым, напряженным трудом во имя мира на земле он заслужил искреннюю признательность всей прогрессивной общественности и в большой степени способствовал успеху совещания.

Договоренности, достигнутые на совещании, отвечают тем принципам мирного сосуществования и международного сотрудничества, мира и свободы народов, которые выработал Владимир Ильич Ленин, которые вошли в плоть и кровь советских людей. Для нас они представляются естественным, неотчуждаемым правом человека. И очень хорошо, что сегодня все государства — участники совещания провозгласили их в качестве тех непреложных принципов, которыми они собираются руководствоваться в своих делах и отношениях. Это — суверенное равенство государств, их право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические системы, принципы неприменения силы, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела других, уважения прав человека и основных свобод, сотрудничество государств и другие столь же важные положения. Людям дорог покой планеты, дорог свой дом и труд. Они хотят жить в атмосфере взаимного доверия, спокойствия, взаимопонимания.

Созданию такой атмосферы существенно помогут согласованные меры по дальнейшему расширению всестороннего сотрудничества, в частности, в области культуры, образования, информации, контактов между людьми. Мы, советские писатели, всегда стояли за обмен подлинными духовными ценностями, делали все, чтобы ширились плодотворные контакты между странами в области литературы и искусства (при условии, разумеется, соблюдения законов и традиций каждой страны). Мы от души приветствуем новые возможности в этом направлении. Все, что поможет народам континента более успешно и рационально использовать материальные и духовные ценности, находящиеся в их распоряжении, получит с нашей стороны всемерную поддержку. Для таких контактов, для укрепления сотрудничества у нас есть отличные предпосылки — высокоразвитая советская экономика, наука, культура.

Конечно, только что закончившееся общеевропейское совещание не самоцель. Наша партия рассматривает его как отправной пункт для дальнейшего продвижения Европы по пути прочного мира, по пути прогресса. Нам еще не раз предстоит преодолевать преграды, воздвигнутые силами, которые хотели бы потянуть народы назад, которые проповедуют, будто у каждого поколения людей должна быть «своя война». Надо еще дополнить политическую разрядку военной. Ослабление напряженности, борьба за безопасность народов должны распространяться на все районы мира.

Выражая решительную и безоговорочную поддержку политике КПСС, ее Центрального Комитета, советские люди готовятся встретить XXV съезд родной партии новыми успехами в созидательном труде, укрепляя тем самым фундамент ленинской политики мира, безопасности и свободы народов.

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

● ЗАМЕТКИ КРИТИКА О ТРИЛОГИИ ФЕДОРА АБРАМОВА «ПРЯСЛИНЫ»

стр. 4

ПОЭЗИЯ

● СТИХИ ХАКИМА ГИЛЯЖЕВА, БОРИСА ОЛЕЙНИКА, ИГОРЯ ШКЛЯРЕВСКОГО

● ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МИХАИЛА ЛУКОНИНА

стр. 4, 7

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

Очерк Виктора Тельпугова о Герое Социалистического Труда Пелагее Павловне Кординой

стр. 2

К 150-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина

В связи с исполняющимся в январе 1976 года 150-летием со дня рождения великого русского писателя-сатирика, революционного демократа М. Е. Салтыкова-Щедрина создан Всесоюзный юбилейный комитет в составе: С. В. Михалков (председатель), С. А. Мамашин (заместитель председателя), А. А. Карпов (ответственный секретарь).

В состав комитета также вошли: А. А. Ананьев, А. Т. Алимжанов, Т. Аскаров, И. И. Артоболевский, В. Г. Базанов, А. П. Беляускас, П. П. Боцу, Т. П. Буачидзе, А. С. Бушмин, Ю. Н. Верченко, К. В. Воронков, В. Н. Ганичев, В. П. Елютин, Г. В. Средин, Ф. Т. Ермаш, Л. А. Землянникова, М. В. Зимянин, Д. Икрами, И. Касумов, В. М. Кожевников, Н. Г. Корытков, М. И. Котов, В. И. Кочемасов, К. К. Крапива, Я. Кросс, Л. А. Кулиджанов, С. Г. Лапин, Я. М. Леонов, Н. В. Лесючевский, К. Н. Ломунов, Г. М. Марков, Ю. С. Мелентьев, С. С. Смирнов, В. М. Озеров, С. И. Олейник, В. А. Петросян, Е. И. Понусаев, М. А. Прокофьев, А. И. Пузиков, Н. А. Пономарев, Г. Р. Приеде, А. В. Романов, С. В. Сартаков, Н. В. Свиридов, К. М. Симонов, Б. И. Ступнин, Л. И. Толкунов, Г. Н. Троепольский, А. М. Туров, Е. М. Тяжельников, И. Т. Федоренко, Г. Н. Холопов, М. Б. Храпченко, Т. Н. Хренников, А. Б. Чаковский, В. Ф. Шауро, Р. М. Эсенов, В. Н. Ягодкин, К. Н. Яшин.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ СОБЫТИЙ

БАМ: МОСТ ЧЕРЕЗ ЛЕНУ

Валентин СОРОКИН

Приехавшего в Сибирь впервые все поражает. И пространства, и бескрайняя тайга, и люди. Здесь все огромно, к этому краю нельзя привыкнуть настолько, чтобы некогда тебя удивившее стало обыденным.

Мне довелось бывать в Сибири неоднократно, и с каждым разом я все более убеждался — Сибирь постоянно, ежедневно преображается. Обновляются города старые, закладываются и строятся новые. Открываются рудные месторождения и поднимаются корпуса фабрик и заводов. Перекрываются могучие реки, и возводятся мощные гидроэлектростанции. Увеличиваются посевные площади, и весомее становится сибирский Хлебный Каравай...

Все это так, и тем не менее Сибирь сегодня — это и БАМ, знаменитая всенародная стройка.

Разбужена вековая тайга. И там, где не ступала людская нога, сегодня грохочут вездеходы, бульдозеры, самосвалы. Узенькие створы, обозначенные изыскателями, превращаются в широкие коридоры-просеки. Взрывы сотрясают окрестности — это сквозь горные хребты пробиваются тоннели.

Мостовики и путеукладчики, изыскатели и взрывники, монтажники и плотники — вот кого мы называем гордым и почетным словом «строители БАМа». Их напряженным трудом и волей, умением и опытом началась и продолжается Байкало-Амурская магистраль. Им предстоит проложить железную дорогу через перевалы, реки, по вечной мерзлоте и марям, им предстоит вбить в последнюю шпалу серебряный костыль. И еще — построить сотни разъездов, станций, поселков, обжить эти места...

Сегодня БАМ — это слаженная работа на самых разных, порою удаленных на сотни километров участках. Стройка живет как могучий организм — в едином, напряженном трудовом ритме.

...Западный участок дороги, 16-й километр. В эти дни здесь завершается строительство 413-метрового уникального моста через Лену. Рабочие и инженеры «Мостоотряда-5» перешли на последний пролет, собирают последние одиннадцатиметровые панели.

Величественно и красиво это сооружение, творение рук человеческих, стремительно зависшее над медленными водами сибирской реки. Но чтобы увидеть строгую, рациональную красоту пересеченных металлических ферм, нужно удалиться на значительное расстояние. Вблизи же, если подняться к монтажникам, картина меняется — только человек и металл. Тут и там видны высверки электросварки, слышен треск плавящихся электродов, перезвон монтажных ключей, отрывистые команды бригадиров, принимающих снизу очередные конструкции...

Скоро мост будет сдан. По нему пройдут путеукладчики, а за ними — первые поезда. Эта цель объединяет всех: и Героя Социалистического Труда бригадира Николая Федоровича Иванова, за плечами которого не один десяток мостов, и молодого монтажника Виктора Чекалова, и практикантку, прибывшую из Томского инженерно-строительного института, Валентину Васильеву... Словом, всех, кто возводит БАМ.

Строится мост. Конкретный объект, как здесь любят выражаться. И таких объектов на БАМе — сотни и сотни. На Западном, на Восточном участках.

Строится Байкало-Амурская магистраль века...

Фото А. КНЯЗЕВА

СО ВСЕХ КОНЦОВ СВЕТА

Во всем мире огромен и непреходящ интерес к советской литературе и искусству. Каждый день буквально со всех концов света в адрес Всесоюзного агентства по авторским правам поступают заявки на издание и распространение самых различных произведений нашей многонациональной культуры. Только за одно первое полугодие этого года заявок на издание книг советских писателей получено свыше полутора тысяч!

И по мере того, как удовлетворяются эти запросы, зарубежные книгоиздатели, а с ними, естественно, и читатели часто открывают для себя не только новые имена в советской литературе, но даже и целые разделы в ней... Обнаруживаются при этом любопытные читательские вкусы. Норвежцы и испанцы хотят ближе познакомиться с национальным творчеством народов Советской страны, Индия запрашивает книги на фольклорные мотивы, арабские страны — мемуары и литературоведение о классиках русской литературы, американцы и финны — детскую литературу, книгоиздатели ФРГ просят что-нибудь «развлекательное и остросюжетное», а самым читаемым писателем в Японии сегодня является Чехов...

После переговоров с ВААП делегация Ассоциации издателей Великобритании пришла, как свидетельствует английская пресса, к решительному выводу о том, что появились реальные пути к расширению и упрочению деловых связей в области авторского права между Англией и СССР. Англия, кстати, одна из первых стран — членов Женевской конвенции, вступивших в деловое партнерство с ВААП в сфере обмена научно-технической литературой. Среди английских фирм, выразивших желание сотрудничать на этом поприще, крупнейшая корпорация мира по изданию научно-технической литературы «Пергамон Пресс» и ряд других.

С издательством «Пергамон Пресс» подписано генеральное соглашение сроком на 5 лет. Оно предусматривает издание в Англии до 30 произведений советских авторов в год. Подписан также меморандум на репродуцирование 23 английских журналов в СССР и выпуск в Англии переводов семи советских журналов.

Английские предприниматели проявляют большой интерес и к современной советской музыке. Заявки на издание и исполнение музыкальных произведений поступили от известных фирм «Бузи энд Хокс» и «Пи-Ар-Эс».

Недавно в Лондон выезжала делегация Всесоюзного агентства по авторским правам во главе с его председателем Б. Д. Панкиным. Проведено несколько встреч с английскими издателями, на которых еще раз выражена уверенность в возможности и необходимости дальнейшего расширения обмена авторскими правами между Англией и СССР. Английский еженедельник «Букселлер» резюмировал итоги визита советской делегации следующим образом: «У Советского Союза есть что продавать, продукция его издательств, до того неизвестная в Великобритании, — новый и богатый источник для перевода на английский язык...»

(Наш корр.)

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

● ОТ ИДЕИ ДО МАШИНЫ

● «КОГО МЫ РАСТИМ?»

стр. 10, 13

ДНЕВНИК „ЛГ"

ПУБЛИЦИСТИКА ГОДА ЗАВЕРШАЮЩЕГО

БЛИЗИТСЯ к концу завершающий год девятой пятилетки. При вступлении в нее радовал, поражая размах планов, начертанных Коммунистической партией. Ныне эти планы стали явью, обрели плоть свершений. Трудно охватить взглядом достигнутое, во всей глубине осознать сущность социально-экономических, культурных, нравственных перемен, которые произошли и происходят под воздействием гигантских шагов пятилетки. Но понять и оценить сделанное необходимо для того, чтобы двигаться дальше.

В условиях научно-технической революции резко возрастает взаимосвязь всех звеньев народнохозяйственной и государственной структур, а следовательно, повышается ответственность каждого сознательного гражданина нашей страны, на каком бы участке социалистического строительства он ни трудился, за успешное выполнение пятилетнего задания.

Это можно сказать не только о материальном производстве, но и о «производстве» духовном — о литературе и искусстве. От того, насколько полно и правдиво отражает художественное создание текущую историю, насколько масштабно и решительно ставит литература насущные общественно-политические, мировоззренческие, нравственные проблемы, тоже во многом зависит ритм народных дерзаний.

С чувством глубокой ответственности встретила творческая интеллигенция опубликованное в начале завершающего года пятилетки Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу, в котором прозвучали такие слова: «...своим творчеством воодушевляйте людей на новые трудовые подвиги и свершения; будьте и впредь верными помощниками партии в воспитании нового человека, нашей молодежи в духе идеалов коммунизма, советского патриотизма, пролетарского интернационализма!»

В этом призыве — могучий стимул творчества, программа действий для советских писателей. Каждый художник, осознавший собственную роль в общенародном деле, сверяет свои личные рабочие планы с направлением созидательной деятельности всей страны.

Традиции активного участия писателей в социалистическом строительстве были заложены еще в эпоху первых пятилеток. Вдохновителем журнально-публицистической работы выступил тогда М. Горький. При его непосредственном руководстве советская литература вышла на рубежи современности, чтобы раскрыть пафос массового труда, показать борьбу нового со старым, исследовать, как конкретный человек творит жизнь и преодолевает конфликтные обстоятельства.

Горьковские заветы находят достойное воплощение в деятельности Союза писателей СССР. Большую роль в развитии сегодняшней художественной публицистики сыграл пленум правления СП СССР «Писатель и пятилетка», состоявшийся в 1973 году. Пленум обобщил достижения в этой области за значительный период, наметил вехи дальнейшей работы.

Решения пленума сказались на развитии таких форм участия писателей в общественно-политической и экономической жизни страны, как поездки на ударные стройки пятилетки, создание на важнейших из них постоянно действующих редакционных постов. Ценные начинания нашли отражение и в организационной, и в собственно литературной деятельности творческих сил.

Ощутимые результаты приносит инициатива журналов «Знамя», «Новый мир», «Юность», взявших шефство над Курской магнитной аномалией, КамАЗом, стальной трассой Тюмень — Сургут. Их примеру последовал и журнал «Октябрь», создав свой пост на нефтеносной земле Тюмени. Целый ряд злободневных рубрик и разделов («Шаги Нечерноземья», «Молодежь и пятилетка», «Из девятой пятилетки — в десятую», «На ударных завершающего», «Год пятый, завершающий», «Дела и люди» и т. д.) прочно утвердился на страницах ряда журналов, органов союзов писателей СССР и РСФСР.

Общение с героем современности в процессе трудовых будней — встречи, поездки, шефские дела, — естественно, находит осмысление и в писательском творчестве.

Первое место здесь, безусловно, принадлежит самому подвижному, боевому, разведочному жанру — публицистике и очерку — активной форме практического воздействия на действительность. Средство информации, пропаганды и агитации — публицистика — всегда на переднем крае идеологической работы, в ней органично соединяются исследовательское и воспитательное, эстетическое и политическое начала.

В документальности заключена немалая часть боевого заряда публицистики. Черпая факты в самой гуще бытия, писатель правдиво запечатлевает наши завоевания и успехи, делает коллективным достоянием опыт героев-тружеников. Факт — неопровержимый аргумент и в критике недостатков, мешающих обществу двигаться вперед. Документализм, оплодотворенный беспокойной мыслью и гражданским чувством писателя, несет в себе огромную силу воздействия на общественное мнение и массовую практику.

Отрадно, что в текущей журнальной литературе появляются произведения, отвечающие высоким требованиям боевого жанра. В числе примеров назовем очерк Т. Илатовской «Огни Самотлора. Как бригада бурильщика Г. Петрова завершила девятую пятилетку» («Знамя», № 1, 1975), статью В. Сергеева «Сельский встречный» («Октябрь», № 1, 1975), очерки А. Медникова в «Москве» (№№ 2, 4, 7, 1975) под общим названием «Гвардии строители».

Среди самых свежих выступлений деловым, по-настоящему заинтересованным подходом к острейшим вопросам земледелия привлекают очерки А. Иващенко «Земля без плуга» и «Сотворение хлеба» («Наш современник», №№ 6, 7, 1975).

На наших глазах рождается летопись БАМа. С материалами о стройке века в периодике недавно выступили Е. Винников и В. Гербачевский, И. Ракша, Л. Шинкарев... Среди названных публикаций своей основательностью, бесспорно, выделяется очерк Л Шинкарева «Большой чертеж Сибири» («Новый мир», № 1, 1975).

Общее представление о сегодняшней публицистике дают сборники «Шаги» и «Герои пятилетки», которые вобрали в себя лучшее из того, с чем пришли писатели к завершающему году. В очерках В. Орлова, К. Симонова, Н. Грибачева, В. Кожевникова, В. Субботина, Б. Полевого, А. Аграновского, В. Пескова, Ю. Черниченко, Б. Гусева, Т. Гайдара, В. Закруткина, Л. Иванова, О. Гончара, А. Злобина и безвременно ушедшего от нас Г. Радова дается панорама текущих событий, запечатлен характер современника.

Мысль принципиальная, образная, актуальная, заразительная — вот сердце подлинной публицистики. В сборниках «Шаги» и «Герои пятилетки» немало «маленьких картинок» и живых примеров, воспевающих нашу героическую повседневность. Вместе с тем эти материалы пронизаны страстной непримиримостью ко всему, что мешает плодотворному труду на благо общества и человека. Острые, полемичные строки не оставляют читателя равнодушным, заряжают его активностью борца.

Говоря о достижениях жанра, нельзя обойти и серию «Писатель и время» издательства «Советская Россия», идущую в авангарде книжного «фронта» публицистики. Среди новинок серии достойны упоминания книги А. Ананьева, А. Медникова, Г. Горышина, Ф. Павлова, И. Васильева. Они в целом продолжают масштабный разговор, начатый нашей литературой в года пятилетки, публицистически исследуют экономические, социальные и нравственные процессы современности. Доброго отношения заслуживает книга Е. Лопатиной «По знакомым адресам», вышедшая в рубрике «Письма из деревни». Писательница вновь возвращается к теме, затронутой в предыдущей книге «На Оке и на Каме», рассматривает взаимоотношения города и деревни на примере грандиозной стройки КамАЗа, показывает, как вокруг индустриального центра создается сельское хозяйство принципиально нового типа. Постоянный интерес к определенному кругу проблем позволяет автору детально и разносторонне осмыслить жизненные процессы.

Факты говорят о том, что многие наши писатели активно включились в публицистическую работу. Впечатляющий рассказ о людях и событиях, постановка и анализ серьезных проблем социально-экономического и нравственного плана — результат пристального и пристрастного наблюдения писателя-гражданина над действительностью, его решительного вмешательства в жизнь.

Изучение современности тесно связано с познанием облика современника, перед которым стоят ныне задачи невиданного масштаба, порожденные стремительным ходом научно-технических революционных преобразований. Очерки недавних лет пополнили галерею героев наших дней. Особое место здесь принадлежит документальным произведениям К. Симонова «В свои восемнадцать лет» и В. Субботина «Рассказ о Петре Чеканове».

Обогащают наши представления о современнике, активно действующем на решающих участках народнохозяйственного строительства, вышедшие в этом году книги писателей-публицистов Ю. Грибова, И. Дуэля, Ю. Скопа...

Однако за количеством публикаций и общеизвестных удач не следует терять перспективы, чувство неудовлетворенности достигнутым. Образ подлинного героя наших дней еще недостаточно ярко и многогранно запечатлен в художественной публицистике. В ней намечены достоверные и зримые черты скорее коллективного портрета, и на этом фоне, в движению, мало еще емких и типических характеров. В иной печати встречаются, к сожалению, статьи и очерки поверхностные, написанные на темы, стоящие в стороне от магистральных проблем современности.

Пример лучших достижений жанра заставляет подходить к каждой новой книге с самыми высокими требованиями. Мы ждем от очерков не только острого делового подхода, но и высокого литературного мастерства. К сожалению, не всегда авторам удается по-настоящему овладеть темой, органично соединить мысль и образ.

В. Успенский в очерке «Далекая и желанная» (серия «Писатель и время») с хорошим знанием материала описывает будни строительства в бухте Врангеля. Не исключено, что разговор об организации труда молодых рабочих, о бытовом оснащении далеких строек, об охране природы имеет определенный журналистский эффект. Но с художественной точки зрения очерк неровен. В нем отсутствует единый стержень, смешаны факты существенные и второстепенные.

Во втором номере «Невы» опубликован очерк В. Грищенко «БАМ: первые километры». О БАМе сейчас пишут много, поэтому весьма существенно, чтобы публицистика не занималась переливом уже известного, но открывала новые грани коллективно осваиваемой темы. Автор же очерка высказывает в основном свое отношение к величайшей стройке современности, не вскрывая явлений, порождаемых ходом строительства. Думается, что установка на всемерную активизацию писательской публицистики ни в коем случае не должна приводить к росту числа материалов-«однодневок», ибо ничто так не вредит живой доходчивости публицистического слова, как бесцветные, неодухотворенные строки. Предстоит еще много сделать для того, чтобы каждое новое произведение, вышедшее из-под пера публициста, обогащало духовный опыт народа, поднимало сознание масс, приносило практические результаты.

Многообразны пути воздействия литературы на сознание масс, многообразны и средства, какими решает она важнейшую задачу, поставленную партией, — воспитывать коммунистическое мировоззрение, формировать нового человека.

К XXV съезду КПСС, ко времени подведения итогов пятилетки советские писатели придут со своим творческим отчетом. Накопленный опыт значителен. Тем ясное видны на его фоне ближайшие исторические горизонты. Жизнь не знает остановки. Вступление страны из девятой пятилетки в десятую уже сейчас требует от литературы все более высокой зрелости. Она должна быть готова к новым делам, к осуществлению дальнейших планов партии и народа.

ЛИТЕРАТОР

Красноярский край. Минусинская перчаточная фабрика. Сергей Сартаков и вязальщица фабрики Татьяна Веревкина

Грузинская ССР. Поэт Реваз Маргиани с горняками Мадневульского горно-обогатительного комбината

Фото В. КРОХИНА

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ОЧЕРК

Виктор ТЕЛЬПУГОВ

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ, ПЕЛАГЕЯ ПАВЛОВНА!

У ПРОХОДНОЙ завода сельскохозяйственного машиностроения имени Ухтомского висит транспарант «Пятилетку — досрочно!». В этом лозунге заключена основа, смысл нынешней жизни завода, его рабочих.

Немного пояснений.

Этот завод в подмосковном городе Люберцах — крупнейшее в Советском Союзе предприятие, вооружающее наше село уборочной техникой. Более двухсот тысяч машин разных марок выпускается в Люберцах за год. 70 железнодорожных вагонов ежедневно вывозят из заводских ворот готовую продукцию. Люберецкие уборочные машины славятся во всех уголках страны — на Украине, на Кубани, в Сибири. Их можно встретить на полях Болгарии, Венгрии, ГДР, Югославии, Кубы, Франции, Греции, Ливии, Гвинеи, Туниса, Марокко, Афганистана...

Мой путь лежит в механосборочный цех, в комплексную бригаду токарей, возглавляемую Героем Социалистического Труда Пелагеей Павловной Кординой, известным передовиком пятилетки.

— Официально-то она у нас Героем стала недавно, — с улыбкой заметила секретарь цеховой парторганизации механосборочного Елизавета Павловна Коренева, пришедшая в партком встретить меня и проводить в цех, — с января 1974 года. Но я, например, давно уже Пелагею Павловну самой настоящей героиней считаю. Да и не я одна. На завод она пришла двадцать лет назад — в 1954-м, совсем молоденькой. Ничего не умела, определили в разнорабочие. Если проще сказать — в грузчицы. Отнеслась к делу честно, осмотрелась, стала овладевать профессией токаря. Правда, учитель отличный попался — Дымов Павел Федорович. Он и теперь внимательно следит за ее ростом. Когда Пелагея Павловна решила подать заявление в партию, Павел Федорович первый сказал: «Правильно решила, Пелагея, вступай!»

Пока мы пересекали длинный заводской двор, Коренева продолжала свой рассказ:

В войну в деревне, сами знаете, остались старые да малые. Отец разведчиком погиб под Смоленском. Из пятерых детей Пелагея самой старшей была. Пришлось вместе с матерью выйти в поле. В Мордовии это было, если не ошибаюсь, — в селе Сутягино...

— Ого! Вы знаете биографию Пелагеи Павловны, как свою собственную! — удивился я.

— Простая биография, — ответила она, — обыкновенная. А впрочем... смотря, как взглянуть. Биография целого поколения, если вдуматься. Вот вы, наверно, спросите, как Пелагея Героем стала?

— Спрошу. Самая обыкновенная, говорите? Откуда же все пошло? Началось с чего?

— А с того, наверно, и пошло, что человек ношу на своем плече почувствовал. Тяжела ноша, в передать некому. Когда и мать Пелагеи умерла — это случилось почти сразу после войны, — самой младшей сестренке. Машеньке, всего шесть лет было. Я думаю, тут нынешнему трудовому геройству начало. Сама еще девчушка, в уже во главе семьи! Это и есть героизм самый настоящий. Согласны?

Я давно уже понял мысль Кореневой, но мне хотелось непременно продолжить этот разговор — незаметно в ходе его раскрывался и характер моей собеседницы. Ее суждения были логичны, точны, и я подумал еще о том, что хорошо, когда рядом с тобой такой человек.

До механосборочного было, судя по всему, еще далеко, мы шли вдоль бесконечных корпусов, но я радовался длинной дороге. По пути нам стали попадаться большие партии готовых к отправке машин. Елизавета Павловна замедлила шаг возле одной из них, сияющей полированными поверхностями.

— Это комбайн для сахарного тростника. Специально для Кубы делаем. Вы знаете, какая это трудная работенка — уборка тростника! Можете себе представить, как были рады кубинские друзья, когда пришла к ним умная машина! Она срезает тростник так быстро и так ловко, что легко заменяет сразу 100—150 уборщиков! А вон тем тоже головастая техника, смотрите.

Мы сделали несколько шагов, и руки Елизаветы Павловны коснулись другой пахнущей свежей краской машины, несмотря на свои внушительные размеры, оказавшейся довольно легкой.

— За нее спасибо говорят нам все полеводы и животноводы страны. Комбайн «Вихрь». Целая фабрика по изготовлению силоса! И косит траву, и шинкует, и в рот бурянке кладет.

— А это уже в порядке пожелания конструкторам? — в тон собеседнице спросил я.

— Пока в порядке пожелания, конечно. Но шутка шуткой, а «Вихрь» этот еще и сам грузит нашинкованную траву на автомашины, которые отвозят ее для закладки в силосные башни. Так что почти к бурянке в рот и получается. А вообще-то на заводе конструкторская мысль не дремлет. Одних рационализаторов сколько! Кстати, Пелагея Павловна тоже участвует в усовершенствовании производства. Внедрение трех ее рационализаторских предложений, поданных с начала текущей пятилетки, позволило повысить производительность труда на восемнадцать процентов, на шесть процентов снизить расход инструмента, получить экономию в размере семи тысяч рублей. Вот, например, в позапрошлом году... 1 августа выполнила на токарном станке личный план трех лет пятилетки, а тридцатого октября рапортовала еще об одной трудовой победе — о завершении планового задания решающего года. Неплохо? Вот за все это Пелагея наша и удостоена высокого звания.

Что именно делает кординская бригада? Шатуны они производят. Вот он, смотрите, шатун,— нехитрая вроде штука, но будь здоров, какая ответственная. Бригада делает их до 1700 штук в смену — 120—130 процентов нормы. И все высокого качества. Это уж само собой разумеется. О качестве изделий и сама Кордина, и вся ее бригада заботятся постоянно. Сейчас сами все увидите — вот и механосборочный. Не устали? Нам еще на самый верх надо подняться.

Шум работающих станков заглушает голос моей спутницы, она наклоняется к самому моему уху:

— А вон и Кордина, узнаете?

Я гляжу в указанном мне направлении, вижу группу рабочих в промасленных спецовках, точнее — группу мужчин и среди них одну женщину. Вроде она и не она — в парткоме полчаса назад я видел плакат. Статная, рослая, нарядная женщина смотрела на меня с портрета. Сейчас узнаю и не узнаю. Что-то мешает мне сразу понять что передо мной Пелагея Павловна. Только глаза нельзя спутать с другими. Они задорно и в то же время застенчиво смотрят из-под косынки, а все остальное словно бы не ее, не кординские.

— Она! — угадав мои мысли, говорит Коренева. — На плакатах люди всегда краше, разве не замечали? Но она у нас действительно красавица.

Наконец понимаю в нем дело: на фона огромных, тяжело грохочущих станков фигурка человека кажется крошечной, со всех сторон сдавленной, а промасленная серенькая спецовка усугубляет это впечатление. Но только несколько секунд владеет мной это чувство. Подхожу ближе, пожимаю протянутую мне руку, ощущаю ее тепло и энергию, вижу, как по-хозяйски властно эта рука останавливает гигантский станок, и происходит чудо — человек словно становится шире в плечах, сильнее и даже выше ростом.

— Она! — уверенно отвечаю Кореневой.

— А вы откуда меня знаете? — спрашивает, смутившись, Пелагея Павловна.

— Заочно, — говорю, — познакомился. По плакату.

Тыльной стороной руки Пелагея Павловна пытается убрать выбившийся из-под косынки льняной локон, но он не слушается, от этого она приходит в еще большее смущение.

— Корреспондент! — в слове этом слышится что-то настороженное и даже некая досада от того, что, видимо, уже не первый раз придется отвечать на вопросы для печати.

Чтобы как-то снять возникшую неловкость, представившись, говорю.

— Просто поговорить с вами пришел. Слышал о вас много хорошего.

— Она вся небось? — Пелагея Павловна с напускной сердитостью кивает в сторону Кореневой.

— Ну секретарь, конечно, в первую очередь. И правильно! Гордится ведь вами.

— Ох, уж этот секретарь!.. — Пелагея Павловна, улыбаясь, качает головой. — Де и когда тут говорить-то. Домой ко мне приходите. Обсудим все спокойно. А пока в Красный уголок можем пройти.

— Сначала мне хочется побыть именно здесь, у станка. Посмотрю, как вы работаете, познакомлюсь с бригадой.

— Это пожалуйста! Знакомьтесь: Николай Бирюков, Виктор Гусев, Кулик Анатолий... Все мастера как на подбор, только я одна среди них слабый пол. Но я ведь не виновата, что меня к ним назначили...

— Ты у нас, Павловна, в брючном костюме ходишь... Так что все вполне в духе времени.

По тому, как это сказал Анатолий Кулик и как подхватили шутку двое других, было видно: работают и живут в бригаде дружно, начальницу уважают.

Коренева, извинившись, заспешила по своим делам, а Пелагея Павловна, сдувая со лба прилипшую прядь волос, стала рассказывать мне о каждом из «мужиков», все время подчеркивая, что если и есть у бригады какие-то успехи, так это оттого, что люди сработались, сдружились, выручают друг друга в любых обстоятельствах.

— С такими можно любой план, любую пятилетку сделать. Кулик выполнил свою личную пятилетку к 10 апреля, Бирюков с Гусевым еще раньше — к 20 марта 1975 года. Поднажмем, и свои собственные обязательства перекроем.

— И такое тоже бывает? — спросил я.

— Бывает! — Пелагея Павловна все-таки справилась со своим упрямым локоном, правда, при этом на лбу ее остался темный масляный след. — Мы свою бригадную пятилетку, к примеру, взялись к 105-й годовщине со дня рождения Ленина выполнить. К 22 апреля 1975-го, стало быть. А выполнили, знаете, когда?

— Восьмого апреля... Точно? — она поглядела сперва на Кулика, потом — на Бирюкова, потом — на Гусева.

— Точно! — в один голос поддержали те.

— Ну, а вы, — спрашиваю Пелагею Павловну, — свой личный пятилетний план когда закончили?

За Кордину мне отвечает Бирюков:

— К первому октября 74-го. Передовик из передовиков у нас Пелагея.

Кордина, смущенно улыбнувшись, подходит к станку, включает его. Это 12-шпиндельный агрегат, сконструированный Александром Алексеевичем Симанковым, кадровиком производства.

Оборачиваясь ко мне через плечо, Пелагея Павловна кричит отчетливо, почти по слогам, чтобы я не пропустил ни одного слова:

— Ничего машинка, а! Высвободила пятерых рабочих! Производительность в два с лишним раза больше, чем на старом станке!.. Признавайтесь, вы такую когда-нибудь видели?

Я говорю, вернее, тоже кричу, что раньше работал токарем и дело это мне в общих чертах знакомо.

— Ах, вот оно что! — обрадованно восклицает Кордина. — Так, может, и вам «брючный костюм» раздобыть, покажете свое искусство?

Лишнего комбинезона для меня, к сожалению, не оказалось, пришлось, увертываясь от брызг эмульсии, поработать на станке всего несколько минут, но мне было приятно, что руки мои все-таки коснулись металла, согретого руками Кординой.

— В другой раз я вам специальную робу принесу, хотите? — смеется Пелагея Павловна.

— Конечно, хочу! И мы еще с вами посоревнуемся!

— Вообще-то соревнование у нас тут идет полным ходом. С бригадой Федюнина Виктора договор у нас. Там ребята все тоже трудолюбивые. Отличные мастера! Есть на кого равняться, одним словом. А работа тут напряженная, сами видите, почти как на конвейере, только успевай поворачиваться.

Пелагея Павловна умолкла, целиком уйдя в работу. Я еще долго наблюдал за ней, за каждым ее движением. Снова и снова видел ее точно такой, как на плакате — статной, высокой, даже глаза ее, и без того голубые, поголубели еще больше, сделались почти синими.

В красном уголка, куда мы пришли в обеденный перерыв, я вооружаюсь блокнотом, но, заметив, что это смущает мою собеседницу, засовываю его поглубже в карман пиджака.

— Так-то оно лучше будет, — замечает Пелагея Павловна.

— Поговорим по-простому...

— Как токарь с токарем? — спрашиваю я.

— Как человек с человеком. А то был у нас тут недавно один из газеты — его только цифры интересовали.

— Цифра цифра рознь, Пелагея Павловна. Вы мне сами несколько цифр назвали. Звучат!

— Все-таки а людях все заключено. В их отношении к делу. Если бы в моей бригаде не было Кулика, Гусева, Бирюкова, — неизвестно еще, какие были бы цифры.

Пелагея Павловна снова принимается рассказывать мне о своих друзьях. Обо всех вместе и о каждом в отдельности. Знает о каждом все, даже о том, как ведут себя дома, в семье, как женам своим помогают. Потом стали говорить о молодых, о поколении, которое подрастает или уже подросло, поднялось на ноги...

— Много думают у нас на завода о молодежи, о ее воспитании. Я сама, как член завкома, за молодых отвечаю. Их не надо много агитировать, с полуслова поймут. А что не поймут — спросят. Работают прекрасно. Постоянно на переднем крае пятилетки... Ко мне и в цех, и даже домой ходят с любым делом. Я молодежи свой опыт передаю. В книжках это эстафетой, кажется, называют? Я не ошиблась?

— Называют.

— Красивое слово, только неточное.

— В чем же неточность? — спрашиваю Пелагею Павловну.

— У нас с мужем двое детей — Анатолий и Наташа. Оба комсомольцы. — Пелагея Павловна, тщательно вытерев руки ветошью, достает из сумочки две крохотные фотокарточки.— Вот посмотрите.

Я долго разглядываю открытые, умные лица ребят. Пелагее Павловне явно нравится, что я держу в руках фотографии так долго и рассматриваю так пристально. Она сама внимательно изучает их вместе со мной, будто видит первый раз в жизни.

После паузы спрашивает:

— А у вас есть дети?

Вместо ответа я извлекаю из бумажника фотографию своей дочери. Теперь Кордина в свою очередь долго держит в руках портрет незнакомого ей ребенка, интересуется, как девочку зовут, как и где она учится, потом говорит:

— Эстафета — это когда один передает палочку другому. Один остановился, другой вместо него побежал, правильно?

— В общем и целом, — отвечаю я. — В спортивной эстафете так.

— Правильно, в спортивной, — уточняет Пелагея Павловна. — А в жизни по-иному. Если мы остановимся, то и дети наши с места не сдвинутся, если дети наши рванут вперед, то и нам отставать неохота. Согласны?

— Согласен

— Вот почему я и говорю: эстафета тут не подходит.

Разговор наш, к сожалению, подходит к концу. Пока мы говорили, фанерная дверь Красного уголка уже несколько раз отворялась, Пелагея Павловна подавала кому-то знак рукой, дверь затворялась, но по всему было видно: работа больше не ждет — торопит, требует.

Через несколько минут мы распрощались с Пелагеей Павловной как старые знакомые.

Распрощались ненадолго. Я обязательно встречусь с ней и с ее бригадой еще не раз. А если Пелагея Павловна действительно принесет для меня «робу», мы непременно поработаем на ее 12-шпиндельном вместе, в четыре руки.

И еще подумалось вот о чем. Нынешний год входит в историю, как Международный год женщины. Каких женщин? Самых обыкновенных и необычайных. Самоотверженностью, разумом, трудолюбием которых многое на земле держится, которые не уступают мужчинам, а во многом даже идут впереди. Не все мужчины, сильный пол, умеют работать так, как работает Кордина.

Пройдет немного времени, и дочь моя вместе с дочерью Пелагеи Кординой Наташей сделает землю, на которой пролил кровь и я сам, и мои однополчане — солдаты Великой Отечественной, еще более прекрасной, цветущей. Землей, которую вовек разлюбить нельзя. В которую можно только влюбляться — все больше и больше, все преданней.

Совсем недавно я позвонил на завод, хотел осуществить задуманное, снова повидаться с Кординой, поработать в четыре руки. Оказалось, она в отпуска. Совсем недавно ушла. Рассказали мне о последних ее успехах. Так, например, в прошлом месяце, в июле, она выдала «на-гора» полторы нормы, 150 процентов... Поздравляю, Пелагея Павловна! До новой встречи!

РАБОЧЕЕ ЛЕТО ПИСАТЕЛЯ

Гариф АХУНОВ

ИСТОКИ

Нынешним летом я закончил роман «Волжанин», первую книгу задуманной трилогии. События романа охватывают очень важный в истории моей республики период: возникновение рабочего класса в Татарии, революция, совместная борьба русского и татарского народов против контрреволюции, годы коллективизации. В книге действуют рабочие и крестьяне, профессиональные революционеры, военные, представители творческой интеллигенции. Чтобы воссоздать атмосферу тех напряженных лет, мне пришлось не только изучать документы, но и встречаться с участниками революции и гражданской войны, с организаторами первых колхозов.

Читатели могут задать вопрос: почему автор, пишущий на современную тему, обратился к теме историко-революционной? Попробую ответить.

В течение многих лет моя республика занимала первое место в стране по добыче нефти. Каждый третий мотор страны работает на горючем, добытом из недр Татарстана. Высокими темпами развиваются машиностроение, химия, энергетика. Изменились и люди... Вот мне и хотелось выяснить — прежде всего для себя, а потом уже рассказать читателям: как достигла столь высокого уровня отсталая в прошлом Казанская губерния, что дала Октябрьская революция татарскому народу?

Один из центральных героев романа «Волжанка»—Шаймардан Ибрагимов. Ровесник века, в 1916 году он организовал на одном из предприятий Москвы забастовку, был арестован и брошен в царскую тюрьму. Вступив в члены ленинской партии, он познакомился с руководителями рабочего движения. Позднее участвовал в подавлении контрреволюционного кронштадтского мятежа, был награжден орденом Красного Знамени. Я храню копию приказа № 40 от 15 августа 1918 года о назначении Ибрагимова председателем мобилизационного отдела Первой революционной армии Восточного фронта. Приказ этот подписан командармом Тухачевским, начштаба Захаровым, комиссаром Куйбышевым. Ибрагимов участвовал не только в гражданской войне, но и в Великой Отечественной. Одна из улиц в Москве носит сегодня его имя.

Сухие, кажется, факты биографии. Но чем больше я уходил в работу, тем сильнее волновали судьбы сынов татарского народа, тех, кто боролся за лучшую долю, кто участвовал в обновлении мира. Не могла не взволновать меня и жизнь революционера Мулланура Вахитова, в годы гражданской войны работавшего под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина...

Недавно я побывал в Елабуге, Нефтекамске, Свердловске, в городах и поселках, где когда-то жили и трудились герои моего нового романа. Увидел я их сыновей и внуков и еще раз убедился в том, что они достойно продолжают дело своих отцов и дедов.

«Еще раз» — сказано, пожалуй, не совсем точно. По депутатским делам мне часто приходится выезжать в самые разные районы республики, встречаться с председателями хозяйств, партийными и советскими работниками, с нашей молодежью, вникать во многие, подчас непростые, проблемы. Эти поездки и встречи — не только святая депутатская обязанность, они стимулируют, обогащают мою работу — работу писателя. Именно ощущение дня нынешнего, его напряженного ритма и дел, забот и радостей «заставило» меня трудиться одновременно с трилогией над новой повестью «Как ты живешь, сосед?», посвященной современной татарской деревне.

КАЗАНЬ

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

Мустай Карим дает автографы

Фото В. ШАГОВА

литературная панорама

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Александр РЕКЕМЧУК

СТАРЫЕ И НОВЫЕ МАТЕРИКИ

Где только не побывал Александр Рекемчук за последнее время! Его маршруты пролегли через Калининград и Коми АССР, Харьков и Тольятти...

Я спросила его:

— А не отвлекают ли вас все эти поездки, встречи на предприятиях, участие в читательских конференциях от вашего собственного рабочего места — письменного стола?

— Отвлекают. Конечно же. Но как хорошо, что отвлекают! Был такой случай. В августе 1972 года я жил в подмосковной деревне. Сводки погоды не предвещали перемен. Дымная мгла заволакивала все округ. Долгие часы я сидел за письменным столом над чистым листом бумаги, не в силах написать ни строчки. И не только потому, что удушала жара. Не только потому... Ведь я жил в деревне колхозной. И видел, во что превратило бедствие засухи труд людей. Видел и лица самих этих людей... Не писалось, не шла строка.

Неожиданная телеграмма из правления Московской писательской организации. Через день вместе с поэтом и прозаиком Сергеем Марковым мы улетали из Домодедово, как и многие другие писатели Москвы, в составе агитационно-пропагандистских групп в Зауралье, в Сибирь, в Казахстан.

На рассвете самолет пробил облака. И в этот миг все, кто был на борту — украинские механизаторы, студенты, отпускники, матери с грудными детьми, гитаристы какого-то эстрадного ансамбля, — все бросились к иллюминаторам, прильнули к ним, взволнованно дыша... Внизу, на необозримом земном просторе, лежала одна золотая краска: хлеб! Целинный хлеб!

Я никогда не забуду дорог Северо-Казахстанской области, где на каждом перекрестке был установлен магический знак автоинспекции — «кирпич». Впервые в жизни я смотрел на него влюбленно — это означало, что проезд закрыт для всех видов транспорта, кроме караванов машин, везущих зерно на элеваторы — день и ночь везущих хлеб. Не забуду и зал областного партийного актива, где на плечах некоторых присутствующих были армейские погоны. Это были командиры воинских подразделений, которые прибыли на целину, чтобы помочь убрать тот поистине стратегический хлеб семьдесят второго года. Не забуду жителей Сергеевки, которые в те страдные, замаянные дни спрашивали нас, писателей: нравится ли нам придуманное ими новое название их городка — Целиноморск? За околицей Сергеевки уже плескалось бескрайнее море...

Наверное, я так и не напишу книги о целине. И, скажем, последняя поездка в Коми АССР, с которой я давно породнился, дала мне практически больше материала, идущего в само дело. Но тогда, возвратившись с целины домой, вернувшись к своему письменному столу, я вдруг почувствовал, чем была для меня эта неожиданная командировка, что дала она сердцу!

Мне кажется очень верной мысль, высказанная однажды Георгием Мокеевичем Марковым, о том, что писательские поездки по родной стране, даже если они не связаны прямо с определенным тематическим пристрастием, дают возможность литератору окунуться в саму атмосферу сегодняшней жизни народа, проникнуть к захватывающей горонке времени — и это неизбежно самым благотворным образом отзовется на той книге, над которой сейчас работает писатель.

— Александр Евсеевич, вы упомянули о своей недавней командировке в Коми АССР. Снова и снова вы возвращаетесь к ней, так тесно связанный с ялшей жизненной и писательской судьбой. На материале впечатлений более чем десятилетней работы в республике написаны «Время летних отпусков», «Молодо-зелено», «Скудный материк», целый ряд рассказов. Какова цель последней поездки?

— Самая практическая. Я ездил в Удорский район, где согласно межгосударственному договору о совместной эксплуатации таежных ресурсов действует советско-болгарское лесозаготовительное предприятие. О нем я узнал во время прошлогодних Дней советской литературы в Коми АССР. Тогда на встрече с работниками обкома партии зашел разговор о совершенно новом виде социалистической интеграции, конкретно об этой новой форме деловых контактов между Советским Союзом и странами социалистического содружества. Тема очень заинтересовала, и нынешней весной вместе с болгарским кинодраматургом Георгием Браневым мы отправились к болгарским лесозаготовителям, которые трудятся в тайге в тесном контакте с советскими специалистами. Сейчас работаем над сценарием художественного фильма «Край света», который будет создаваться на «Лонфильме» совместно с софийской киностудией и расскажет о болгарской молодежи, приехавшей в далекий таежный северный край. Должен сказать, что и в Болгарии эта тема привлекла внимание многих авторов. В частности, в Удорском районе я встретился с болгарским писателем Димитром Добревски, который здесь работает инженером и одновременно пишет книгу об этом предприятии.

За последние годы самые отдаленные уголки Коми республики неузнаваемо преобразились. В тайге протянулись железнодорожные рельсы, выросли красивые поселки с дворцами культуры, школами, современными зданиями. Каждый раз, когда бываю здесь, я обязательно нахожу что-то новое, такое, что пригодится мне в будущей работе. Видимо, тема преображающейся северной земли еще долго не исчерпает себя, останется со мной.

Интервью взяла В. ПОМАЗНЕВА

НАМ СООБЩИЛИ...

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНА ИЗДАТЕЛЬСТВУ «КАЗАХСТАН»

На заре века талантливый сын казахского народа, поэт-демократ Султанмахмут Торайгыров с горечью писал, что среди казахов мало читателей, да и читать нечего — нет книг на казахском языке... Сегодня в Казахстане несколько крупнейших издательств, выпускающих литературу огромными тиражами.

Только одно издательство общественно-политической литературы «Казахстан» в прошлом году выпустило книги 334 названий тиражом более пяти миллионов экземпляров. В этом издательстве в свое время работали зачинатели казахской советской литературы — С. Сейфуллин, Б. Майлин, И. Джансугуров, М. Ауэзов.

Среди авторов книг, выпущенных «Казахстаном» в последние годы, — писатели, чьи имена хорошо известны не только в республике, но и далеко за ее пределами.

За плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, мобилизации их на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства издательство «Казахстан» награждено орденом Дружбы народов. Недавно состоялось вручение высокой правительственной награды. Орден Дружбы народов вручил Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Б. Ниязбеков.

Ю. ШАПОРЕВ

АЛМА-АТА

«САЛАМ ТЕБЕ, КИРГИЗИЯ!»

Через месяц в Киргизской ССР состоятся Дни советской литературы. Республика деятельно готовится и этому событию.

В переводах на киргизский язык выпущены антология советской поэзии, роман Г. Маркова «Сибирь», сборники стихов А. Софронова, Р. Рождественского, М. Кильчичакова.

На русском языке вышли сборник стихов советских поэтов «Салам тебе, Киргизия!» и сборник стихов киргизских поэтов о дружбе народов, библиографический справочник «Книги русских и советских писателей, выпущенные в Киргизии на русском языке за 50 лет», антология «Киргизская лирика».

Ф. ГИЛЛЯУЗИЗОВ

■

Во Фрунзе, в главном книжном магазине столицы, состоялась «премьера» двух книг киргизских писателей — романа У. Абдукаимова «Битва» и сборника стихов С. Джусуева «У огня».

У. Абдукаимов хорошо известен как прозаик, переводчик и драматург. Его роман «Битва» — одно из значительных произведений киргизской литературы, посвященных Великой Отечественной войне.

У поэта С. Джусуева в разные годы вышло несколько сборников. Среди них — «В ожидании гостя», «Орлица», «Дымок над аилом»...

«Премьеру» открыл Т. Вайляков. Он рассказал об истории создания книг, об их авторах. А потом было множество самых разных вопросов.

Новая форма пропаганды книги, предложенная республиканским обществом любителей книги, пришлась по душе многочисленным читателям.

А. АЛЯНЧИКОВ

гор. ФРУНЗЕ

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Утром 26 июля умерла в Тарусской больнице Ариадна Сергеевна Эфрон. Друзья похоронили ее на Тарусском кладбище, на высоком берегу Оки.

Ариадна Сергеевна Эфрон широко известна читателям как поэт-переводчик, в последние двадцать лет работающий в этой области весьма активно и плодотворно. Переводила она с разных языков, но особенно любила переводить с французского, итальянского и испанского, и ее переводы Патрарки и великих французов прошлого века (Ведлера, Верлена, Готье) и современных нам Арагона, Жуве, Реверди, Тристана Тзара отличаются высоким мастерством и культурой.

Ариадна Сергеевна была достойной дочерью своей матери — Марины Цветаевой, и, в полной мере понимая значение ее литературного труда, отдала много лет жизни и бесконечно много душевных сил работе над творческим наследием замечательного русского поэта. Ариадна Сергеевна — составитель и комментатор двух книг и всех публикаций произведений Марины Цветаевой. Она собрала и сохранила для нашей литературы драгоценный архив матери, и этот ее прекрасный труд дорогого стоит. Нет цены и воспоминаниям Ариадны Сергеевны Эфрон, первая часть которых публиковалась в 3-м номере журнала «Звезда» за 1973 год, а вторая совсем недавно вышла — в 6-й книжке той же «Звезды» за нынешний год. Это вдохновенная, умная, глубокая проза, взволнованный рассказ о нелегкой судьбе талантливой семьи, и больно думать о том, что Ариадна Сергеевна уже не продолжит и не завершит эту работу, которую она считала главным делом своей жизни. Спасибо ей, однако, и за то, что она успела оставить людям.

У Ариадны Сергеевны Эфрон была трудная судьба, тяжелая жизнь, но она была сильным и мудрым человеком, она всегда находила в себе силы помогать тем, кто был слабее ее и нуждался в ее помощи, и в самых сложных обстоятельствах жизни ей неизменно хватало силы духа и высокого человеческого достоинства. Пусть такой она и останется в памяти нашей.

Маргарита АЛИГЕР

ЗА СТРОКОЮ КНИГИ

БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТИ ЧЕРТЫ

«Вы тоже — моя далекая милая юность...» Так писал А. А. Фадеев другу юности Асе — Александре Филипповне Колесниковой. Письма писателя А. Ф. Колесниковой, опубликованные им в книге «...Повесть нашей юности», читаются с огромным интересом. И не только потому, что из них мы многое узнаем о начале революционной деятельности А. Фадеева в период жизни на Дальнем Востоке. Написанные рукой художника, письма эти читаются как взволнованные воспоминания о давно ушедших годах.

Далеко не всякий адресат мог вызвать такие воспоминания, настроить на такой лирический лад. «Вы были девушка с поэтической душой...» — писал А. А. Фадеев. И в другом письме, сыну А. Ф. Колесниковой, бывшему летчику-истребителю, ныне писателю Льву Колесникову: «...С матерью Вашей мы по-прежнему переписываемся, ибо остались с ней «последними из удэге», единственными помнящими друг друга людьми одного возраста от очень хорошей в лучшем смысле романтически настроенной, то есть полной духовных сил компании незаурядных юношей и девушек, ученье, дружба, мечты которой были и характерны и в то же время выделялись на общем фоне последних предреволюционных годов и первых лет революции...»

Как же сложилась судьба и жизнь А. Ф. Колесниковой? Из комментария к «...Повести нашей юности» известно, что она учительствовала в Средней Азии, потом переехала к сыну в Волгоград. Но, наверное, читатели, любящие творчество А. А. Фадеева — в таких миллионы, — хотели бы знать как можно больше обо всем, что связано с писателем, тем более о его товарище из дальневосточной «коммуны», девушке Асе, которой адресованы удивительные письма.

Недавно в Нижне-Волжском книжном издательстве вышла повесть-быль А. Колесниковой «Обычная дорога российская». Эта небольшая по объему книга читается с тем интересом, который вызывают записки бывалых людей. А тут еще не просто человек, отдавший большую, порой нелегкую, но всегда наполненную жизнь школе и детям — не так уж и много у нас записок школьных учителей, — тут и подруга юности А. Фадеева.

Впрочем, о самом А. Фадееве в книге сказано мало, ровно столько, сколько потребовало повествование — и в этом чувствуется большой такт автора. Зато обстоятельно рассказано о предреволюционных годах на Дальнем Востоке.

Вряд ли надо пересказывать содержание книги — да и можно ли пересказать, когда здесь нет никакого особого сюжета, а есть человеческая жизнь. Все в книге по-своему интересно: и владивостокская юность и кружки ликбеза, которые организовывала и вела А. Колесникова, и школа в Средней Азии, и трудности военных лет, и размышления о призвании учителя: «...литературу... я видела не столько предметом для изучения, «прохождения», сколько великим подспорьем в деле воспитания чувств и характеров учеников своих».

Несмотря на преклонный возраст, Александра Филипповна Колесникова по-прежнему, как говорят, в строю. По собственной инициативе она занимается с учениками, и надо сказать, что этих своеобразных уроков всегда с нетерпением ждут школьники. Она часто встречается с молодыми волгоградцами, воинами, рассказывает о труде учителя, о юных годах А. А. Фадеева.

В заключение хочется познакомить читателей

«Литературной газеты» с редким рисунком А. А. Фадеева, на котором изображен домик в селе Чугуевке. Рисунок был сделан года за полтора до революции. Хранится он у А. Ф. Колесниковой.

И. ГУММЕР

ВОЛГОГРАД

НОВЫЙ СОВЕТ ПРИ СП СССР

При правлении Союза писателей СССР создан Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе.

В состав совета вошли писатели, представители ЦК ВЛКСМ, МВД СССР, Госкомиздата СССР и РСФСР, ВААП, Госкино, руководители ряда центральных и республиканских издательств, журналов, газет.

Председателем совета утвержден С. С. Смирнов, первым заместителем председателя — А. Кулешов, заместителями А. Адамов, А. Насибов, Е. Парнов.

В планах совета следующие мероприятия: всесоюзное творческое совещание, посвященное актуальным проблемам развития советской приключенческой и научно-фантастической литературы, многодневный семинар при Высших литературных курсах Литинститута имени М. Горького, публикации теоретических статей, критические обозрения, обсуждение новых произведений, дискуссии и т. д.

Дмитрий Дмитриевич ШОСТАКОВИЧ

Советская художественная культура, прогрессивное искусство мира понесли тяжелую, невосполнимую утрату. На 69-м году жизни скончался великий композитор нашего времени Дмитрий Дмитриевич Шостакович — депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР.

Верный сын Коммунистической партии, видный общественный и государственный деятель, художник-гражданин Д. Д. Шостакович всю свою жизнь посвятил развитию советской музыки, утверждению идеалов социалистического гуманизма и интернационализма, борьбе за мир и дружбу народов.

Д. Д. Шостакович родился 25 сентября 1906 года в Ленинграде. В 1925 году он окончил Ленинградскую государственную консерваторию. Уже первая симфония, которую написал девятнадцатилетний композитор, заявила о рождении могучего художественного таланта. Тема расцвета человеческой личности в революции, в нашем новом обществе определила идейно-образное содержание Пятой и Шестой симфоний, фортепианного квинтета, музыки к кинофильмам «Встречный», «Великий гражданин», к кинотрилогии о Максиме и других произведений довоенных лет. В эти же годы Д. Д. Шостакович создает оперу «Нос» по Гоголю и «Катерина Измайлова» по Лескову.

Бессмертным музыкальным памятником эпохи, волнующим художественно-политическим документом стала Седьмая симфония. Написанная в 1941 году в осажденном Ленинграде, она поведала всему миру о несгибаемой силе духа советских людей, о их вере в победу над фашизмом.

В послевоенные годы талант Д. Д. Шостаковича проявился с еще большей силой и полнотой. Композитор создал симфонии, хоровые поэмы, посвященные революции 1905 года и В. И. Ленину, которые нашли глубокий отклик в сердцах миллионов людей. Широкую известность приобрели его оратории и вокальные циклы, инструментальные концерты, квартеты и обработки народных песен, музыка ко многим кинофильмам.

Мужественно борясь с тяжелой болезнью, Д. Д. Шостакович продолжал творить вплоть до последнего дня своей жизни. Он написал произведения высочайшего философского звучания, мудрого жизнеутверждения: Пятнадцатую симфонию, Пятнадцатый квартет, где особенно ярко выступают благородство мысли композитора, его выдающееся мастерство.

Многогранное творчество Д. Д. Шостаковича — замечательный образец верности великим традициям музыкальной классики и прежде всего — русской. Он черпал вдохновение в нашей советской действительности, открывая все новые возможности ее художественного воплощения в музыке. Своим новаторским творчеством он утверждал и развивал искусство социалистического реализма, прокладывал новые пути прогрессивной мировой музыкальной культуры.

Много сил Д. Д. Шостакович отдавал общественной деятельности. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР VI, VII, VIII, IX созывов, депутатом Верховного Совета РСФСР II, III, IV, V созывов.

В 1960—1968 гг. он возглавлял Союз композиторов РСФСР, был секретарем правления Союза композиторов СССР, членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР, председателем общества «Советский Союз — Австрия». Д. Д. Шостакович избран почетным членом многих зарубежных академий и университетов.

Партия, Советское правительство высоко оценили заслуги Д. Д. Шостаковича. Ему присвоено звание народного артиста СССР, первым среди музыкантов он стал Героем Социалистического Труда. Д. Д. Шостакович награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени. Ему присуждены Ленинская премия, Государственные премии СССР и РСФСР, международная премия мира.

Человек высокого общественного долга, душевной щедрости, исключительной скромности, Д. Д. Шостакович отдал все свое творчество служению народу, Советской Родине. Он внес огромный вклад в сокровищницу отечественной и мировой художественной культуры.

Гений Шостаковича, его великие творения будут жить в веках.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Г. Ф. Сизов, М. П. Георгадзе, А. А. Епишев, Е. М. Тяжельников, В. Ф. Шауро, С. Г. Лапин, Ф. Т. Ермаш, Б. И. Стукалин, М. Абдраев, Э. Г. Гилельс, Н. Г. Жиганов, В. Г. Загорский, Г. В. Келдыш, К. А. Караев, Д. Б. Кабалевский, Л. Б. Коган, К. П. Кондрашин, З. М. Круглова, Л. А. Кулиджанов, А. Кулиев, В. Ф. Кухарский, В. А. Лаурушас, Г. М. Марков, Ю. С. Мелентьев, Э. М. Мирзоян, Е. А. Мравинский, Г. Ш. Орджониидзе, Г. М. Орлов, А. Н. Пахмутова, А. П. Петров, Н. А. Пономарев, Г. Г. Раман, Е. Рахмадиев, С. Т. Рихтер, Г. Н. Рождественский, А. В. Романов, Я. П. Раутс, П. И. Савинцев, Ш. С. Сайфиддинов, Э. Ш. Салихов, Е. Ф. Светланов, Г. В. Свиридов, В. П. Соловьев-Седой, Н. С. Тихонов, Н. В. Томский, С. С. Туликов, З. П. Туманова, К. А. Федин, А. И. Хачатурян, А. Н. Холминов, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, Д. М. Цыганов, Б. А. Чайковский, Г. Р. Ширма, М. А. Шолохов, А. Я. Штогаренко, Р. К. Щедрин, А. Я. Эшпай, В. Н. Ягодкин.

Павел Матвеевич УСЕНКО

4 августа 1975 года на 74-м году жизни скончался выдающийся украинский советский поэт, лауреат республиканской комсомольской премии имени Н. Островского Павел Матвеевич Усенко.

В историю советской литературы Павло Усенко вошел как запевала комсомольской поэзии на Украине. Он впервые изобразил в своих произведениях новых героев — представителей Ленинского комсомола, отразил их боевые и трудовые подвиги во время гражданской войны, в годы мирного социалистического строительства. Яркой художественной летописью мужества и патриотизма советских людей явилось творчество поэта в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы.

П. М. Усенко литературную деятельность начал в 1922 году. Он является автором свыше тридцати книг, среди которых — «КСМ», «Лави ідуть КаеСеМові», «Лірика бою», «Сини», «Листя і роздуми», «Пісня розбуджених літ», «Із зошитів життя», «Над літами».

Художественное творчество Павло Усенко сочетал с активной общественной и редакционно-издательской работой. Работал секретарем уездного, заведующим политотделом окружного комитетов комсомола, занимал ответственные должности в редакциях молодежных газет и журналов. Возглавлял литературную организацию комсомольских писателей «Молодняк», где начинал свою творческую биографию ряд известных советских литераторов. Являлся членом президиума, секретарем партийной организации Союза писателей Украины. П. М. Усенко избирался в состав Киевского горкома Компартии Украины, кандидатом в члены Киевского обкома партии.

С большим вдохновением воспевал поэт Коммунистическую партию, Советскую Родину, нерушимую дружбу народов нашей страны, возвеличивал человека труда. Его вдохновенное слово утверждает молодость нового мира, помогает воспитывать подрастающее поколение в коммунистическом духе.

Партия и правительство высоко оценили творческую деятельность Павло Усенко. Он награжден орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, Орденом Красной Звезды, двумя орденами «Знак Почета», многими медалями.

Светлый образ выдающегося советского поэта навсегда останется в наших сердцах.

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ, И. С. ГРУШЕЦКИЙ, А. П. ЛЯШКО, И. К. ЛУТАК, В. Е. МАЛАНЧУК, В. М. ЦЫВУЛЬКО, А. П. БОТВИН, П. Т. ТРОНЬКО, Ю. Н. ЕЛЬЧЕНКО, Н. Г. ИЩЕНКО, А. И. КОРНИЕНКО, К. А. ФЕДИН, Г. М. МАРКОВ, Ю. Н. ВЕРЧЕНКО, А. П. КЕШОКОВ, М. К. ЛУКОНИН, С. В. МИХАЛКОВ, А. А. СУРКОВ, Н. С. ТИХОНОВ, Н. П. ВАЖАН, Л. Н. ВЫШЕСЛАВСКИЙ, П. Н. ВОРОНЬКО, А. Т. ГОНЧАР, П. А. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ, Ю. О. ЗВАНАЦКИЙ, В. П. КОЗАЧЕНКО, А. С. ЛЕВАДА, В. П. МИНКО, Н. Л. НАГНИБЕДА, Л. Н. НОВИЧЕНКО, С. И. ОЛЕЙНИК, В. И. ОЛЕЙНИК, Д. Ф. ПАВЛЫЧКО, П. И. ПАНЧ, Ю. К. СМОЛИЧ, Н. И. СОЛДАТЕНКО, М. А. СТЕЛЬМАХ, В. Н. ЧАЛЫЙ, И. З. ШАМОТА, Ю. Ю. ШОВКОПЛЯС.

СРЕДИ КНИГ

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

СУРОВАЯ СИЛА ЭПОСА

Всеволод САХАРОВ

В КНИГЕ Федора Абрамова обозначено время создания романов, составивших трилогию, — 1958, 1968 и 1973 годы. Даты эти достаточно красноречивы. За ними — многолетняя писательская работа, устойчивый интерес, определивший движение трилогии. Творческая история «Пряслиных» сливается с жизнью эпохи, с общим движением литературы. Хорошо, что у нас есть такие прочные, устойчивые произведения, откликающиеся на запросы и проблемы своего времени и развивающиеся вместе с ним, не отставая и не отвлекаясь на эффектные, но внутренне не оправданные новации. Конечно, всегда существовал немалый соблазн забежать вперед и, спрятав рукопись в стол, высокомерно ожидать, когда же эпоха и читатель до тебя дорастут. И все же высшая награда для писателя — писать для своих современников и снискать их понимание и одобрение. Такой наградой был для Федора Абрамова незаурядный успех его романов, которые теперь соединились в трилогию и обрели множество новых читателей, продуманы и оценены ими заново.

Картина деревенской жизни военной и послевоенной поры, воссозданная в трилогии, потрясла многих своей беспощадной достоверностью. Федор Абрамов показал: вот так это было. Очевидно родство его трилогии, и в особенности романа «Братья и сестры», с суровым деревенским очерком 50-х годов, смело указывавшим на тугие узлы наболевших проблем села и немало способствовавшим их разрешению. Отсюда — публицистичность, остроконфликтность и бескомпромиссный реализм прозы Федора Абрамова. Но в его романах социальные и нравственные проблемы тех трудных лет обрели новое художественное воплощение, не потеряв при этом остроты и подлинности.

Есть в «Братьях и сестрах» многозначительная сцена — замкнутая Марфа рассказывает о своем замужестве, и слушающий ее Лукашин думает: «...вот сейчас в этой бабе, такой суровой и неподладистой с виду, ему приоткрылось что-то столь большое и важное, без чего невозможно понять ни русского человека, ни того, что было и будет еще на русской земле...» Федор Абрамов стремится увидеть и показать нам своих героев именно в те моменты, когда приоткрывается глубинная суть личности и выявляется сила советского характера, которая помогла пекашинцам выстоять, несмотря ни на что. Проблемы и быт, достаточно интересные и важные сами по себе, не заслоняют живые лица, характеры, ради которых и строится художественный мир трилогии. Бытописание подчинено здесь исследованию человека, выявлению связей между людьми.

С первых страниц трилогии мы попадаем в тесный мир далекой северной деревни Пекашино. Писатель восстанавливает реалии этой жизни, протекавшей в постоянной, изматывающей борьбе с суровой природой. Сгрудившиеся избы Пекашина окружали леса: «От леса кормились, лесом обогревались, но лес же был и первый враг». Лесозаготовки отрывали крестьян от работы на земле. А мертвая, промерзшая земля жаждет прикосновения человеческих рук.

Люди, живущие на этой земле, суровы, немногословны и упорны в работе. Колхозники все время помнят о фронте, требующем леса и хлеба. Да и фронт постоянно напоминает о себе солдатскими письмами и похоронками. И тяготы военного времени еще больше сплотили крестьян, выявили несомненные преимущества коллективного ведения хозяйства, открыли в людях новые возможности, особую их нравственную силу: «Люди из последнего помогают друг другу. И такая совесть в народе пробудилась — душа у каждого насквозь просвечивает».

Пекашино невелико, и люди здесь живут миром и на миру. Не случайно Федор Абрамов дал своей трилогии столь емкое название. Ведь судьба Пряслиных — это судьба тысяч и тысяч крестьянских семей в войну. Гибель отца на фронте, голодные ребятишки, чье детство съела война, и работа, работа, работа... И вера в то, что их напряженнейший труд неизбежен и необходим — это ратный подвиг здесь, в тылу, это служение тому же, за что сражаются пекашинцы, ушедшие на фронт.

У Михаила Пряслина особая роль в трилогии. Если мы внимательнее присмотримся к движению трилогии, то увидим, что все события важны прежде всего для Михаила, обращены к нему. Именно он, более чем другие, меняется вместе с временем, и на нем чаще всего сконцентрировано внимание писателя и читателей. Судьба Михаила Пряслина как бы скрепляет художественную ткань трилогии, ее эпизоды и характеры.

Жизнь сурово испытывает и воспитывает крестьянского паренька. Не всякий взрослый выдержал бы такой град ударов. И Михаил не всегда находит верное решение, с мальчишеской безоглядностью иногда обижая близких людей. Так, он выступает на собрании против председательницы Анфисы Мининой, всю войну вытягивавшей колхоз и помогавшей Пряслиным. И все же мы видим движение, упорство молодого характера, пробивающегося к зрелости. На этом пути все так или иначе помогают Михаилу: и Анфиса, и Лукашин, давший ему рекомендацию в комсомол, и коммунист Илья Нетесов, подписавший Мишкино письмо в защиту арестованного Лукашина. Да и постоянные споры с приятелем детских лет, ловким приспособленцем Егоршей Ставровым многое прояснили Михаилу. Он стал не только достойным главой семьи Пряслиных, но и опорой колхоза, главным работником деревни.

От семьи Пряслиных незримые нити тянутся к родственникам, соседям — к колхозникам деревни Пекашино, соединяя пекашинцев в многоликий, но постоянно ощущающий свою силу и слитность коллектив — в народ. Не случайно вступающий в партию старый крестьянин сравнивает народ с лесом: «...что в лесу в бурю делается? Какой лес редкий — страшно взглянуть: лом один остается. А в котором дерево к дереву прижато, тому никакая буря не страшна. А что, спрошу вас... все красавцы в том лесу? Да нет! Иное дерево под свет попало, вымахало — куда там. А иное дерево всю жизнь в сырости, в тени, так — сук на суку, и вся цена-то ему, что на дрова. А ведь дело свое делает. Без него всему лесу беда».

Да, в жизни пекашинцев много сурового, их судьбы нелегки, как сурова и нелегка была жизнь каждого советского человека в годы военного лихолетья и последовавшего затем восстановительного периода. Но люди верят в победу, в скорые перемены, в повсеместное улучшение жизни — ради этого они и трудятся. В «Пряслиных» за пекашинцами все время угадывается другое, несравненно большее — единство, видно бескрайнее пространство народной жизни, ритму которой подчиняется существование и этой деревни на Пинеге.

Мир Пекашина мал, но он не замкнут — связан со всей страной. Федор Абрамов постоянно ощущает эту органичную взаимосвязь, и потому он так тщательно, с таким знанием и любовью изображает пекашинцев, создавая художественную летопись северной деревни — одну из страниц жизни народной. Его романы легко срастаются в трилогию. Читая «Пряслиных», не ощущаешь «швов», временных промежутков, разделяющих книги: завершается роман, но жизнь не кончается, переливаясь в новое русло. И масштабность, эпичность «Пряслиных» не столько в том, что в «Путях-перепутьях» писатель выходит за деревенскую околицу, сколько в чувстве непрерывности народной жизни, общности разных судеб.

Эта общность отчетливо заметна в судьбах пекашинских женщин. Проводив на фронт мужей, они тянут на себе всю деревню, выполняя тяжелую крестьянскую работу, валят и вывозят лес. «...Наша баба из пристяжной коренником стала... Да я перед этой бабой, если хочешь знать, на колени готов стать. Я бы ей при жизни памятник поставил», — говорит Лукашину секретарь райкома Новожилов. И вот одна за другой проходят перед нами эти труженицы: деловая, болеющая за колхоз Анфиса Минина, могучая Марфа Репишная, измученная горем, работой и домашними заботами Анна Пряслина и ее дочь Лизка, обаятельная в своей простодушной доверчивости и искренности. Судьба их соединила, дав каждой житейские горести, труд, похоронки, заботы о доме, о ребятишках. Но есть в этих женщинах спокойная сила, вера и неброская красота. Сквозь все горести и трудности упрямо пробивается светлая, жизнеутверждающая нота. В жизнь пекашинских баб и девчат приходят радостные праздники, тихая, ясная поэзия простых человеческих отношений, глубокие чувства, любовь. Говоря о своих героинях, Федор Абрамов скуп на похвалы и оценки, но само повествование о них превращается в гимн русской женщине-труженице.

И в мужских образах трилогии чувствуется та же сдержанная сила, жизнеспособность — вспомним хотя бы промелькнувшего в одном эпизоде председателя Худякова, «корневого человека», умелого и умного хозяина, по-отцовски заботящегося о своих колхозниках. В «Путях-перепутьях» незаурядная фигура секретаря райкома партии Подрезова теснит всех, выдвигаясь на первый план романа.

Образ Подрезова сложен и глубинно драматичен. Много в нем соединилось хорошего и плохого, и сейчас нам легко судить человека, в котором воплотились достоинства и недостатки воспитавшего его сурового времени. Но Подрезову нельзя отказать в силе и цельности характера, колоссальной работоспособности и преданности делу. Разумеется, значение этого образа в «Пряслиных» отнюдь не сводится к актуальной для очерков 50-х годов проблеме старого и нового стилей руководства. Да, отголоски этого спора слышатся в столкновении Подрезова с инженером Зарудным, новым человеком, идущим на смену старому типу руководителя. Но время давно уже разрешило этот спор, и обращение Федора Абрамова к этому конфликту преследует иные цели.

В «Путях-перепутьях» все герои живут уже в напряженном ожидании надвигающихся перемен. Все надежды обращены к будущему, которое вот-вот станет настоящим. О неизбежности перемен все — и Анфиса, и Лукашин, и Зарудный — говорят именно с Подрезовым, ибо именно он лучше других знает возможности района. Станет ли Подрезов препятствием на пути нового или, напротив, поможет его наступлению — от этого очень многое зависит. И движение подрезовского характера в этой сложнейшей, жизненно важной для него и для других ситуации стало одной из основных сюжетных линий третьей части трилогии.

И раньше мы читали о подобных ситуациях, но не всегда обращали внимание на их скрытый драматизм. Человек уходил, и людей мало интересовало, что же происходит в его душе. Да, Подрезов руководил районом жестко, «зажав» колхозы и леспромхозы, беспощадно требуя обозначенные в плане «кубики» и пуды. Но судьба его неразрывно связана с этими людьми — для них, для общего дела, а не для карьеры трудился этот сильный, нестарый еще человек. И именно внутренняя сила, смелость и искренность секретаря райкома порождают веру в его способность найти свое место в новых условиях жизни.

Федор Абрамов оставляет своих героев на пороге эпохи колоссальных сдвигов в жизни советской деревни. Ясно, что перемены эти стали возможны и неизбежны именно потому, что за ними — десятилетие, полное упорного, самоотверженного труда. Здесь есть немалая доля и пекашинцев. И в эпилоге «Пряслиных» мы оглядываемся назад и видим весь этот трудный путь, проделанный героями трилогии, их жизнь, в которой соединились частное и общее, личные горести и большие социальные проблемы. Созданная Федором Абрамовым художественная летопись, несущая в себе черты эпоса, проникнута строгим историзмом. В этом — ее жизнеутверждающая сила и правда.

СТУДИЯ ГРАФИКИ

Иллюстрации художника Н. Холикова в сборнику стихов «Песнь братства». Издательство художественной литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент.

ФЕДОР АБРАМОВ: «ПРЯСЛИНЫ»

Е. КНИПОВИЧ: «МУЖЕСТВО ВЫБОРА»

И. ГРИНБЕРГ

ДЕЙСТВИЕ МЫСЛИ

ВРЕМЯ с его конфликтами и проблемами в книге Е. Книпович — величина и относительная, подвижная и точно обозначенная, четко определенная. Разбирая, к примеру, отличный роман Йонаса Авижюса «Потерянный кров», критик задумывается: «...какова мера ответственности человека, скованного железным кольцом обстоятельств? Куда ведут попытки найти третий путь, оставаться лишь с «самим собой» между двумя враждебными станами? В каком идейно-философском арсенале находит человек в годы войны опору и оправдание для своих решений?» Эти вопросы имеют самое непосредственное отношение к оцениваемой книге, а вместе с тем могут быть заданы не только героям многих других произведений, но и создателям их — прозаикам, поэтам, драматургам, писателям тревожного и требовательного века.

Миновало более четырех десятилетий после того, как прозвучал призывный и остерегающий возглас А. М. Горького: «С кем вы, «мастера культуры»?» В ту пору речь шла о способности и решимости писателей, ученых, деятелей искусства сражаться с фашизмом, готовившим человечеству разрушение и истребление. Никакие компромиссы тут немыслимы, любое слово означает действие, каждая мысль проверяется делом. За прошедшие с той поры годы разительно изменилась жизнь на нашей планете — колоссально возросли силы социализма, с предельной отчетливостью сказалось необратимое ослабление империалистической системы. И теперь, как пишет Е. Книпович, «спор идет по всей планете». Спор, касающийся различнейших граней человеческого существования и имеющий единую основу: коренную противоположность двух общественных укладов, двух принципов социального развития.

Напряженностью этого столкновения идей, непрестанно происходящего и в литературе, проникнута вся книга критика. Автор занимает позицию столь продуманную и последовательную, что она исключает самомалейшую уклончивость оценок, какую-либо расплывчатость характеристик. Но в то же время здесь нет места каким-либо упрощенным подходам и односторонним решениям. Перед нами открывается кипящий, сложный, обильный противоречиями мир раздумий, поисков, гипотез, открытий, утверждений, выводов: снова и снова в каждом случае истина добывается великим трудом, настойчивыми усилиями ума и сердца.

Да, размышление и переживание в работе Е. Книпович соседствуют и питают друг друга. Ее высказывания теоретического порядка полны страсти, увлечения, дружеского сочувствия, полемической едкости. И обращается к опыту именно тех писателей, которые заняли в ее собственной духовной жизни важнейшее, ключевое место. В них она видит не только прекрасных художников, проницательных мыслителей, но и соратников, исповедующих высокие идеи, которым она сама предана всей душою. Вот почему в разделах книги, посвященных Константину Федину, Николаю Тихонову, Леониду Леонову и другим мастерам современной литературы, так много внимания отдано суждениям, прочитанным в их критических статьях — в так называемой писательской критике. В выступлениях подобного рода впрямую высказаны сформулированы те убеждения, взгляды, которые оказались движущей силою, своего рода подпочвой замечательных образных миров, выразивших дух эпохи и ставших ее неотъемлемой частью.

В тот же раздел книги входят статьи, оценивающие деятельность литературных критиков: и отнюдь не всегда в них идет речь лишь о мнениях, наблюдениях, концепциях. Так анализируются книги В. Кирпотина, Ю. Барабаша. Бывает, Е. Книпович ощущает потребность сказать свое слово о самом критике, запечатлеть его неповторимый облик. И тогда возникают литературные портреты Б. Рюрикова, А. Макарова, убедительно, пластично передающие своеобразие личности этих мастеров критического цеха.

А далее следуют страницы, единые по своей направленности и разнородные по кругу охваченных литературных явлений, судеб, имен: Николай Тихонов и Юстинас Марцинкявичюс, Николоз Бараташвили и Генрих Гейне, Иоганнес Бехер и Йонас Авижюс, Ольга Форш и Иво Андрич, Мартин Вальзер и Чингиз Айтматов... К подавляющему большинству этих «встреч» применимы слова, сказанные автором об одном из своих товарищей: «...острота спора, убедительность утверждений и достоверность выводов подкреплены еще и тем, что в основе работ лежит не только книга, но и жизнь — личное общение с теми людьми и странами, о которых идет речь».

В заключительных разделах книги Е. Книпович даже идет на риск, вводя в них страницы «отчетного», «докладного» порядка, дающие представление о зарубежных связях нашей литературы. Однако, вчитываясь в эти, казалось бы, информационные строки, без особого труда различаешь сокрытое в них напряжение идейной борьбы.

Многократно убеждаешься в счастливой способности критика воспринимать события современной литературной, а значит, общественной жизни как свое личное дело. Конечно, в истолковании образного творчества одной чуткостью, восприимчивостью, остротою отклика не обойдешься — необходимы обширные познания, уверенное владение фактами, представляющими подчас далеко отстоящие области культурной жизни. Опыт Е. Книпович как раз об этом и свидетельствует. Свободно и уверенно высказывает она свое отношение к самым различным поворотам, явлениям художественной мысли. Иногда критик отходит от основной темы статьи, чтобы коснуться явлений, «вдруг» оказавшихся в поле ее зрения, и эти ненароком произнесенные суждения по преимуществу столь же метки, содержательны и вводят в наш литературный обиход открытия немалой ценности.

«...Богатство марксистской и русской демократической мысли» — вот, по убеждению критика, наша прочная, живая, действенная опора в тех дискуссиях, что составляют неотъемлемую, важную часть современной действительности. Е. Книпович верна справедливым, мудрым истинам, рожденным самыми благородными и глубокими умами прошедших и нынешних лет. И так как эта вера творческая, осмысленная, не отделимая от понимания, — критику удается выдвигать свои самостоятельные, свежие доказательства и определения, находить сильные, меткие слова для выражения своих взглядов. Е. Книпович подчеркивает недоброкачественность и даже вредность «избирательной правды» — так иронически называет она критику предвзятую, ограниченную, одностороннюю. И имеет для этого все основания, потому что в своих оценках и характеристиках руководствуется строгими, возвышенными критериями, выработанными в общении с классиками отечественной, мировой, советской литературы. Что и говорить — заманчивое поле деятельности, великолепная питательная среда! Но сколько же здесь требуется энергии, проницательности, как недопустимы тут поверхностные, скоропалительные, упрощенные решения! Щедрый источник этот в полной мере доступен исследователям трудолюбивым, чутким, настроенным на ту мощную волну высокой человечности, которая испокон веков и до сегодняшней поры движет литературу, воодушевленную благородными идеями, единую по своей нравственной сути и постоянно меняющуюся в своих исторических обликах. «В великих произведениях литературы сохранено для нас нечто главное в человеке определенного времени, то есть кусочек вечного во временном», — знает Е. Книпович, и это понимание диалектической природы искусства побуждает ее настойчиво, последовательно вводить классическое наследие в сегодняшний литературный обиход. Она убеждена, что бесценные образные сокровища, возрастающие от века к веку, принадлежат социализму, приняты и поняты строителями нового общества, создателями новой литературы. Говоря об этой преемственности, Е. Книпович как нельзя более далека от спокойного описания и перечисления, ее волнуют судьбы и страсти художников — людей своего времени.

Обдумывая, например, работы писателей Германской Демократической Республики, постоянно привлекающие ее внимание, Е. Книпович подчеркивает «мотив личной ответственности каждого человека перед народом и историей» — ответственности, не знающей границ времени и пространства, национальности и возраста, окружающих обстоятельств и профессии. Критик заявляет это по праву: сделав свой выбор давно и навсегда, она сама чувствует себя в ответе за настоящее и будущее своих товарищей, искушенных и молодых работников литературы. И делает все, что может, для раскрытия и укрепления их таланта. А может она многое. Тому порукой и новая ее книга.

Е. Книпович. «Мужество выбора». Издательство «Советский писатель», М. 1975.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

П. А. ОРОВЕЦКОМУ — 70 лет

Исполнилось 70 лет Павлу Андреевичу Оровецкому. Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по украинской литературе и Совет по очерку и публицистике направили в адрес юбиляра приветствие:

«Горячо поздравляем Вас, известного украинского писателя, активного участника Великой Отечественной войны, с семидесятилетием со дня рождения.

С юношеских лет Вы включились в трудовую деятельность, участвовали в гражданской войне, служа в частях ВЧК по борьбе с бандитизмом, а затем многие годы работали плотником и слесарем на заводе. Впервые выступив в печати в конце двадцатых годов, вот уже более четырех десятков лет Вы отдали литературе. Большой жизненный опыт помог Вам создать актуальные произведения о людях труда, о социалистических преобразованиях в городе и деревне.

Широкую известность принесли Вам рассказы, собранные в книгу «Седьмая звезда», а также повесть «Сердце солдата» и романы «Вторая встреча», «Глубокая разведка», «Берега жизни», в которых Вы воспеваете советских воинов, сельских тружеников, представителей рабочего класса. Лучшие Ваши произведения издавались в переводе на русский язык.

Писатель-коммунист, Вы принимаете активное участие в общественной работе республиканской писательской организации и ее печатного органа — газеты «Літературна Україна», членом редколлегии которой Вы проработали много лет.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья и новых успехов на благо родной советской литературы».

Р. М. ДОСТЯН — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Ричи Михайловны Достян секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Горячо поздравляем Вас в Вашим юбилеем. Около сорока лет творческой жизни посвятили Вы литературному труду. Ваши произведения приносят и юным, и взрослым читателям радость общения с интересными, благородными людьми, заставляют глубоко задумываться над проблемами нравственного воспитания подрастающего поколения. Ваши лирически взволнованные книги «Два человека», «Тревога», «Нежданный друг», «В этом большом мире», «Хочешь — не хочешь» и другие стали верными спутниками тех, кто стоит на пороге самостоятельной жизни и определяет свои пути в будущее.

От всей души желаем Вам здоровья и новых ярких творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

В. Д. ЗАХАРЧЕНКО — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Василия Дмитриевича Захарченко секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по очерку и публицистике, Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского писателя, ветерана Великой Отечественной войны, с 60-летием со дня рождения.

Литературную деятельность Вы начали еще в предвоенные годы, но особенно ярко Ваше дарование поэта, прозаика и публициста раскрылось в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Одна за другой выходят Ваши книги в разных жанрах: поэтические сборники «Кроаью этой земли», «С открытым сердцем», «Утро мира», «Чайки летят», «Лирическое отступление»; книги публицистики, посвященные важным проблемам морально-этического воспитания молодежи («Пятнадцать неотправленных писем» и др.); очерковые произведения «Путешествие в завтра», «Проводи меня до звезды». Много сделали Вы и в развитии жанра научно-художественной литературы как автор интересных произведений и главный редактор журнала «Техника — молодежи».

Писатель-коммунист, Вы постоянно сочетаете творческую работу с общественной деятельностью в редсоветах и редколлегиях ряда московских издательств и газет, в Советском комитете защиты мира, в Союзе писателей РСФСР и Союзе журналистов СССР, в Литературном институте имени А. М. Горького.

Ваши заслуги в развитии литературы и активная общественная работа отмечены высокими правительственными наградами — орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и Литовской ССР, медалями.

Желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов, большого личного счастья».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ХОЛОДНЫЙ УМ ПРОТИВ ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА?

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

Спор писателей и критиков о соотношении рационального и эмоционального в литературе и искусстве

В своих письмах в редакцию «Литературной газеты» читатели нередко критически высказываются по поводу тех новых книг, фильмов, спектаклей, для которых характерны повышенная чувствительность авторского стиля, подчеркнутая обнаженность переживаний героев, явный мелодраматизм. У других читателей и зрителей те же произведения вызывают одобрение, порой даже восхищение. Естественно возникает вопрос: оправдано ли развитие и такого стилевого направления в современном советском искусстве и чем оно обусловлено?

Редакция предложила азербайджанскому писателю Анару, грузинскому писателю Тамазу Чиладзе, московским критикам Льву Аннинскому и Евгению Сидорову обсудить этот и сопутствующие ему вопросы.

Дискуссию провел и записал специальный корреспондент «ЛГ» критик Генрих МИТИН. Сегодня эта запись предлагается вниманию наших читателей.

АНАР — Л. АННИНСКИЙ — Е. СИДОРОВ — Т. ЧИЛАДЗЕ

АНАР. На мой взгляд, открытая эмоциональность, лучевая направленность на чувства, да и на чувствительность (не побоимся этого слова), оказывающие немалое воздействие на читателя или зрителя,—это новый и положительный фактор в современной литературе, в кинематографе, на театре. Я обозначил бы это явление добрым старым словом «сентиментальность». Понимаю, что критикам, особенно историкам литературы, такое обозначение скорее не понравится. Слишком уж прочно оно связывается в нашем уме с эпохой сентиментализма, в частности с эпохой Карамзина в России. А мне это слово не кажется все-таки дурным. Правильно ли отдавать его давно прошедшему времени, то есть буквально списывать в архив?

Т. ЧИЛАДЗЕ. У меня к вам вопрос: вы говорите именно о сентиментальности или же об открытом проявлении чувства? По-моему, нет никакой нужды изменять знак «минус» на «плюс» перед словом «сентиментальность». Другое дело — надо ли скрывать свои чувства во имя, скажем, «современного стиля» поведения? Создается впечатление, что мы сами, писатели, так стыдимся порой своих чувств, что даже подходящего названия для них у нас нет. И вот уже Анару приходится обращаться к явно неудачному в данном случае термину «сентиментальность».

Л. АННИНСКИЙ. Похоже, что нам в самом деле надо срочно договариваться о терминах. Иначе предмет разговора растворится в эвфемизмах. Кто же из нас против «лучевой направленности на чувства», у кого рука поднимется на «эмоциональность» и даже на «сентиментальность», если последнюю понимать как приятное качество души!

Е. СИДОРОВ. А надо ли вывертывать термин наизнанку?

Л. АННИНСКИЙ. Согласен, куда важнее почетче отделить овец от козлищ, приятные качества души — от программных принципов литературы.

АНАР. Что ж, поговорим о природе самого явления. Конечно, к любым литературным течениям и школам надо подходить с классовых позиций, и очевидно, что природа и смысл «сентиментальности» — я все же использую этот термин как рабочий — в искусстве Запада и современной советской литературе существенным образом различны. Но в данном случае я говорю лишь о каких-то общих тенденциях поэтики, форм, средств выразительности, стилистики, если угодно. Современная сентиментальность в литературе и кино — это стремление форсировать реакцию читателя или зрителя, это поэтика активного сочувствия.

Задумаемся над причиной успеха фильмов «Мужчина и женщина», «Романс о влюбленных». Первая получила «Гран-при» Каннского фестиваля — ее оценил, так сказать, синклит знатоков кино. Вторую поставил режиссер, до этого успешно экранизировавший Чехова и Тургенева. Я это говорю к тому, что речь идет не о коммерческих поделках, а о серьезных заявках в искусстве, и тем более пристальный интерес вызывают стилистика, поэтика, да и проблематика этих фильмов. А тут — хочешь не хочешь, — но без слов «сентиментальность» или «неосентиментальность» не обойтись. Я даже берусь утверждать, что многие, и не худшие, сцены такой полярно противоположной «Роману...» картины, как «Калина красная», рассчитаны не на критерии чистого реализма (при общей реалистичности фильма), а на критерии сентиментальности.

Т. ЧИЛАДЗЕ. Сентиментальные настроения, разумеется, характерны для человека, но... так же характерно стремление скрывать это состояние души! Люди интуитивно ощущают, что чрезмерная чувствительность не особенно хороша. Будем откровенны и признаем, что и в искусстве эта черта характерна лишь для произведений не самого высокого качества. Возьмем хотя бы фильм «Мужчина и женщина», это картина, бесспорно, сентиментальная, но и, бесспорно, не высокого качества, хотя она взяла «Гран-при» на фестивале в Канне. Что же касается других кинофильмов, названных Анаром, то они, на мой взгляд, не сентиментальны, а поэтичны. Мы почему-то упорно избегаем этого слова: все что угодно, только не поэтичность!

Л. АННИНСКИЙ. Постойте, постойте, какая поэтичность? Давайте прежде с сентиментальностью разберемся. Сентиментальность как психологический момент существует всегда. Но далеко не всегда этот момент выдвигается как литературная программа, да и не всякий такую программу примет. Да, был Карамзин, было оттаивание душ после рационального XVIII века — необходимый этап при переходе нашей культуры от Ломоносова к Пушкину. Но попробуйте свести к сентиментализму и Пушкина, и все, что было после него! Перечитайте «Бедную Лизу»... Да я ее, не задумываясь, отдам за любой абзац карамзинской же «Истории»! Положим, Карамзин был давно. Тогда я назову еще один «программно-сентиментальный» этап, поближе: годы нашей молодости. Когда с романами Веры Пановой в сердце мы голосовали за простые чувства и литература словно заново обучалась элементарной чувствительности.

Назову и те годы, когда, обучившись, мы сами стали учить этой самой душевности — я имею в виду уже лирическую прозу начала прошлого десятилетия. Я понимаю, что Анар и Тамаз любят этот период: они сами своими книгами участвовали в его утверждении. Вот и посмотрим, изменились ли мы с тех пор.

Т. ЧИЛАДЗЕ. К сожалению, лирическую прозу начала шестидесятых годов неоднократно называли сентиментальной, стыдясь уже принятого обозначения «поэтическая проза», причем иногда в это вкладывается много незаслуженной иронии и насмешки, которую я чувствую и в словах Льва Аннинского. Но надо ли иронизировать над поэзией? Некоторые современные произведения настолько лишены поэтичности, что напоминают скорее бюллетени комбината бытового обслуживания. Близость к жизни заключается не в эмпирическом копировании этой жизни.

Недавно я прочел статью молодого критика В. Гейдеко в «Новом мире» («Горизонты молодой прозы»). В. Гейдеко пишет: «Не получается ли так, что человек, находящийся во власти прекрасных романтических грез, оказывается беспомощным, бессильным перед реальной сложностью жизни, там, где нужнее всего ясность и прочность отношений, их надежность и глубина?». Я расцениваю это высказывание как выступление против эмоционального начала, против поэтичности, без которых вообще немыслимо никакое подлинное искусство.

Л. АННИНСКИЙ. Чувствую, что Тамаз Чиладзе настаивает на термине «поэтичность». Хорошо, примем это. Я и сам, так сказать, в плену у поэзии пятидесятых—шестидесятых годов, у молодого Рождественского и молодого Евтушенко, у раннего Думбадзе и раннего Чиладзе, потому что в известном смысле человек всю жизнь остается в плену своей поэтической молодости.

Но в реальности мы давно уже ушли от той «поэтичности». Хорошо это или плохо? Хорошо. Хорошо все, в чем выявляется реальность нашего движения. Хотя, повторяю, мне лично, как и Тамазу Чиладзе, может быть, милее сень струй и туманна даль.

В одном из «Дней поэзии» критик Владимир Гусев (с которым у меня существенные расхождения по принципам оценки явлений, но за которым я признаю отличное чутье к процессу) заметил: туманы нашей молодости рассеялись, дневной свет кругом, утренние клики поэтов, разбудивших нас на заре, теперь кажутся пустым шаманством.

Это насчет поэзии и поэтичности. Теперь я последую примеру первого оратора, сославшегося на прозу и кинематограф, тем более что за нашим столом сидят прозаики, насколько мне известно, работавшие и для кино.

Анар назвал два фильма, которым, как он убежден, ориентация на критерии сентиментальности принесла успех: «Романс о влюбленных» и «Калину красную». Я иначе смотрю на эти ленты. Первая, действительно ориентированная на массовую «чувствительность», этой ориентацией и испорчена, так что успех ее для меня более чем сомнителен. Успех второй картины несомненен, но эта лента Шукшина направлена как раз на преодоление сентиментальности. Надо ли это доказывать?

Е. СИДОРОВ. Должен сказать, что Лев Александрович — довольно жесткий концептуалист, здесь его сила и слабость. Между тем в словах Анара, пусть в неточных или даже совсем неверных терминах, высказана несомненная и глубокая правда. Что я имею в виду?

Не кажется ли вам, что искусство стало гораздо меньше **потрясать** людей? Оно стало умнее, проблемнее, даже философичнее, назовите это как угодно, но потрясать почти перестало. Момент эмоционального контакта сводится к минимуму. Я много хожу в театр, но все реже ощущаю, как комок подступает к горлу. Дорого стоит это чувство, и исчезает оно не только потому, что мы давно уже не молоды и сердце покрылось рубцами защитной брони.

Не стоит, по-моему, третировать «массовую чувствительность». Искусство — не наука, и обращение главным образом к ratio зрителя и читателя, честно говоря, изрядно ослабило контакты художника с аудиторией. Не здесь ли надо искать причину и очевидного возрождения мелодрамы, и горячей признательности миллионов людей во всем мире к открытой форме эмоционального обращения к зрителю и читателю по самым простым и вечным поводам? Не эмоциональный ли вакуум стал питательной почвой и для сомнительных успехов произведений, играющих на чувствительных сердечных струнах?

Т. ЧИЛАДЗЕ. Хорошо сказал Евгений Сидоров о «коме в горле». К сожалению, случается такое все реже и реже. Почему? Потому что нам кажется, что чувствительность ныне не в моде, мы стыдимся открытого проявления своих чувств.

Но если мы будем скованы в выражении чувств, то таким же скованным будет и наш читатель. Даже такой сильный лирический поэт, как Андрей Вознесенский, пытается затушевать в своей поэзии струю лирическую — она, на мой взгляд, и составляет основную суть его дарования, а отнюдь не те внешние атрибуты технического мастерства, которыми он стремится прикрыть обнаженную душу стиха.

Е. СИДОРОВ. Леонид Мартынов, поэт, которого не заподозришь в «простоте», прямо формулирует в стихотворении «Творчество» потребность человеческой души в поэзии простых и сильных чувств. Мартынов кожей ощущает время и пишет о 70-х годах нашего века:

Когда создаются
сложнейшие вещи —
Подобия солнц,
заменители лун, —
Слова об искусстве все
чаще и резче
Звучат в мегафоны
с высоких трибун:
О том, чтоб оно точно
так же ковалось,
Космической мощи
задачи верша...
Но надобно знать,
что давно стосковалась
Об очень несложном
людская душа —
Чтоб творчество, полное
внутренней мощи
И многообразное, как
никогда,
Дерзало бы стать по
возможности проще,
Как — попросту — солнце,
Как просто звезда!

Душа стосковалась об очень несложном... Но чтобы пробиться к этому «несложному», нужны творческий риск, смелость, нужен открытый пафос души, не облаченный в одежды модной, но часто скрывающей пустоту «рациональной» формы.

Л. АННИНСКИЙ. Я в трудном положении: когда Евгений Сидоров говорит о современной душе и о простых чувствах, у меня тоже комок подкатывает к горлу. Но неискоренимая профессиональная трезвость критика побуждает меня вернуться к литературным проблемам. Поэтому, совладав со своими чувствами, я вновь обращаюсь к спору. Что стало с лирической прозой шестидесятых годов? В какой степени она нас сегодня удовлетворит? Давайте возьмем грузинскую прозу прошлого десятилетия: проникновенную, сочувствующую человеку, поэтичную в лучшем смысле этого слова, как сказал бы Тамаз Чиладзе.

Вот пусть Тамаз Чиладзе, один из ее творцов, и расскажет, в каком кризисе оказался сейчас этот стиль! Уж на что прочно работал Нодар Думбадзе — и тот в «Белых флагах» почувствовал, как эмоциональные схемы рушатся. И показательно, что лучший из последних рассказов Думбадзе, «Неблагодарный» («Дружба народов», № 7, 1975) пронизан не просто сочувствием человеку, но мужественным уважением к его праву самому решать свою судьбу — согласны вы с его решением или не согласны.

Е. СИДОРОВ. Схемы рушатся, потому что они схемы, и «чувствительная» схема ничем не хуже и не лучше «драматической». Кстати, «Белые флаги» при всем рационализме их конструкции утверждают прямо обратное тому, о чем вы говорите. Это роман о сложных путях человечности в современном мире, а его финал эмоционален в самом хорошем смысле этого слова.

Т. ЧИЛАДЗЕ. Когда я читаю некоторых критиков (Л. Аннинского, В. Гусева, В. Гейдеко), у меня создается впечатление, что на наших глазах возникает нечто вроде заговора против лирической прозы 60-х годов. Мне трудно защищать это поколение, к которому я сам принадлежу и которое выдвинуло имена, продолжающие успешно работать и в литературе 70-х годов.

Плодотворно ли противопоставление поколений? Выиграют ли от этого молодые? Или просто здесь сказывается профессиональная тоска критиков по новым именам? И почему эти новые имена так редко называют? Тех, кого критикуют, называют охотно. Тех же, кого им противопоставляют, стыдливо замалчивают, но, вопреки правилам, существующим в спорте, неявившейся команде почему-то засчитывает не поражение, а победа.

Критики забывают, что новое в литературе не всегда создается новыми именами. Например, новейшие достижения грузинской литературы как раз связаны с именами писателей, начавших свой путь в 60-е годы. Сейчас пора их расцвета.

Нельзя также забывать о том, что каждое новое поколение (в том числе и поколение 70-х годов) оценивается не только там, где оно что-то отрицает, но в основном там, где оно продолжает традицию. Генетика таланта — область чрезвычайно интересная. Но вместо того чтобы серьезно и глубоко вникнуть в суть очень важных и сложных процессов, автор статьи, о которой шла речь выше, В. Гейдеко занимается несерьезным и поверхностным противопоставлением поколений 60-х и 70-х годов. Пафос его выступления до смешного напоминает мне пафос «Стрекозы и Муравья». Получается, что «шестидесятники» все пели и витали в романтических грезах, а «семидесятники» взялись за дело...

Е. СИДОРОВ. О традициях забывать действительно не следует. Возьмем XIX век, например Достоевского, самого бесстрашного в мире писателя. В его романах всегда есть сцены, которые вполне можно счесть мелодраматическими, особенно когда в них женщины и дети. Достоевскому очень важно было докричаться до человеческой души, остаться с ней «с глазу на глаз». При всем огромном философском потенциале его творчества «слезинка ребенка» оказывалась в конечном счете важнее всего.

Если изъять из классической русской литературы милосердие и то, что мы сегодня называем «чувствительностью», она просто перестанет существовать. И мы как наследники тоже мало будем стоить.

АНАР. Я считаю, что наш разговор служит не только для того, чтобы мы обменялись мнениями. Может быть, нам удастся переубедить друг друга в чем-то.

Повторяю, слово «сентиментальность» я воспринимаю только как рабочий термин. Но готов отстаивать то содержание, которое я в него вкладываю. Аннинский считает, что сентиментальность, то есть «простые чувства», «душевность» в литературе как этап — в прошлом. А я убежден, что в будущем. Если в нашем прошлом и были проявления сентиментальности, то искусство этого стыдилось. Сейчас, мне кажется, наступил этап, когда открытая эмоциональность, апелляция к чувствам неизбежны. Большой художник Чарли Чаплин показывал в «Новых временах», как бродяга Чарли соединяется с любимой девушкой. Это сентиментально. Но в тот же момент Чарли ударяется головой о балку дверей: у Чаплина постоянно стремление смехом «прикрыть», преодолеть собственную сентиментальность.

Е. СИДОРОВ. Я все-таки убежден, что речь идет не о сентиментальности, а об эмоциональности искусства. Через двадцать лет «Заводной апельсин» С. Кубрика будут помнить только историки кино. Последняя же сцена из «Огней рампы» Чаплина переживет все кризисы, в том числе, конечно, и кризис рационализма художественного сознания, который уже сегодня громко стучится в двери искусства.

Приметы видны повсюду. Но особенно в кино, на телевидении, на театре. Там, где есть актер и прямое обращение к зрителю.

Петр Фоменко, режиссер острой формы, подчеркнуто театрального жеста, обращается — после и через раннего Льва Толстого — к «Спутникам» В. Пановой и ставит телефильм, стилистически адекватный одному из самых прекрасных наших романов о прошедшей войне. Фильм, полный чувства, скромный, человечный. Разве это не симптоматично?

О Борисе Васильеве, о его «Зорях...» я уже не говорю. Здесь, по-моему, все ясно. Книга пришла вовремя, она напомнила, что искусство и литература — прежде всего переживание.

Л. АННИНСКИЙ. А дальше? Переживание — это прекрасно. А за переживанием-то что-нибудь следует или нет? Я не согласен, что современная проза имеет сверхзадачей переживания, сентиментальность или поэтичность... Возьму только тех писателей, которые мне сегодня особенно близки: Быкова и Богомолова. Много ли у них чувствительности? Нет ее! Еще в старых быковских повестях, да и то не без натяжки, можно уловить оттенок жалости, что ли, к герою. Точнее, там сверхзадачей было показать на войне живого человека. Это и был тот самый «сентиментальный этап», который лет пятнадцать назад проходила наша литература: она тогда вспомнила, что школьник имеет право обидеться на грубого учителя, что и крестьянин подчас страдает, что солдату было больно, когда он умирал. Никто от этих истин и не отказывается. Но возьмите последние повести Быкова: они жестки, сухи, принципиально «технологичны». Кого вам больше жалко в «Обелиске»: учителя или учеников? Дурацкий вопрос? Дурацкий. Потому что повесть-то про другое. Она про то, как человек делает выбор и как за него расплачивается: закон расплаты жесток.

И Богомолов в «Августе сорок четвертого...» тоже подчеркнуто «технологичен». И у него сверхзадача — не сочувствие вызвать, а показать расплату человека за выбор, за избранную позицию. Кто прав: Аникушин или Алехин? Оба правы, и в этом все дело: каждый прав со своей точки зрения. Я могу сказать, что моя душа разрывается оттого, что гибель Аникушина неизбежна, но я не могу сказать, что мне его «жалко»: он мне эти мои сантименты с того света вернет, и правильно: горечь трагедии не под силу чувствительности.

АНАР. Вправе ли мы утверждать, что литература о трагической военной эпохе не может быть сентиментальной? Как раз наоборот! Среди лучших образцов литературы военной поры — стихи А. Суркова «Бьется в тесной печурке огонь...», «Жди меня» К. Симонова. И эти «сентиментальные» стихи были весьма грозным оружием.

Е. СИДОРОВ. А песни Фатьянова?

Л. АННИНСКИЙ. Пусть читатель судит, кто прав. Теперь я вслед за моими собеседниками хочу обратиться к кинематографу. Возьмем А. Тарковского, которого я считаю одним из ярчайших наших кинорежиссеров. Да, он начинал с чистейшего «сентиментализма». Посмотрите сейчас его первую ленту «Каток и скрипка» — и вы обольетесь слезами умиления: беззащитная хрупкая скрипка перед тяжелым асфальтовым катком, трогательная их дружба... Но с каким иступлением Тарковский переплавлял в «Ивановом детстве» детскую чувствительность в мужскую ненависть! Об «Андрее Рублеве», о «Зеркале» и говорить нечего: там сентиментальность не ночевала.

Да, был час, мы прошли школу сочувствия, и мы несем это в душах; плохи мы были бы, если бы не несли, не хранили. Но неужели вы не замечаете, как далеко ушли мы от той сентиментальности? Неужели и теперь, после Шукшина и Белова, после Богомолова, Быкова и Распутина, после «Аргонавтов» Отара Чиладзе и айтматовских повестей, после пьес Дворецкого и Вампилова, после фильмов Панфилова и Тарковского, Иоселиани и Океева (я называю опять-таки художников, которые мне близки, но верю, что есть тут и какой-то объективный процесс), после всего, что они дали литературе и искусству за эти пятнадцать лет, — вы воображаете, что вам хватит «чувствительности»? Не поверю!

Е. СИДОРОВ. По сути дела, мы спорим только о двух стилевых течениях нашей прозы. Но ведь и в этих рамках никто из нас не утверждает, что нам «хватит» одной «чувствительности». А вот без нее, без души, большому искусству не выжить — вот ведь о чем речь. Познанье в искусстве жалко, если оно не очищает чувства.

АНАР. Я, например, как и многие, не люблю героя упомянутой Аннинским пьесы И. Дворецкого. Я мог бы взять Чешкова к себе сотрудником, если бы у меня был для него большой пост. Я с удовольствием работал бы с ним, но моим другом он никогда бы стать не смог.

Т. ЧИЛАДЗЕ. Не удивительно, что сентиментальности Анара Л. Аннинский противопоставляет жестокость. Не надо забывать, что от сентиментальности до жестокости один шаг. Нужна, конечно, не сентиментальность, а истинная поэтичность!

Это как раз то, чего недостает сегодня многим и особенно тем, кстати, писателям, которых ныне выдвигают как носителей новых черт. Речь идет об авторах «заводской» темы, которых противопоставляют «неделовой» литературе 60-х годов. Связывать появление такого героя, как Чешков, в пьесе Дворецкого «Человек со стороны» с проблемой научно-технической революции, как это сделал в одной из своих статей Л. Аннинский, значило бы признать, что мы ничего не знаем об этой революции. Наивно считать явлением научно-технической революции (или выражением ее сути) только то произведение, которое непосредственно касается того или иного научно-технического процесса. Это означало бы опять-таки не выходить за пределы «производственного» романа, односторонне представлять себе развитие литературы. Надо создавать литературу о рабочем человеке, а не «производственный роман».

Научно-техническая революция подразумевает не только научный и технический прогресс, но общее движение, прогресс всех родов человеческой деятельности, поэтому она и называется революцией. Односторонность, одностороннее развитие хотя и возможно, но представляется мне роковым. Неверно считать героями НТР лишь тех, кто по своей профессии связан с производством. Ошибаются те, кто противопоставляет НТР развитию культуры, поэтичности и считает, что НТР порождает антиэстетизм. Напротив, если приглядеться внимательнее, то не трудно убедиться, что никогда мы столько не говорили об эстетизме и особенно об эстетической стороне нашего быта. Среди искусств едва ли не первое место сейчас занимает дизайн. Технократы и бездушные руководители — это вчерашний день нашей литературы, и не только литературы. Поэтому никак нельзя считать символами НТР тех персонажей, которые так расплодились в литературе последних лет, — деловых, но грубых в общении, я сказал бы, невоспитанных, «бездуховных» людей. Современная критика выдвинула их на первый план потому, что других нет, или, точнее, потому, что она не видит других. Мне хочется подчеркнуть, что нам и в литературе, и в жизни нужны не столько «деловые люди», сколько люди творческие.

АНАР. В герое пьесы «Человек со стороны» настораживает прагматизм, то, что иссушает человеческое начало в любой работе. И как реакцию на это я вижу элементы сентиментальности в современном искусстве.

Что касается азербайджанской литературы, то я должен сказать, что в творчестве наших писателей не вижу той «тяги к жестокому», о которой с таким пафосом говорит Аннинский. Этого нет ни у Исы Гусейнова, ни у Акрама Айлисли, ни у братьев Ибрагимбековых, ни у Сабира Ахмедова или Иси Меликзаде, ни у Эльчина. Во всяком случае для меня бесспорно, что наша литература движется к большей эмоциональности, обнаженности чувств.

Т. ЧИЛАДЗЕ. Настанет время, когда детей будут пугать Чешковым.

Л. АННИНСКИЙ. Уже настало. Только не детей пугают, а взрослых. А мне не страшно. И вот почему. Приход Чешкова и вообще делового человека в нашу прозу 70-х годов есть явление совершенно закономерное. И произошло это не оттого, что какие-то писатели «вздумали» выставить этого героя в пику «сентиментальному человеку» 60-х годов, а какие-то критики будто бы составили «заговор» против поэтичности, — а оттого, что чувствительность как сверхзадача, как программа изжила себя сама и деловой человек ходом вещей встал в центр внимания. Речь идет о том, как мы все работаем. Если хорошо работать — это «жестокость», тогда я согласен быть «жестоким».

АНАР. Зачем же противопоставлять «работу» «сентиментальности», а «жестокость» объявлять признаком силы? По-моему, жестокость как раз признак слабости. Я не считаю, что сентиментальность и слабость — синонимы.

Л. АННИНСКИЙ. Не будьте сентиментальными — и вам не придется быть жестокими...

Е. СИДОРОВ. Я думаю, что Аннинский явно полемически схематизирует процессы, происходящие сегодня в нашем искусстве. Давайте заверим его, что мы тоже не отдадим никому трезвость, знание, правду. Только зачем эта трезвость, если человеку подле нее согреться нечем?.. И Тарковский, и Богомолов, не говоря уже о Быкове и Шукшине, — все-таки несколько другие, на мой взгляд, нежели это представляется Аннинскому.

«Жесткие обстоятельства» не только не «отменяют» человеколюбия, но, напротив, создают как бы конденсированные возможности для его проявления. Чем больше искусство постигает сложные пути гуманизма в XX веке, тем ощутимее проявляет себя сфера эмоциональная, как говорил Анар, лучевая направленность на чувства. Правда, одни художники избегают прямого пафоса, о них и говорит Аннинский, другие начинают понимать, что сдержанность — не всегда благо. Тут, конечно, многое зависит от индивидуальности самого художника. Но нельзя не сказать о том, что, казалось бы, полярные стилистические течения, о которых мы тут спорили, не только не исключают друг друга, но скорее дополняют. Вообще я хочу поддержать Тамаза Чиладзе в его решительном неприятии такого подхода Л. Аннинского к литературному процессу, когда проза 70-х годов противопоставляется прозе предыдущего десятилетия. А где же преемственность и развитие?

Думаю, наивно было бы предполагать, что мы могли дать однозначные ответы на все поставленные здесь вопросы. Пожалуй, безусловно лишь одно: на наших глазах происходит стремительное и непростое — отсюда и наш спор — развитие, обогащение социалистического реализма как творческого метода советской литературы. Точки здесь не поставишь.

МНЕНИЯ

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

В связи с завершением издания шеститомной «Истории советской многонациональной литературы» в «ЛГ» была опубликована статья болгарского ученого Васила Колевского (№ 18, 1975). В том же номере свое мнение об этом большом научном труде высказали советские писатели Максим Танк (Белоруссия), Мирзо Турсун-заде (Таджикистан), Ян Ниедре (Латвия). Отклики на «Историю...» поступили в редакцию и от литераторов других республик нашей страны. Сегодня мы публикуем выступления Михаила Острика (Украина), Сулеймана Рустама (Азербайджан), Хыдыра Дерьяева (Туркмения).

АРГУМЕНТ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Создав единую «Историю советской многонациональной литературы», наше литературоведение решило поистине историческую задачу. И мне кажется, что сегодня общественный резонанс на этот большой труд еще не определился в надлежащей мере. Да это и естественно: время ведь требуется не только для сложного научного поиска, воплощенного в шести объемистых томах, но и для его читательского усвоения — усвоения огромного фактического материала и особенно нового стиля историко-литературного мышления.

Да, нового стиля. Соответствующего — пусть пока не полностью, пусть пока лишь в направленности творческих стремлений — принципиально новому «стилю» истории советской литературы как литературы национально многообразной, выработавшей методологическое и содержательное единство. Советская литература отражает новую историческую общность людей. Авторский коллектив многотомной истории литературы сделал важный шаг, чтобы этот факт запечатлеть в научном плане. С выходом этих шести томов мы уже не можем мыслить о нашей литературе, не развивая дальше заложенные здесь исследовательские идеи. Стоя на почве достигнутого, можно и должно смотреть дальше, глубже, на этой почве со временем будут сделаны более доскональные исследования. Тем не менее нынешний научный труд не потеряет своего этапного значения.

Не секрет, что не все национальные литературы нашей страны — как отмечается в предисловии «От редакции», авторы стремились осветить опыт более 70 братских литератур — изучены одинаково. Это обстоятельство, конечно же, отразилось и на качестве тех или иных глав «Истории». Я обращаю в данном случае на это внимание отнюдь не с целью упрека. Хочу подчеркнуть заложенный в самом этом труде творческий импульс для «выравнивания уровней» научного мышления на различных национальных участках нашего литературоведения. В свете произведенного синтеза истории наших литератур я уже, скажем, отметил про себя некоторые недостаточно исследованные моменты истории украинской советской литературы.

Не могу не отметить огромный идейно-политический вес столь значительного труда, который является и научным достижением, и аргументом в идеологической борьбе, в частности в борьбе против националистических фальсификаций истории наших культур.

Михаил ОСТРИК

КИЕВ

БОЛЬШОЙ ТРУД

С чувством не просто любознательности — с чувством волнения брал я в руки эти весомые, с пятиконечной звездочкой на обложке тома, повествующие об истории литературы первой в мире Страны Советов. Его составителям, редакторам и многочисленным авторам в естественную в данном случае монументальность замысла удалось вдохнуть жизнь: широта охвата явлений сочетается с должной глубиной. Необходимость вести разговор только о самом важном привела к отказу от деталей. В то же время не чувствуется торопливости, скороговорки, боязни что-нибудь упустить. Словом, видны большая работа, любовь к литературе, гордость за славную ее историю.

Несколько частных замечаний. Говоря о тенденциях всей нашей советской литературы, всех писателей, даже сколько-нибудь заметных, живших и творивших во всех республиках, разумеется, не назовешь. Однако назвать таких мастеров азербайджанской литературы XX века, как Ю. Чеmenземинли и А. Вахид, следовало бы.

Одна неточность: говоря о влиянии на молодых азербайджанских поэтов творчества Маяковского и других советских поэтов, что правильно, автор статьи М. Рзакулизаде добавляет: «...а также Назыма Хикмета, первая книга стихов которого «Гюнеши ичендерин тюркюсю» («Песня пьющих солнце»), вышедшая в Баку (1927), пользовалась огромным успехом, особенно среди молодежи». Книга действительно пользовалась успехом, была популярна, но если говорить о влияниях, то скорее Н. Хикмет сам испытал на себе благотворное влияние молодой пролетарской поэзии Азербайджана. Говорю это со всей ответственностью, поскольку близко знал Н. Хикмета, дружил с ним, наконец, был редактором и составителем той самой первой книги его стихов.

Высказанные замечания, разумеется, не снижают ценности очерков о литературе, в целом ярко и всесторонне показывающих ее становление и развитие.

Сулейман РУСТАМ

БАКУ

ЕДИНСТВО И ОБЩНОСТЬ

Осветить путь советской многонациональной литературы более чем за полвека — такова задача шеститомной «Истории советской многонациональной литературы». Этот путь прослеживается и у тех национальных литератур, которые имеют давние традиции, уходящие в глубь веков, и у литератур тех народов, кто обрел письменность после Великого Октября.

Вот, скажем, моя родная Туркмения. Давно ли носителем народной мудрости в нашем крае были две шелковые струны неприхотливого инструмента — дутара, а бахши — народные певцы — передавали из уст в уста сказания, легенды, веками бережно сохраняя их... А ныне туркменская литература стала вровень в братском содружестве литератур всех народов СССР. У нас родились новые жанры: рассказ, очерк, повесть, драма... Приятно отметить, что «История...» великолепно иллюстрирует процессы, показывает движение литератур во времени, дает конкретное представление об этапах формирования единого художественного метода советского искусства — социалистического реализма.

Вероятно, анализируя этот труд более глубоко, можно заметить в шеститомнике какие-то отдельные недостатки. Жаль, что не представлены детская литература, формирующая мировоззрение нашей молодой смены, критика, формирующая саму литературу. Но, впрочем, действительно нельзя объять необъятное. Очевидно, более пристальный взгляд на историю каждой национальной литературы — задача самих этих литератур и литераторов в каждой республике. У нас, в Туркмении, тоже подготовлен к печати шеститомник «Истории туркменской литературы». Известно, что аналогичные фундаментальные труды готовятся и в других союзных республиках. И все же совершенно необходима нам общая история, которая позволяет проследить характерные для всех литератур процессы, — история, сближающая народы.

Хыдыр ДЕРЬЯЕВ

АШХАБАД

НЕОЖИДАННАЯ ТЕМА

Сергей ЗАЛЫГИН

ПЕРВЫЕ СРЕДИ ВТОРЫХ

ПРЕЖДЕ чем говорить о предмете в целом, поставим перед собою частный вопрос: живет ли сегодня в нашей литературе роман Гончарова «Обрыв»?

По существу, наверное, нет. Для множества читателей он не более чем тень прошлого и даже некий архаизм. Да и кто такой Гончаров после Толстого и Достоевского, после Гоголя и Чехова? — вот довольно обычный контрвопрос, в котором уже звучит сам собою разумеющийся ответ. Ну конечно, какая-то доля истины в этом есть: стиль романа, лексика его устарели, любимого и почитаемого нынешним читателем подтекста и вовсе нет, один только текст, роман отнюдь не лаконичен.

Но кто же сказал, будто литература для своего постижения не требует никаких усилий?! По крайней мере печатно не сказал никто. И вот, преодолев трудности прочтения, мы получим истинное и общее представление о романе, полную его картину. Какая же это будет картина? А вот какая: перед нами предстанет совершенная конструкция жанра, может быть, даже самый романный роман отечественной литературы. Его сюжет нельзя рассматривать только как средство и прием, пользуясь которыми писатель выражает свою мысль и создает художественные образы, о нем нельзя сказать так, как часто у нас говорится: «Пустяк, даже не событие, а самый обыкновенный случай, а посмотрите-ка, как смог этот мелкий случай автор развернуть, сколько показать и рассказать!»

Согласен: хвала и такому автору, но ведь это же вовсе не умаляет такого романа, каким является «Обрыв», — событийного, в основе которого заложен непоколебимо прочный и сюжетный фундамент, в то же время очень изящный, который сам по себе уже доставляет эстетическое наслаждение, который, тоже сам по себе, уже исполняет назначение художественное, помогая нам осмыслить и окружающий, и наш собственный внутренний мир — свои человеческие качества и задатки, свои намерения и поступки.

Читатель «Обрыва» и через десять лет как бы в компенсацию за трудности прочтения без труда сможет рассказать его сюжет — потому, что есть что рассказывать, потому, что уже сама расстановка действующих лиц в нем представляет несомненный интерес, потому, что вы никогда не догадаетесь заранее, кто и чем в этом романе кончит. Это классический любовный роман, что ни женский образ (а этих образов явное большинство, и тоже явно они занимают главенствующее положение), то и любовная судьба в ее развитии, то и характер, выписанный именно через любовные отношения — прошлые и настоящие. При всем том «Обрыв» вовсе не оставляет ощущения заданности или той искусственности, к которой так любят прибегать многие современные авторы, наоборот, это произведение дышит непосредственностью, свободой авторских описаний быта и пейзажа, отсутствием видимого старания «завлечь» читателя.

Великие писатели почти единодушно шли от противного, разрушая схему жанра, ее модели и уж во всяком случае отступая от нее. Разве «Война и мир» — это роман в строгом смысле слова? Это и философский труд, и историческое исследование, и что-то и что-то еще, но не роман в его чистоте и в классических рамках. То же самое можно сказать и о «Подростке» Достоевского. Однако это вовсе не доказывает, что литература могла бы обойтись без моделей жанра, а для того чтобы иметь возможность разрушать, необходимы настоящие, а не игрушечные крепости, иначе само-то разрушение обратится в фарс.

Похоже на то, что удел не первых, а «вторых» писателей — создавать модели жанров, возводить те крепости, которые безотлагательно будут штурмовать гении, но это лишь докажет, что литература развивается одновременно в двух направлениях — в формировании жанров и в их деформации. А следовательно, ни тем ни другим нельзя пренебрегать.

И вот тут-то, кажется, и настала пора сказать о тех потерях, которые мы несем повседневно, пренебрегая классиками, если так можно сказать, второго ряда.

В наших современных оценках литературных явлений, пусть негласно, зато достаточно прочно, бытует такое исходное утверждение: «Мы — не Пушкины и не Толстые, а потому нам многое простительно». Но история литературы вовсе не оправдывает такого подхода к делу. Нам, нынешним продолжателям русской литературы, второй ряд вот как необходим и для современных оценок и сравнений, и для заимствования опыта, и для понимания истории литературы и даже первых ее величин.

Ведь одно дело, когда мы воспринимаем того же Толстого как одиночку и даже как гром среди ясного неба, другое — когда он в наших глазах становится результатом какого-то процесса, когда он вовсе не один, а только впереди других.

Пренебрежение такими именами, как Гончаров, — это девальвация культурных ценностей, трагическая несправедливость и неуважение к собственной культуре, проистекающее не от нищеты, а от богатства и расточительности, и тем более недопустимое.

Если десять писателей имярек равны одному Толстому, так мы совершенно не вправе пренебрегать еще одним Толстым только потому, что он представлен в десяти лицах и нам хлопотно и недосуг сводить со всеми ними близкие знакомства. А вот попробуйте-ка найти среди наших критиков активного пропагандиста творчества того же Гончарова. А если таковой и найдется, где тот редактор популярного журнала или газеты, который статью такого рода напечатает? Юбилей — ну, это уже другое дело, это вроде бы аттестат на современность.

Конечно, в научных трудах и ученых записках можно обнаружить не только полузабытых, но и совершенно забытых писателей, но ведь это, по существу, никак не влияет на наше современное литературное мышление, и мы продолжаем пользоваться твердокаменной номенклатурой имен, даже короче той, которая включена в школьные программы.

Вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что не только для молодых читателей, но и для молодых писателей ныне существует эта реальная угроза — угроза потери очень значительной части русской классики, слепота и глухота к ней, которые неизбежно обернутся соответствующими потерями собственного развития и мастерства. А вот ответственность за все это несут все без исключения современные литературные поколения.

Мы забываем, что культуры нет без истории, что культура, лишенная истории, — это в лучшем случае цивилизация, в том числе цивилизация литературная, что и сама-то культура началась с осмысливания человеком своего прошлого в сказках, мифах, легендах и поверьях, в наскальной живописи.

А если мы представим себе человека только как человека сегодняшнего, современного, мы тотчас потеряем само это понятие «человек».

У писателей, которых я только за неимением другого термина называю «вторыми», найдутся и еще свои собственные серьезные роли и заслуги. Одна из них — художественная конкретность. Что я имею здесь в виду?

Как бы ни был велик Шекспир, но Англию того времени нельзя представить по «Макбету», как бы я ни любил Чехова — конкретную русскую жизнь конца прошлого — начала нынешнего века я скорее пойму по произведениям ну хотя бы Телешова.

Гении не создают летописей быта, они заняты историей нравственной эволюции человечества, их мир то и дело столько же реальный, сколько воображаемый, и вот они вводят нас в этот мир, чтобы мы, как и они, заболели постоянным чувством необходимости нравственного преображения действительности.

Не случайно, что нынче тот читатель, который намеревается воссоздать для себя прошлое, все чаще обращается к мемуарам.

Но между безусловными классиками и мемуаристами стоят еще свидетельства тех «вторых» писателей, которые нельзя заменить ни тем, ни другим. Свидетельства эти бытоописательны, в какой-то мере даже фотографичны, но они же и художественны, а значит, создают образы людей и воссоздают их быт в обобщенном виде, минуя случайность мемуаров, их сосредоточенность на явлениях не рядовых и не общих.

Снова возвращаясь к Гончарову, нужно заметить, что о нем нет-нет, да и вспомнят. Он пусть формально, а все-таки причислен к классике рядом с самыми первыми именами. Ну, а как мы пользуемся наследием, скажем, Григоровича?

А ведь и у него есть своя черта, свой собственный, исключительно ему принадлежащий вклад в русскую литературу.

Я назвал бы этот вклад чувством сострадания.

Пойдет ли речь об Антоне Горемыке из повести того же названия, или об Акуле из рассказа «Деревня», или о Гуттаперчевом мальчике — едва ли не в каждом произведении этого писателя главный герой тот, к кому больше, чем к другим, обращено авторское сострадание. У меня даже складывается впечатление, что писатели до Григоровича еще не видели в сострадании обязательного свойства литературы, а после него слишком быстро научились выражать его не в чистоте и не само по себе, а в соединении с другими чувствами и понятиями, научились только намекать на него, уводить его из текста в подтекст, заменять его меланхолией и даже стыдиться его, обозначая словами «сентиментальность» либо «мелодраматичность» и проявляя видимую твердость характера, на самом же деле следовать по пятам за жестокостью мира либо препарировать сострадание в литературу ужасов.

Конечно, тут же нам придет на память самый великий сострадатель — Достоевский, после которого утверждать самостоятельность Григоровича непросто. Но, может быть, как раз потому, что непросто — и нужно, и необходимо?

Несомненно, Достоевский пошел гораздо дальше в том смысле, что страдание, а тем более сострадание, он возвел в философию, почти что в вероисповедание.

Григорович и не делал попыток ступить на этот философский путь, но страдание как таковое, страдание в натуре, как бы безмолвное и даже неодухотворенное, он показал, как, вероятно, никто другой. Разве только украинец Василий Стефаник делал то же самое. Но я глубоко убежден, что для того, чтобы философствовать по поводу, нужно отчетливо видеть сам повод в его ничем не завуалированной действительности, и вот Григорович учил нас этому видению, и учит сегодня, и доказывает, что литература без сострадания — это во все времена еще далеко не вся литература.

Ну, а пейзажи Григоровича? А его бытописание? А его модель русской повести, которую мы не можем до сих пор толково объяснить, однако это ничуть не мешает ей существовать, да еще как существовать! А его социология?

Если бы сегодня мы могли создавать очерки, подобные, скажем, «Петербургским шарманщикам», написанным, кстати сказать, по прямому социальному заказу «Современника»!

Еще одна фигура русской классики XIX века — Гаршин.

Конечно, не все воспринимают его в наше время одинаково, но лично для меня самое существенное вот что: я не могу представить себе русскую военную литературу, начиная с Толстого и кончая современными писателями, минуя «Денщика и офицера», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Аясларское дело».

Мне кажется, что русские военные писатели в большинстве и существе своем никогда не были таковыми в буквальном смысле слова, то есть они не были баталистами.

Несмотря на грандиозную военную историю своей страны, их слух почти никогда не был поражен громом пушек или лихим «ура!», предметом их искусства неизменно оставалось то внутреннее, душевное состояние человека между жизнью и смертью, между возможностью убить и быть убитым, в которое этот человек поставлен войной. В этом-то именно смысле Гаршин и является для меня классиком.

Еще одно имя — Апухтин.

Конечно, если безупречная ритмика стиха, его отчетливость и, наконец, его отчетливая красота ныне вовсе нипочем, либо если такой классически отчетливый стих мы оставляем исключительно за Пушкиным и Лермонтовым в прошлом, за Есениным в настоящем, тогда Апухтину действительно не найдется места в нашем сознании и литературном мышлении. Не найдется таким, например, стихам:

Не стучись ко мне
в ночь бессонную,
Не буди любовь
схороненную...
Я в гробу лежу,
я затих совсем.
Мысли ясные
мглой окутались,
Нити жизни
все перепутались,
И не знаю я,
кто играет мной,
Кто мне верный друг,
кто мне враг лихой...

А ведь вовсе не исключено, что кристальность и строгость поэзии, то и дело почитаемая нынче за анахронизм, снова и не в таком уж отдаленном будущем станут цениться превыше всего.

Ну, а если говорить об Апухтине-прозаике, так я вообще не припомню, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь сослался бы на него.

В то же время я думаю, что, если бы, положим, шутки ради журнал «Иностранная литература» или какой-нибудь другой изменил имена героев «Архива графини Д**» и дал его как перевод под вымышленной фамилией, редакция, вероятно, получила бы не один десяток положительных, а то и восторженных отзывов и рецензий, в которых отмечались бы лаконизм произведения и безупречная его организация, совершенство формы, умение в одной короткой записке или даже депеше изобразить характер и развить событие и многое другое.

И все так оно и было бы, все правильно, потому что апухтинская повесть, а точнее, пожалуй, роман в письмах, — опять-таки образец художественно-эпистолярного произведения.

Сколько же их, незаслуженно забытых писательских имен и произведений русской классики?

Не перечесть...

Строго говоря, причисление писателя к классике уже лишает нас права забывать его. Но, понимая, что классика не состоит из одного десятка имен, мы формально причисляем к ней многих и многих, а помним единицы.

И дело не только и, может быть, не столько в том, что нынче они мало или совсем не издаются, а, как уже говорилось выше, дело в другом: они исключены из нашего повседневного литературного обихода, они ни для кого не пример, никому не указ, и трудно об этом сказать, но их ценность практически как бы приравнена к нулю.

Почему так? Откуда это пошло?

Пожалуй, нагляднее всего это прослеживается по «Краткой Литературной Энциклопедии», поскольку именно она призвана ориентировать и читателей, и литераторов в современных, а тем более прошлых литературных ценностях.

Что же мы узнаем из «Энциклопедии», ну, положим, о том же «Архиве графини Д**»? А вот что: «В прозаич. произв., написанных в форме писем, дневников («Архив графини Д**», 1890, «Дневник Павлика Дольского», 1891, и др.), нарисованы быт и нравы петерб. светского общества 80-х гг. (опубл. посмертно)». Да и всему-то Апухтину отведено... 35 строк.

Немногим больше говорится здесь и о «самых значительных произведениях Григоровича» — «Деревня» и «Антон-Горемыка».

Но ведь эти вещи были очень крупными событиями русской литературной жизни своего времени, а поскольку эта жизнь была совсем не мелочной, была очень и очень значительной, следовательно, ее события не могли так скоро утерять свои художественные ценности. И не утеряли их, если, конечно, судить не формально, а по существу.

Далее же «Энциклопедия» сообщает о Григоровиче, что, «продолжая традиции Н. В. Гоголя, он создает произв. из нар. жизни...».

Пусть меня поправят специалисты, но мне-то кажется, что дело обстояло наоборот — не Гоголь, а Григорович создал произведения из народной жизни, тем более если принять понятие народа, каким оно было в то время, когда под народом подразумевалась крестьянская масса.

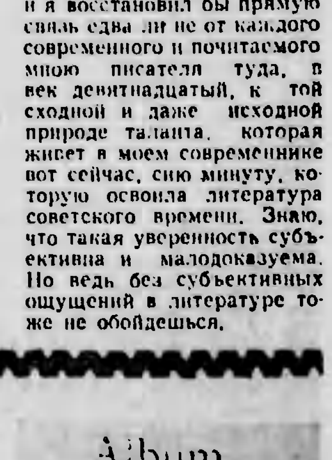
Гоголь самостоятельных реалистических произведений об этой массе не писал, его стихией было прежде всего мелкопоместное дворянство в деревне и в городской службе, а еще история казачества, и если Григорович в чем-то шел по следам Гоголя, так это в описании чиновничества. Но все равно и тут сказывается непременное сопоставление величин: Гоголь больше Григоровича — и вот уже отсюда делается вывод, что Григорович должен идти за Гоголем.

Вообще строго номенклатурная расстановка сил русской классической литературы — это одна из причин того, почему столь невыразительны, вялы, а порой и убоги предисловия, те, если так можно выразиться, те напутствия, с которыми редко, но все-таки издаются классики второй величины. Если «вторые» лишь повторяют первых, тогда и в самом деле что можно о них сказать? Сказать и эмоционально, и оригинально?!

И если уж на то пошло, так у меня здесь больше надежд на писателей, чем на критиков и литературоведов, — ведь каждый писатель, помимо великих имен, может определить своего собственного «первого среди вторых», свою симпатию, свое душевно-творческое расположение к кому-то из прошлых и забытых и сказать о нем свое слово, исполнив долг перед отечественной литературой и перед самими собою тоже. Это дело и чувство личные, тут и речи не может быть о каком-то распределении обязанностей, но мне невольно кажется: доведись мне, и я восстановил бы прямую связь едва ли не от каждого современного и почитаемого мною писателя туда, в век девятнадцатый, к той сходной и даже исходной природе таланта, которая живет в моем современнике вот сейчас, сию минуту, которую освоила литература советского времени. Знаю, что такая уверенность субъективна и малодоказуема. Но ведь без субъективных ощущений в литературе тоже не обойдешься.

ИЗДАНО В ПАРИЖЕ

ДОСТОЕВСКИЙ: 557 ИЛЛЮСТРАЦИЙ



ПАРИЖСКОЕ издательство «Галлимар» имеет все основания гордиться своей «Библиотекой Плеяды», которую оно составляет из произведений классики старого и нового времени. Небольшие по формату, удобные для чтения, томики «Плеяды» — редкий и счастливый симбиоз изящества и простоты. Всем хороша «Плеяда»: и переплетом, и «супером», и кремоватой тонкой бумагой, позволяющей книге быть донельзя компактной (в трех книгах уместился весь прустовский роман «В поисках утраченного времени», обычно издаваемый в семи книгах), и четким, нестандартным шрифтом, и, наконец, что, пожалуй, самое ценное, качеством текстологии и обширными комментариями, выполненными высококвалифицированными специалистами. Но есть у «Плеяды» один серьезный недостаток: обжигающая цена. Чтобы в какой-то степени ослабить силу «ожога», издательство «Галлимар» положило за правило одаривать своих покупателей, приобретших за год не менее трех «плеяд», специальным альбомом, посвященным жизни и творчеству какого-либо выдающегося писателя.

В этом году, в свой пятидесятилетний юбилей, «Библиотека Плеяды» преподнесла в качестве подарка альбом «Достоевский». Выбор Достоевского — первого русского писателя, ставшего героем подобного альбома, — закономерен, если принять во внимание, что в «Плеяде» вышло семь томов произведений великого романиста, пользующегося во Франции огромной и устойчивой популярностью.

Популярность, впрочем, еще не свидетельство адекватного понимания писателя, и, очевидно, ощущая разрыв между горячей симпатией французов к творчеству Достоевского и состоянием французских штудий по Достоевскому, авторы альбома — Гюстав Окутюрье и Клод Менюэ — предприняли попытку сократить разрыв, стремясь дать объективную картину литературной судьбы писателя. Однако связанная с Достоевским иконография, доступная издателю на Западе, оказалась слишком бедной — «каких-нибудь пятьдесят документов», и К. Менюэ, по договоренности с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, приехал в Советский Союз для сбора материала на месте. В этой работе, помимо ИМЛИ, существенную помощь ему оказали музеи Достоевского в Москве и Ленинграде, что с благодарностью отмечено в предисловии к книге.

В вышедшем альбоме — 557 иллюстраций. Иконография подробно знакомит читателя как с самим писателем в разные годы жизни, так и с его родными, друзьями, литературными учителями и современниками, покровителями и недоброжелателями. В книге помещены иллюстрации картин, которые любил и о которых писал Достоевский, маршруты его путешествий, фотографии городов, где он жил по собственной воле или же за казенный счет, а также петербургских улиц, мостов, домов, где встречались, вынашивали идеи и «преступали» герои его романов. Много места уделено черновикам, записным книжкам, вырезкам из русских газет и журналов, характерным карикатурам и объявлениям. Приводятся иллюстрации различных художников к произведениям писателя и кадры из фильмов, снятых по мотивам его романов. В выборе материала нет случайного, лишнего, пустого; иконография, словно увеличительное стекло, приближает читателя к Достоевскому и оживляет черты его эпохи.

Текст альбома не только комментирует иллюстрации, но имеет и самостоятельное значение. Спокойный, «нейтральный» тон, в котором выдержан текст, — признак не холодности авторов, а скорее их глубокого пиетета перед Достоевским. Основываясь на опыте советских и зарубежных исследований творчества Достоевского, Г. Окутюрье и К. Менюэ довольно успешно находят место Достоевского в напряженной литературной борьбе 60—70-х годов прошлого века, определяют вехи его мировоззрения, показывают неровные, «нервные» отношения писателя с Тургеневым, Белинским, Некрасовым, Катковым. В альбоме справедливо отмечена антибуржуазная настроенность Достоевского, явившаяся одной из причин разочарования писателя в Европе и стимулировавшая его отвращение к «циничной, — как пишут авторы альбома, — выставке капиталистических богатств, соседствующей с ужасной физической и моральной нищетой пролетариата».

Не скрою, что в альбоме есть несколько «огрехов» и неточностей, однако они не имеют принципиального значения, и в заключение хочется сказать не о них, а о том, что альбом «Достоевский» — прекрасный подарок не только для коллекционеров «Библиотеки Плеяды», но и для всех ценителей гения Достоевского. Кроме того, этот альбом можно рассматривать как успешный пример советско-французского сотрудничества в области культуры, и хочется надеяться, что такого рода примеры будут множиться.

Вик. ЕРОФЕЕВ

* ПОЭЗИЯ * ПОЭЗИЯ *

Хоким ГИЛЯЖЕВ

Мое поколение

Прожившие полвека на земле,
Мы мчимся сквозь пожары и тревоги.
Сверкают, словно молнии, дороги,
И жизнь уходит
В предвечерней мгле.
Нас ищет смерть средь гор, лесов и нив —
Незваная, с косою за плечами,
И падают мои однополчане,
Недолюбив и ран не залечив.

А кажется: давно ль под отчий кров
Мы возвращались, защитив планету,
И улыбались мирному рассвету,
И удивлялись пеньку, петухов.
Был стол накрыт —
По карточкам и без,
Налаживался быт наш понемногу,
И ближние кидались на подмогу,
Когда ты падал, поломав протез.
Мы в вузы шли —
Без зряшней суеты
Одолевать нелегкие вершины.
И платья, сшитые из мешковины,
Девичьей не губили красоты.
Все испытав,
Ожесточась в борьбе,
Мы людям доверять не перестали,
И от людей мы неизменно ждали
Такого же доверия к себе.
Как сердцем презирали мы того,
В ком веры нет, —
Печальная утрата!
Мы верили мучительно и свято —
Все наше поколенье таково.
И пусть мы ошибались,
И не раз,
В своих решеньях трудною порою,
Но боевого, сомкнутого строя
В пути не разорвал никто из нас.
И горизонт манил к себе и звал;
Без устали мы устремлялись смело
Туда,
Куда нам Родина велела,
Был каждый день, как новый перевал.
Был путь наш верен, взгляд открыт и прям,
А это признак чистоты и силы.
И, не таясь, мы вслух произносили
Все то, что волновало сердце нам.

Мы мчимся,
Как в былые времена.
Летят навстречу дымные закаты,
Распластан над землею конь крылатый,
Латунные пылают стремена.
Мы мчимся.
Звезды — вровень с головой,
Доступны океанские глубины.
И физики, и лирики едины,
И до конца мы долг исполним свой.
Мы мчимся,
Только многих рядом нет,
Редеет строй, все горше миг прощанья.
И лишь коней серебряное ржанье
И звон стремян нам слышатся в ответ.
Мы мчимся по степному большаку,
И мчаться нам, не ведая покоя,
Покуда поколение другое
Не сменит нас на бешеном скаку.
Прожившие полвека на земле,
Мы мчимся сквозь пожары и тревоги.
Сверкают, словно молнии, дороги,
И жизнь уходит
В предвечерней мгле...

Перевел с башкирского
Яков СЕРПИН

Фото Г. КОПОСОВА

Борис ОЛЕЙНИК

Песнь о матери

Засеяла поле
летами своими, как житом,
Земле поклонилась,
в степи нарвала спорышу.
Детей научила,
как в мире по совести жить им,
Вздохнула легонько —
и тихо пошла за межу.
— Куда же вы, мама? —
бегут ее дети за нею.
— Куда вы, бабусенька? —
внуки кричат у ворот.
— Да я недалечко...
За солнышком... Может, успею...
Пора мне, родные...
Живите, не знайте забот!
— Да как же без вас мы?
Да что вы надумали, мама?
— А кто нам, бабуся,
расскажет опять про лису?
— А я вам оставлю
и радуги все, и туманы,
И золото в поле,
и вербу, и птицу в лесу.
— Не нужно нам радуг,
не нужно нам серебра-злата,
Лишь только бы вечно
встречали вы нас у ворот.
Родная,
мы сделаем все и на поле, и в хате.
Останьтесь, матуся!
Пусть солнышко вас подождет!
Она усмехнулась
и вся почернела от боли.
Взмахнула рукою —
и дрогнул рушник на весу.
— Счастливой вам доли! —
и стала задумчивым полем,
Землей, и туманом,
и вербой,
и птицей в лесу.

Перевел с украинского Л. СМИРНОВ

Пушкин в Одессе

Лишь полночь южная, как Парфенон восстанет,
Векам прошедшим опершись на грудь,
Он сходит буднично с порога пьедестала,
Так, словно бы присел лишь отдохнуть.

И — родственна ветрам, мятежно пелерина
Взлетает над плечом, как демона крыло,
И всходит тихо на его чело
Высокий знак парнасской прабогини.

Над морем он стоит. И море вещим оком
Глядит в ночи на вязь его шагов.
И так молчат они — высоко и глубоко —
Две вечности: ведь им не надо слов.

На парапет веков склоняется Одесса...
Так совершенно все... А мелочное — прочь!
И не было интриг, и не было Дантеса,
И не было конца — есть время, море, ночь!

Коварный взгляд девиц в пылу лихой мазурки,
Обрывки сплетен, выданных за быль, —
Так преходяще все, как юный камер-юнкер...
Но вечно лишь одно: — Я вас любил...

Ах, суета сует амбиций и
гордыни —
Все минуло, как выцветший мотив.
Но было, есть и остается ныне
Древней, чем грешный мир:
— Я вас любил...

Две вечности лицом друг к другу стали.
Застыло время. Но заря близка —
И ждут его пороги пьедесталов,
Чтоб он присел
перед дорогою в века.

Перевел Е. КРИЖЕВИЧ

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

■

Быстро большие летят облака.
Ярко и мрачно сверкает река.
Плавно от мокрой березы оторван,
каркает бурей растрепанный аорон —
каркай, да не накаркай!
В воздухе носится влажная пыль.
Ивы бегут! А за ними — ковыль...
Пахнет дубрава столетнею старкой.
Паника листьев и бегство цветов.
Клевер и мята, аир и крапива
в детство твое засылают гонцов,
мучают совесть твою торопливо.
Сырость тревожит. Придвинулся шум.
Рухнула капель холодных лавина.
Смыла и смяла, летя наобум,
самоуверенный запах бензина.
Стой! И запомни, как пахнет трава,
плещется рыба и дышат обрывы.
Внукам расскажешь про час торжества
клевера, мяты, аира, крапивы...

■

Два облака белых плывут по лазури.
Стоит ослепительный зной.
Ну вот мы и встретились после разлуки!
Не вечной разлуки земной...

Над жизнью, в которой мы прочно забыты,
над синим холодным Днепром,
над кладбищем, где мы нс ядом зарыты,
сегодня мы рядом плывем.

Два облака белых... Одно розовеет,
над миром приветствуя день.
Другое опять отдалиться не смеет,
лежит на нем первого тень.

Нам встретится дым. И о юности милой
ты вспомнишь и нежно взгрустнешь.
Я ливень пролью над твоею могилой...
А ты над моей не прольешь.

Ты первой иссякнешь в пылающем небе,
рванусь за тобою, звеня!
Но в клевере, в глине, в полыни и в хлебе
ты разве дождешься меня?

Два облака белых плывут по лазури.
Стоит ослепительный зной.
А может, и не было вовсе разлуки,
на вечной разлуки земной?

■

Чертополох цветет во рву.
И жадно пес облезлый рыщет.
Одну из тысячи — траву
свою спасительную ищет!

Мне повезло. В свой грустный план
меня больница не вписала.
Быть может, ночью в мой стакан
лесная бабочка упала...

■

В темноте подымаются доски!
В кинозал из подвала подростки
прошмыгнули... И сразу позор —
поцелуй затянулся в тумане!
Мы — свистим! Что за чушь на экране?
Заметался во тьме контролер.
Надо тихо сидеть и дрожать.
Надо втиснуться в кресло и тише,
чем худые подвальные мыши,
затаиться. Молчать. Не дышать.
Поздно! Дышит в лицо контролер.
Пахнет серой — взрываются спички...
Или это в окно электрички
бьет ночными огнями простор?
Наглый мальчик толпу презирает —
он подружку свою обнимает.
Он целует ее, не стыдясь
стариков, пассажиров усталых.
Есть какая-то детская грязь
в поцелуях бесстрастных и вялых.
Ветер! Шлаком изрезанный лист.
Вспышки... Лязг ледяного металла.
Слышу свист — протестующий свист
чистоты! — из холодного зала.

■

Отчего душе моей сродни
пасмурные дни?
Отчего люблю песок текучий
с темною полоской у воды,
запах торфа,
грозовые тучи,
а дюнах цапли тонкие следы,
мокрый флаг над тихим детским домом,
сладкий дым,
гречишные поля.
Там, над ними, в холоде бездонном
бродит мысль живая и ничья.

ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

Штрихи к портрету Михаила Луконина

МНОГИЕ мои очерки — о Майорове, Когане, Кульчицком, Суворове, Молочко*,— если повернуть их к окну, обнаружат — кажется мне — просвечивающие изображения. Пирамиды со звездами, «мрамор лейтенантов, фанерные монументы». Это рассказы об ушедших.

А теперь начну разговор о том, кто сотни раз мог оказаться среди них, но, к счастью, не оказался. Здесь не будет заданной концовки, и просвечивающее изображение не может возникнуть на бумаге.

С Михаилом Лукониным наши пути идут долгие годы рядом, сходясь и перекрещиваясь при таких обстоятельствах, что нарочно не придумаешь. Даже в пределах общей судьбы поколения такие совпадения и сближения почти невозможны. Но факты остаются фактами, и факты эти интересны и значительны не только для нас с ним, а, пожалуй, и для других.

Беглый взгляд на совпадения и сближения вызывает запоздалую улыбку. Словно перед тобой зеркало, в котором видишь самого себя, молодого, зрелого, постаревшего, с таким же молодым, зрелым, постаревшим товарищем. Скорее, конечно, это кадры киноленты, начавшей крутиться еще в конце 30-х годов и продолжающей пока что проецироваться на экран. Сохраню на мгновение улыбку и вспомню, что примерно сорок лет назад на Садовом кольце был кинотеатр «Экран жизни». Сейчас такое название выглядит несколько безвкусно, но, как говорит один мой знакомый, что-то в нем есть. Так вот, наша кинолента проецируется именно на экран жизни. Самый что ни на есть доподлинный.

Просмотрим несколько кадров. Экспозиции, которой хватило бы на повесть с продолжениями — довоенные поэтические вечера, Финская кампания, Литинститут, истребительный батальон, — касаться не будем. Объектив — сразу на заснеженное поле под Пегином. Это 10 октября 1941 года. Первый мокрый снег упал на Брянщину, и на нем наши шинели выделяются, как напоказ: бей, не хочу! И по нас бьют прицельно, не спеша, на выбор. Попытка прорыва не удалась, и мы, отстреливаясь, отходим от сожженной деревни к темнеющему впереди лесу. Только бы до него добраться! Наискось от меня — Луконин. В одну из секунд — вижу! — сбоку из-под хлястика у него летит вверх кусок сукна. Мишка впопыхах не замечает ранения, в лесу после разберется. Слышу звонкий удар по каске — черт возьми, пуля срикошетила, пошла мимо.

Слышала б ты —
ознобом по коже
Пули в каску стальную
стук.
Имя твое, словно имя
божье,
Младший твердил политрук.

Последние десятки метров нет уже мочи перебегать и падать, наплевать на все, встаем и, просвистываемые пулями, в рост уходим из-под выстрелов. Через десяток-другой минут у зажженного костра сидим среди однополчан. Теперь мы окруженцы, и 600 верст предстоит нам пройти, пока мы не минуем вражеские посты. И все шестьсот — шаг в шаг, плечом к плечу с Лукониным. В своей поэме «Дорога к миру» он опишет этот страдный путь.

Бои под Ельцом, Ливнами, Верховьем — вместе, а потом весной меня посылают на политкурсы в Иваново. Луконин тоже не пропустит их, но после меня. Нас раскидывает по разным концам фронта. Он — под Сталинградом, я — под Ленинградом. И вот следующий кадр: весна 1945 года.

Велением судьбы и Ставки наши армии — одна с севера, другая с юга — сходятся на немецкой земле. Сходимся и мы, вопреки всякому вероятию, по одной из тысяч возможностей. После штурма Данцига временная передышка, я еду к Луконину, три дня стихи и песни.

Побежденный фашизм и освобожденная Германия. Участниками победы и освобождения встречаем конец войны. Меня демобилизуют позже Луконина. И в июле 1946 года на вокзале среди встречающих я вижу раньше всех его серую кепку. Выступаем на одних вечерах, печатаемся в одних журналах, выпускаем книги в одних издательствах. Листаются не только книги, а годы. Далеко позади молодость.

И вот еще один кадр: самолет между Новым Орлеаном и Лос-Анджелесом. На соседних креслах, коротая время, год за годом перебираем мы всю нашу жизнь. Здесь, в служебной поездке по США, самый раз оглянуться на свой путь, так непохожий на пути наших соседей по самолету. И память снова возвращается к Пегину, к заснеженному октябрьскому полю на Брянщине тридцать лет назад.

В нашем поколении известность раньше всех пришла к Луконину. Впечатлительный до страстности, он первым выплеснул из сердца увиденное и пережитое в финских снегах. На финском фронте побывали поэты старше и опытнее нас, но война их так не обожгла, как двадцатилетних ребят, сразу попавших в ее морозное пекло. Стихам Луконина поверили с первой до последней строки, это была сама жизнь, произведением она считает надпись на Пискаревском кладбище. Не хочу спорить с ней — может быть, это так, а может быть, и не так, но слова «Никто не забыт и ничто не забыто» и впрямь великие слова.

Пройдите по улицам своих городов. Сколько улиц названо именами павших поэтов! Среди них вы найдете улицы Николая Майорова и Георгия Суворова. «Бригантина» Павла Когана развернула паруса много лет спустя после его героической смерти под Новороссийском. В Могилеве и Харькове бережно хранят память о Михаиле Молочко и Михаиле Кульчицком. В Москве вышли посмертные книги наших друзей. Не счесть сборников, в которых напечатаны их стихи. Студенты пишут курсовые и дипломные работы об их творчестве.

В утверждении памяти этих замечательных ребят большую роль сыграли их друзья, пережившие войну: Виктор Болховитинов, Борис Слуцкий, Давид Самойлов, Сергей Орлов, Михаил Дудин, Владимир Жуков, да и многие другие. Но оглядываясь далеко назад, видишь, что первое осмысление нашего пожизненного долга дал еще в 1940 году Михаил Луконин. И за это ему всегдашнее спасибо. У него с рожденья была чуткая душа, и как раз она дала ему возможность уловить одно из главных чувств поколения — чувство дружбы, сплоченности, единения. Единения на годы, до конца...

ПЕРЕДО мной книги Луконина. Строка за строкой, страница за страницей, и чуть ли не везде частицы общей памяти. Вот стихи, ставшие знаменитыми: «Приду к тебе» и «Пришедшим с войны». Я даже помню первые варианты, Луконин мне присылал их в письмах. Последующие исправления характерны не только привычной работой над словом, а иной раз как бы психологическим переутверждением. В «Приду к тебе» первый вариант ослабляла излишне точная рифма (бывают и такие случаи). Рифмовалась «роковом — рукавом», и строфа приобретала выспреннее звучание. Потом Луконин заменил «роковом» на другое слово, добротно, но не столь полно рифмующееся, и концовка стихотворения приобрела теперешнее звучание:

В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой, —
Но лучше прийти
с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

Стихи «Мои друзья», в которых поэт пишет в госпитале под диктовку раненых письма к их родным, Михаил читал мне на площадке полупустого трамвая, когда мы ехали с ним на вечер в фабричном клубе. Клуб был где-то у черта на куличках, трамвай шатало из стороны в сторону, громкий шепот Луконина не давал пропасть ни одному слову. Победа еще не праздновала двухлетний юбилей, война только отгремела, люди луконинских стихов, недавно вышедшие из госпиталей, заполняли московские улицы. Стихи на меня произвели тогда сильнейшее впечатление, и оно не исчезло до сих пор. Поэт пишет письмо любимой ослепшего в боях человека. В порыве горького самоотречения раненый хочет покончить с прошлым и будущим счастьем. Поэт придумывает за него письмо, где жизнь дает отпор смерти.

Я взял перо.
А он сказал:
— «Родная!» —
Я записал.
Он: — «Думай, что убит...в «живу» — я написал.
Он: — «Ждать не надо...» —
А я,
у правды всей на поводу,
водил пером:
«Дождись, моя награда...»
Он: — «Не вернусь» —
А я: «Приду! Приду!»
Шли письма от нее.
Он пел и плакал,
письмо держал
у просветленных глаз.
Теперь меня просила
вся палата:
— Пиши! —
Их мог обидеть мой отказ.

Луконин не был бы Лукониным, если бы ограничил стихотворение пересказом драматического случая. Он выводит лирическое повествование на широкие просторы всесоветской дружбы:

Друзей моих ведет
по мне земля.
Один мотор заводит
на заставе,
Другой с утра
пускает жернова.
А я?
А я молчать уже не вправе.
Порученные мне
горят слова.
— Пиши! — диктуют мне
они. Сквозная
летит строка.
— Пиши о нас! Трубы!..
— Я не смогу!
— Ты сможешь!
— Слов не знаю...
— Я дам слова!
Ты только жизнь люби!

Конечно, нам повезло. Скольких друзей в пути потеряли, скольких не досчитались! Отсюда то, с чего я начал очерк, — чувство долга перед ушедшими. Они сказали нам словами Георгия Суворова:

Свой добрый век
мы прожили, как люди,
И для людей...

И долг оставшихся в живых — пронести это бессмертное чувство по всей земле, по всем меридианам. Ведь оно погубило фашизм тридцать лет назад, оно спаяло людей во имя мира и ведет их по дороге мира.

Вот одно из стихотворений Луконина, в котором явственно звучит именно эта нота. Луконин часто читал его в Америке, и оно растапливало лед в самой замороженной аудитории. Называется стихотворение «Спите, люди», и я буду выборно его цитировать.

Спите, люди,
Отдохните.
Вы устали.
Отдохните от любви
и маеты.
Млечный Путь усеян
звездными кустами.
Ваши окна
отцветают, как цветы.
Наработались,
устали ваши руки
Нагляделись
И наискрились глаза,
И сердца, устав от радости
и муки,
Тихо вздрагивают,
встав на тормоза.

Поэт вспоминает земли и моря, реки и города, которые он повидал, странствуя по свету:

Я на цыпочках хожу,
и мне счастливо.
Вспоминаю.
Как цветасто спит Париж,
Спит Марсель у
знаменитого залива.
И тебя я помню, Прага, —
сладко спишь.
Вспоминаю ночи
Дели и Рангуна.
К пальмам голову —
некрепко спит Ханой.
И Пномпень, устав от
солнечного гуда,
Спит на ложе красоты
своей земной.
В Таиланде
тихо спит вода Сиама.
Спят плавучие базары.
Ночь в порту.
«Тише, тише! —
Я шептал над ухом
прямо. —
Берегите, люди,
эту красоту!..»

Эта последняя строка — ключевая в стихотворении. Говоря о друзьях, мы разве что в некрологах подчеркиваем ценнейшее в них качество. Луконин — настоящий коммунист. Но он прирожденный поэт. Каждый по-своему борется за мир. Каждый выделяет в мирной жизни то, что кажется ему наиболее дорогим. «Берегите, люди, эту красоту!..» Очень емкие слова.

Спите, люди, сном
предутренним одеты,
Отдыхайте
Для работы,
Для игры.
Привязав на нитке
дальние ракеты,
Словно детские
зеленые шары.
Чтобы дети и колосья
вырастали,
Чтоб проснуться
в свете дня,
а не во мгле, —
Спите, люди,
Отдохните.
Вы устали.
Не мешайте жить друг
другу на земле.

Это стихотворение написано недавно, спустя много лет после «Пришедшим с войны». И сегодня в стихах Михаила Луконина — думы, чувства, надежды современников.

Сергей НАРОВЧАТОВ

* Все названные очерки в разные годы печатались на страницах «Литературной газеты».

ТВ

На соискание Государственной премии СССР

ДОБРЫЕ ВЕЧЕРА Валентины ЛЕОНТЬЕВОЙ

Двадцатилетним зрителям эта обаятельная, совсем еще молодая женщина кажется едва ли не ровесницей телевидения. Они с ней выросли. Тетя Валя ласково говорила с экрана «Спокойной ночи, малыши!», учила клеить игрушки, а более старших диктор Валентина Леонтьева приглашала посмотреть новый фильм, в концертный зал, на стадион.

Телезрители первых послевоенных лет, счастливые обладатели «КВН» с крохотными экранами, гордились своими дикторами. Москвичи из эпохи густо усеянных антеннами городских крыш наизусть знали график любимиц. «Сегодня дежурит Нина, завтра — Оля, послезавтра — Валя». Девушки эти вошли в каждый дом, и новых, молодых дикторов потом ревниво сравнивали с первыми.

Когда встречаешь людей почти ежедневно, внешние перемены в них незаметны. Кажется, что Валентина Михайловна Леонтьева — теперь народная артистка РСФСР — времени не подвластна...

Три года назад началась передача «От всей души». Она задумывалась как очередная развлекательная программа, своеобразное ревю с конферансом.

За несколько дней до трансляции к Леонтьевой пришли сотрудники молодежной редакции ЦТ. Нужен ведущий. Она прочитала сценарий, понравилось не очень. Тогда ей рассказали о героях передачи подробнее, то, что осталось за строчками текста. Прочитала сценарий еще раз. Наутро позвонила в редакцию, сказала, что вести согласна, но в ее представлении передача совсем другая: документальный рассказ о необыкновенных судьбах обыкновенных людей.

Следующие сценарии писали уже в расчете на ведущую Леонтьеву. Каждую из двенадцати встреч «От всей души» по просьбе телезрителей повторяли. Недавняя — майская — принесла одиннадцать тысяч писем.

Передача «От всей души», прошедшая в канун 30-летия Победы, по-моему, незабываема. В зале собрались бывшие фронтовики — ветераны Первой Образцовой типографии имени Жданова. За эти два часа они как бы заново узнали людей, с которыми работали рядом долгие годы. Наборщица Клавдия Сергеевна Дорофеева не ждала такого дорогого подарка: товарищи из ее далекой военной юности — из армейской газеты — вдруг объявились, приехали в Москву, пришли в этот зал. Ведущая Валентина Леонтьева с законной гордостью за расторопных телевизионных организаторов наблюдала, как, скрывая за шуткой нежность, считали подруги свои морщины: «Нет, еще держимся!»

Александр Сергеевич Ратников, из переплетного цеха, бывший сапер, недавно в отпуск проехавший по памятным своим переправам, был тронут до глубины души. Из-за кулис неожиданно появился Леонид Осипович Утесов, нашел единственные, проникновенные слова, спел — негромко, но в зале было так тихо! — «Нет, не забудет солдат...».

Ведущая Леонтьева не боялась в этот вечер громких слов, не скрывала своих эмоций. Кажется, иногда она просто забывала о своих обязанностях и завороженно, как все зрители, смотрела на Виктора Дмитриевича Шибаева — узнает или не узнает спасшего его врача из легендарного госпиталя в тылу врага, врача, которого тридцать с лишним лет не видел, даже имя-то забыл... Когда они бросились навстречу друг другу, у ведущей слезы блеснули.

И в какого внимательного слушателя превратилась она, когда поднялся скромно сидевший в последнем ряду Константин Михайлович Симонов, показал напечатанную здесь, в типографии, листовку 1942 года «Жди меня», прочитал стихи...

Ей все это было не менее дорого, чем типографским ветеранам.

...Так ли уж сложна для талантливого, опытного мастера роль ведущего? Народная артистка, большая аудитория ее не смутит, текст подготовлен заранее...

Однако она где-то и редактор, где-то и режиссер. Она «душа» этой передачи, она «лепит» ее по кускам, как художник из цветных сколков создает мозаичное панно. «Наши тележурналисты, — это рассказывает Леонтьева, — уезжают в специальные поисковые командировки, внимательно анализируют почту и заводят своеобразную картотеку на «интересных людей». С первоначальными идеями приходят ко мне. Вместе смотрим, обсуждаем, производим жестокий отбор. Журналисты опять уезжают на места, к будущим героям, собирают подробнейший материал. Приносят мне план передачи, уже с драматургическим ходом. Опять переписываем, и не раз. Текст — вторичен. Я не боюсь этих людей, я все о них знаю».

Работа от всей души. Но если душа мелковата, немного от нее получишь. Ведущий такой передачи должен быть достоин своих героев. Тогда они ведут разговор на равных. Тогда не подавит его легкости, импровизации строго организованный сценарий, и не застанет врасплох любая неожиданная ситуация.

Как часто интересные, разные, совсем не похожие друг на друга люди перед телекамерой выглядят духовными близнецами: скованными или, наоборот, суетливыми, с вымученной улыбкой, твердящие несколько заранее заученных фраз. Очень ценно на телевидении умение «разговорить» людей, заставить их забыть о зорком взгляде телеобъектива. Леонтьева умеет. Кроме всего прочего, к другому малознакомому ведущему аудитория поначалу отнесется настороженно. А Валентина Михайловна — хорошая знакомая, старый добрый друг, приятно, что именно она хочет поговорить с тобой.

И другое. Порой телерепортер знает только имя да профессию своего собеседника. Строит разговор на формальных, привычных приемах, бросая и ловя обратно обтекаемые малоконкретные фразы и боясь выйти за рамки стереотипного диалога. Снова повторим слова Леонтьевой: «Я не боюсь этих людей. Я все о них знаю».

Несколько дней назад прошла очередная передача «От всей души» с Тираспольской швейной фабрики. Леонтьева задавала вопросы ее директору, Герою Социалистического Труда Валентине Сергеевне Соловьевой. Вопросы сами по себе интересные, несущие нешаблонную информацию, неповерхностную характеристику человека: «Говорят, прием по личным вопросам у вас ежедневно? Почему за долгие годы работы на фабрике вы не объявили ни одного выговора? Правда ли, что привели своего сына после восьмилетки в цех?»...

Информация информацией, но есть еще интонация. Как Леонтьева это спрашивала! Торжествующе дарила нам свое знание о собеседнице, открыто радовалась, что знакомит миллионы телезрителей с очень хорошим человеком. А задав последний вопрос, лукавый, неожиданный: «Почему в проекте нового административного корпуса вы попросили расширить вестибюль?» — и услышав в ответ: «Наших работниц после смены встречают мужья, друзья, зачем же ждать на улице, в непогоду под дождем мокнуть...» — обвела восторженным взглядом зал: мол, ну и директор у вас!

К героям своей передачи надо относиться вот так — от всей души. Остаться друзьями на всю жизнь.

Ведущая «От всей души» представлена к Государственной премии СССР. Она заслужила эту высокую награду.

Р. ПОСПЕЛОВ

ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

Телеспектакль «Дома вдовца» Б. Шоу. В ролях — А. Вертинская и О. Шкловский

Фото А. АГЕЕВА

Телепостановка «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова. Шаманов — С. Любшин

М. Плисецкая в телефильме «Вешние воды» (по И. С. Тургеневу)

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

ВАШЕ МНЕНИЕ О ФИЛЬМЕ?..

Телевизионное объединение «Экран» показало новую документальную ленту — картину Игоря Беляева «Ваше мнение по делу?». Работа относится к разряду проблемных фильмов — явлению на телевидении редкому, часто спорному и вместе с тем принципиально важному.

Картина И. Беляева — произведение художественной публицистики, яркое, образное, эмоционально насыщенное. Но смотреть его нелегко, зрителя ждет не досуг, а труд, напряженная работа мысли.

Фабулой фильма стал частный, исключительный случай. Трое ребят, выпускников десятилетки, прямо со школьной скамьи пересели на скамью подсудимых: ограбили квартиру своей одноклассницы, уехавшей с родителями отдыхать. Идет суд. Он определяет меру вины подсудимых. Экран же пытается открыть непознанное в этом горьком событии. Причем сам по себе не новый: меч правосудия, отсекающий больную «клетку» общества от здоровых, образует срез, интересующий и художника, и автора судебного очерка. Но журналист акцентирует внимание на свершившемся, художник-публицист — на возможном.

Концепция режиссера поначалу кажется достаточно ясной и не слишком глубокой. Тема комфорта, материального благополучия, «потребительства», возникая в начале фильма, становится постоянным его рефреном. Вещи, материальные блага — утверждает экран — в той среде, где воспитывались эти трое, вытеснили, заменили все прочие стремления, преломляясь, словно в системе зеркал, в хрустале и стекле сервантов, лаке обуви и машин. Все было сосредоточено на одном — поиске удовольствий. Школа заботилась об отметках, семья о том, чтобы подростки были сыты и хорошо одеты. Но никого не тревожила нищета их духовного мира: что нет в нем ни Толстого, ни Чехова, что они не знают серьезной музыки, а побывав в театре, вспоминают лишь о том, что буфет их разочаровал.

Эту свою гипотезу режиссер проверяет на истинность, испытывает кадр за кадром. Вот рука потянулась к книге, но, увы, книга оказалась стилизованной сигаретницей. Символично, не правда ли?

Но вот интервью дает умный, приятный, интеллигентного вида юноша. В происшедшем нет ничего удивительного, — резюмирует он. Чего еще ожидать от людей с бедным, жалким духовным миром? От людей, чуждых ценностей высокой культуры, ищущих в жизни лишь примитивные удовольствия?

Умный, очень примерный юноша. Он читает настоящие, хорошие книги, интересуется радиотехникой, регулярно бывает в театре и, возможно, в консерватории. И говорит как пишет — сочинение или рецензию: точно формулируя, обобщая показанное экраном. Но из-за кадра звучит встревоженный голос автора. Этот начитанный, интеллектуальный юноша встречался с девушкой, квартиру которой ограбили подсудимые. Он сам прятал унесенные другими вещи.

Страшный образ, убедительно свидетельствующий: можно ходить в театр, читать классику, осуждать тех, кто ее не читает, — само по себе это ничего не изменит. Дело не только в знании, а в осознании роли искусства в воспитании человека, в человеческой жизни.

Герои фильма — современники научно-технической революции. Они с детства знают, что все проблемы постигает и решает наука, учатся ее языку. Но не знают, что есть проблемы, которые недоступны науке, непереводимы на ее рациональный язык. Проблемы духовного мира каждой личности, сложнейших человеческих отношений. Это — некий факультатив: по «обязательной программе» его вообще «не проходят». Литература, искусство становятся для наших героев лишь еще одной областью знания, наименее прикладного. Непонятно зачем нужного им — будущим специалистам совсем в других областях.

Они рационалисты. Только их рационализм — не сухость и не бесчувственность, а расщепление мысли и чувства со своеобразной специализацией этих начал. Разум, интеллект относятся к сфере необходимости — работе, профессии. Чувства, переживания — лишь к сфере потребления, досуга.

В качестве предмета потребления любой детектив для них несомненно лучше «Войны и мира», как прогулка в автомобиле лучше, чем с рюкзаком, а транзистор лучше рояля. И еще лучше не читать, а слушать или смотреть: кинематограф «комфортабельней» книги; еще, правда, «комфортабельнее» ТВ, но оно отличается от киноискусства, как ужин дома от ужина в ресторане.

Беляев словно бы не замечает этой, более сложной проблемы. Он снова и снова показывает: не читают, не знают, не интересуются, и сетует: нет «культуры души», не замечая, что опасно другое — отсутствие духовности вообще.

Мне кажется, это объясняется прежде всего тем, что Беляев снял телефильм. Кинофильм — в том числе и документальный — все-таки рассказ о результатах исследования. Телехудожник спрашивает, организует свое исследование. Он предлагает свою гипотезу, версию и подвергает ее экспериментальному испытанию съемкой. Поэтому и опровержение версии — здесь тоже содержательный результат. Меня, скажем, не до конца удовлетворяет гипотеза, предложенная автором фильма «Ваше мнение по делу?». Но мы благодарны ему за то, что он дает нам возможность выработать собственное «мнение по делу» или хотя бы задуматься, углубиться в себя.

Эта проблема и впрямь сложна. Это ею озабочены педагоги, это о ней думают социологи. Как создать условия, способствующие тому, чтобы развивались, а не рвались связи, которые когда-то назывались «струнами нашей души»?

Искусство — эта мысль в фильме не прочерчена — не заменяет душевных струн, а лишь заставляет их звучать в унисон с тревогами и надеждами времени. Но чтобы возникло это явление резонанса, искусство само должно быть «настроено на него», должно быть насущным и актуальным. Можно сказать: подлинное искусство всегда таково. Оно актуально в своем круге жизни, общения, интересов, поисков людей. Конечно, — и об этом тоже забывать нельзя — круги эти различны. Во всяком случае, для человека у телевизора прежде всего важен день сегодняшний.

К сожалению, фильм Беляева, спорящий, вызывающий на раздумья, телевизионный по самой своей художественной структуре, был показан на экранах ТВ в 16.00 — в полосе предельного зрительского отлива. Те, что постарше, в это время работали. Те, что помоложе, учились. А вечером был международный хоккейный матч, и мы все вместе безумно переживали за наших...

Вс. ВИЛЬЧЕК

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

МАСТЕРА И МАСТЕРСТВО

Александра ПИСТУНОВА

ЦВЕТ И РИФМА

«Чадырлунгские девушки»

Полотно, впервые открывшее для меня высокое и нежное искусство Михаила Греку, было частью его триптиха «История одной жизни». Кто не знает ныне старую Молдавию по этому холсту, где большеглазый узкоплечий мальчик держит тоненькой рукою веревку, связывающую рога кротких гигантов — быков! Мальчик словно бы стиснут их покорными тяжелыми телами, легонький, он полетел бы, как птица, если бы не веревка. На холсте — синяя теплая ночь, горбатая пашня вздымается к небу за быками и мальчишкой. И завороженно, будто от тебя, зрителя, зависит вся его будущая судьба, прямо в сердце твое смотрит одинокий и печальный ребенок с крестьянской взрослой сумою через плечо. Это произведение обладает тем удивительным качеством, найдя которое, живописец получает право называться большим художником: оно имеет черты символа, в нем рассуждение о человеке, заключенное почти в легендарном образе. Ничего нового нет в этом сюжете, и все единственно и ново. Здесь картина мира, картина времени — не отдельной судьбы, о которой будто бы хотел рассказать художник.

В стихотворении, посвященном великому ваятелю двадцатого века румыну Константину Брынкуши, Михаил Григорьевич Греку формулирует свою задачу:

Он лепил
«не птицу в полете,
а полет птицы».
Долго перебирал я
эти два слова,
прежде чем понял:
Любой поступок и вещь,
любое созданье одушевлено.
Смертна летящая птица.
Но вечен полет!

Разумеется, художник (к тому же прекрасный, тонкий поэт, чем-то напоминающий Неруду и Аполлинера) пишет стихи не затем, чтобы словом определить цель живописного творчества. Но другой жанр искусства дает имя многолетним поискам Греку в пластике, поискам одушевленности, полетности «любого созданья».

Михаилу Греку пятьдесят восемь лет, и он не случайно называл сначала свой триптих «История моей жизни». Мальчик с быками — в самом деле часть его собственной биографии. Эту художническую индивидуальность во многом определили крестьянская духовность, афористическая образность и яркая колористика молдавского фольклора. Он вырос на той самой горбатой приднестровской пашне, которую написал в триптихе, под небом, прочерченным степными птицами, чьи голоса похожи на звук его скрипки. Другие искусства — слово и музыка — ощутимы для нас, зрителей живописи Греку, даже если бы мы не знали об увлечениях художника. В его живописи всегда присутствуют гортанный цветной голос молдавской скрипки и задумчивая философичность поэзии.

Несколько лет назад в Кишиневе состоялась выставка Михаила Греку «Дома моего детства». Трудно определить жанр этой серии: пейзажи, нет, скорее портреты маленьких и больших домов и домишек, сельских и городских, с ульями деревьев — огромные, как генеалогическое древо, и юных, похожих на детей. Окна и двери, ворота и калитки, тропинки и мостовые у стен, печные трубы и заборы... Дома — люди. Тайна их ушедшей и новой жизни.

Был среди написанных Греку холстов и «Коровник» — длинное беленое строение, низенькое, будто вросшее в землю, под сплетенными кронами ржаво-коричневых каштанов, и, когда я глядела на эту работу издали, казалось: несколько старых пастухов в косматых бараньих шапках сидят, обнявшись, на траве... Был и другой холст — с чистеньким провинциальным домиком, построенным фасонно, с двумя круглыми мезонинами, похожими на свадебные снимки жениха и невесты, которые висят в спальне старых людей в овальных рамах. Домик был тих и пуст, но двое — те, кто тут жил, беседовал, ждал, трудился, любил, — сохранились и невидимыми в сюжете мастера: в рифмах цвета, в пространственных подобиях, в переличие теней неназойливого и такого значительного фона. Рифма — ортодоксальный поэтический прием — всегда присутствует в любом холсте Михаила Греку, поэта, пишущего верлибром. Живописец Греку обладает точным «строфическим чувством», создающим великолепные ритмовые переходы в его холстах.

В колористических штудиях Греку часто сочетает два черных — матовый и блестящий, два синих — ультрамарин и голубой, несколько зеленых или серых. Так музыкант «играет» близкими звуками контрастного смысла и чувства, открывая их удивительные скрещения. Но не только эти внешние, костюмные качества — примета его поэтической живописи. Как и подлинная поэзия, живопись Греку обладает прежде всего особой емкостью, возможностью передать грандиозное в самом малом, проекцией этого малого на жизненное пространство, которое заново открыто для нас, зрителей. Ведь поэзия словно «подслушала то, что и сами мы давно чувствовали», — это высокая правда нашего собственного, находящегося в глубинах знания о мире, которую искусство как-то таинственно узнало и щедро открыло всем. К «Домам моего детства» можно отнести и новый холст Греку, написанный совсем недавно — весной воспоминаний о великой Победе. «Раны войны». Руина под малиновой крышей без окон и дверей, как руки-ноги, сломаны электрические столбы, порваны провода... Руина-реквием? Нет. Это печальное по видимости «стихотворение» обладает удивительной силой надежды. Дом молод, похож на петушка с перебитой лапой и разорванным гребнем. Палитра мастера — белый, серый, малиновый — утверждает будущую жизнь обожженного войною человечьего жилища.

Живописная речь Михаила Греку скупа. Энергия метафор создает особое напряжение каждого полотна. «Безлюдность» пейзажей напоминает о стиховом приеме с опущенным местоимением (смеляковское: «как бывало — с полуслова, с полуголоса поймешь...»), а внешняя статика — о строфах, в которых нет глагола. Так у Леонида Мартынова: «У ночи — мрак, у листьев — шум, у ветра — свист, у капли — дробность, а у людей пытливый ум и жить упорная способность».

Отчего, говоря о живописи, сравниваю ее со стихотворчеством? Способ не новый, но сегодня очень актуальный, ибо новейшее стихотворчество давно узаконило формы передачи мира, которые ищет наша новейшая живопись. В книге отзывов вологодской экспозиции Греку, состоявшейся в прошлом году, есть очень точная запись его товарища и коллеги Владимира Корбакова: «Выставка Греку показала, что поэзия, музыка, легенда, красота, мечта не только подвластны живописи, но они ее определяют гораздо больше, чем прозаический пересказ красками реального жизненного материала...»

Приглашение его выставки в Вологду Греку получил, работая с русскими коллегами в творческой бригаде на Череповецком металлургическом заводе, где открыл товарищам свою лабораторию, щедро поделился с ними, и сам многое от них получил. И не удивительно, что именно в Вологде выставка Греку прошла столь блистательно. В Вологде еще так недавно «высекал огонь из слова» Николай Рубцов, там живет Виктор Астафьев. Если помните, вологжанин Василий Белов начинает свои «Плотницкие рассказы» стихотворением в прозе о старом доме, и это почти полное совпадение с молдавскими «Домами моего детства».

Нет, говоря о «совпадении», я имею в виду не сходство сюжетов, но близость чувства художников, их вглядывание в жизнь неживого будто бы предмета, силу той «одушевленности любого созданья» и вечного полета смертной птицы, о которой вместе с Беловым пишет молдаванин Греку. Заметим также и близкий метод изображения: скупость палитры, крупные планы будто бы вовсе незначительных деталей, ощущение времени в вещи, сотворенной человеком...

Греку работал в Череповце на этих же основах, общих с Беловым и другими художниками, выбравшими поэзию в качестве метода творчества, независимо от приверженности к тому или другому жанру и виду искусства. Так и явились на свет его «Вагонетки», «Ковши для чугуна», «Молдавские цветы череповецким металлургам» — натюрморты-портреты в такой же мере, как «Дома моего детства» — пейзажи-портреты. Назовем холсты Греку сонетами человеческим творением и вряд ли ошибемся. Как в сонете, этой древней и всегда свежей стихотворческой форме, в его натюрмортах и пейзажах соединение чувств — радостных и печальных, счастливых и чуть усталых, а переданы они кистью: поиском фактуры холста, материальной определенностью, почти скульптурностью одних деталей рядом с акварельной расплывчатостью других. К череповецкой серии близки синий и черный букеты, написанные в Кишиневе, и два холста, объединенных общей темой: рубашки героев — залитая кровью рубашка Сальвадора Альенде и рубашка не вернувшегося с войны солдата, которую всякую неделю стирает его мать, чтобы сын надел ее свежей, если... придет домой. Последний сюжет взят из стихотворения прекрасного молдавского поэта Григоре Виеру. И у самого Греку есть стихи почти такого же сюжета о пареньке из села Кузьмино:

Ион Солтыс, мальчик
из Кузьмина,
грудью своей закрыл
огонь пулемета.

Ион Солтыс, мальчик
из Кузьмина,
был поэтом,
великим поэтом.
Только поэты могут
отождествляться
с искусством.
Мальчик из Кузьмина
написал
самое красивое
стихотворение
на свете...
...Иногда оно видится мне,
когда я мешаю краски
на палитре.

Этой весной Греку много раз возвращался мысленно к рубашке Солтыса, пока в конце концов не был преобразован старинный сюжет. На холсте — дождь, осенняя земля, серое, уходящее вдаль небо и тучи, соединившиеся в силуэт распростертой в воздухе рубашки с пустыми рукавами... Вот это в самом деле реквием: Родина горюет о герое...

Сотни полотен, малых и больших, стоят на антресолях кишиневской мастерской Греку на улице Димо. А если вспомнить, что произведения мастера живут в Третьяковской галерее, в Русском музее, в музеях Украины, Армении, Молдавии, множества городов России, а также за границей, — то становится очевидной исступленная страсть к творчеству, которой одержим художник. Так работает он всю жизнь и будет так работать, пока рука держит кисть...

Стоят на улице Димо и эти два холста, которыми хочу кончить свой рассказ о живописце Греку, — «Данте» и «Звонница в селении Пушкино». Такие далекие по стилю и теме и такие близкие по воплощенному чувству: память о великих. Бледная и темная бронза колоколов старинной Долны, названной ныне именем Пушкина, «мерно поет рус». Звук памяти «во дни торжеств и бед народных». Колокола под навесом в осенний вечер. Ритмы колеблемых сильным ветром колоколов создают ощущение сильного и негромкого звона, ритмы цвета, ритмы и рифмы движения. Цвет то сгущается, то легко растворяется в вечернем свете. Греку нашел какую-то особую плотность красочного слоя для передачи невидимого и невесомого: звука.

Холст с Данте — другой. Он напоминает след птичьего крыла на древнем камне и дымные серо-коричневые плиты Флоренции, обожженные веками. Словно рисунок на поблекшем и сжавшемся пергаменте окаменел, стал иной — вечной — материей. Профиль Данте. Кто только его не рисовал! Но поэзия не боится старых сюжетов. Данте — пилигрим, облик скитальца, легкий, почти молодой абрис, едва заметная розовость у шеи над облетевшим золоченым жабо — будто дыхание живого человека. А шляпа уже стала скульптурой, она объемна, это барельеф — на нем цветы от нас, читателей «Божественной комедии»...

Они стояли рядом у стены — колокола Пушкина и профиль Данте. И я представила их в экспозиции на новой выставке Михаила Греку, увидела их вместе — как эпиграф к сегодняшней живописи Греку. «Только поэты могут отождествляться с искусством».

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

СССР—ФРГ: ПЯТЬ ЛЕТ НА НОВОМУ ПУТИ

Профессор В. Д. ЕЖОВ

Есть межгосударственные акции, политическая значимость и практический эффект которых проявляются в исторически короткий временной период. К ним, безусловно, относится Договор между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германия, подписанный в Москве 12 августа 1970 года.

С момента заключения договора прошло пять лет. И ныне можно смело сказать, что он стал важным постоянно действующим фактором, оказывающим позитивное воздействие как на советско-западногерманские отношения, так и на общую атмосферу всего европейского континента.

Один из западногерманских политиков сказал недавно, что история отношений между СССР и ФРГ, собственно, и начинается с Московского договора. Разумеется, это не совсем точно. Но рациональное зерно в таком утверждении имеется. Советско - западногерманские отношения после договора были поставлены на принципиально новую основу.

Сделаем небольшой исторический экскурс. В сентябре 1955 года в Москву из Бонна прибыл для переговоров с Советским правительством канцлер К. Аденауэр. Политические наблюдатели строили всевозможные догадки о том, как пройдут эти в какой-то мере сенсационные для того времени переговоры, какое окажут они воздействие на двусторонние отношения и на положение дел в Европе.

Переговоры завершились достижением договоренности об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Прошло некоторое время, и стало ясно, что хотя это и явилось известным шагом вперед, но не привело к повороту в отношениях между СССР и ФРГ: обе стороны остались на противоположных полюсах в своем подходе к решению важнейших проблем.

Советская сторона осуществляла политику укрепления мира, достижения прочной безопасности в Европе, развития добрососедских, взаимовыгодных отношений со странами капиталистического мира на основе принципа мирного сосуществования. Эта политика строго учитывала реальное положение вещей, сложившееся в Европе после разгрома фашистской Германии: появление двух независимых друг от друга германских государств и самостоятельного образования — Западный Берлин, осуществление территориальных изменений, предусмотренных Потсдамским соглашением.

Западногерманская сторона, однако, не была готова ни к признанию и уважению политических и территориальных реальностей в Европе, ни к конструктивному диалогу. К. Аденауэр говорит в своих мемуарах: даже состав делегации на переговоры в Москву подбирался таким образом, чтобы «сразу же дать понять советской стороне, что мы не намереваемся принимать в Москве обязывающих решений...».

Во второй половине 50-х годов в Европе продолжала бушевать «холодная война». Одним из ее главных приверженцев оставалось правительство ФРГ, возглавлявшееся ХДС/ХСС. Именно оно требовало территориальных изменений в Европе, ревизии итогов победы над фашизмом, ликвидации социалистических преобразований в ГДР и ее последующего поглощения западногерманским государством. Не удивительно поэтому, что во внутриполитической жизни ФРГ преобладали мотивы антикоммунизма и антисоветизма.

● ОКОНЧАНИЕ НА 14-Я СТР.

СЕМЬ ДНЕЙ В АВГУСТЕ...

ОТ ФУЛТОНА ДО ХЕЛЬСИНКИ

ПОСЛЕ СОВЕЩАНИЯ

Сонный городок Фултон в штате Миссури (12 тысяч жителей) известен в округе своей психиатрической больницей. И когда, скажем, в соседнем Ганнибале о комнибудь говорят, что ему «пора в Фултон», то имеют в виду сумасшедший дом.

Но Фултон известен и не весь мир. Он попал в историю в 1946 году, когда в местном Вестминстерском колледже Уинстон Черчилль произнес свою печально знаменитую речь, которую многие историки расценили как формальное объявление «холодной войны».

Спортивный зал, где выступал британский экс-премьер, объявлен «национальным историческим памятником». А сам Черчилль так и остался в Фултоне — в бронзе и на пьедестале. Опираясь на трость, «старый английский бульдог», как его иногда называли даже те, кто ему симпатизировал, смотрит исподлобья не раскинувшиеся перед ним лужайки и здания колледжа, как бы стремясь уяснить для себя, следует ли нынешнее поколение его заветам.

По левую руку от Черчилля три года назад встала из руин церковь святой Марии. Ее перевезли пронумерованными кирпичиками из самого центра Лондона. В церковь, построенную еще в XII веке, в 1940 году угодила немецкая зажигательная бомба — остались одни стены. В Фултоне ей вернули первоначальный облик и тоже объявили национальным историческим памятником.

В пристройке к церкви, в подвале, имеющем самостоятельный вход, разместился так называемый мемориал. У входа в зал под стеклом приглашение, посланное Черчиллю тогдашним президентом колледжа. На приглашении — приписка президента Трумэна, обещавшего присутствовать и представить оратора аудитории.

Рядом — ответ Черчилля. Он благодарит за присланный ящик яблок и предупреждает, что ему потребуется время для подготовки речи.

В углу, отгороженном шнуром, — трибуна, с которой он вещал, кресло, в котором он восседал, стакан, из которого он отпивал воду. Повсюду портреты Черчилля, его бюсты, как будто он явился сюда сам себя послушать.

В своей речи Черчилль объявил, что коммунизм несет угрозу для «христианской цивилизации», и призвал западные страны к объединению на антикоммунистической основе, к крестовому походу против коммунистических «еретиков». Конечно, «холодная война» возникла бы и без Черчилля. Его друг Трумэн, считавший, что история возложила на Соединенные Штаты «бремя руководства миром», оправдывал курс на мировое господство, породивший эксцессы «холодной войны».

Дейл Пурсель, президент Вестминстерского колледжа, не любит вспоминать о тех временах. Он разъясняет, что Черчилль выступил в рамках ежегодных лекций «Фонда имени Джона Грина». Вдова этого адвоката решила увековечить память мужа и основала фонд. На деньги фонда в Фултон приглашаются именитые ораторы. Черчилль был седьмым по счету. Колледж доволен уже тем, что он выступил с речью. Тем самым колледжу и Фултону достался кусочек славы, выгодный с точки зрения туризма.

Пурсель предлагает сравнить пророчества Черчилля с речью прошлогоднего оратора, 32-го по счету, бывшего сенатора Уильяма Фулбрайта.

Тема та же: судьба западного мира, судьба той самой «христианской цивилизации». Но Фулбрайт не винит коммунизм во всех смертных грехах. Он подчеркивает, что «наши трудности — это прежде всего результат нашей неправильной политики на протяжении ряда лет и беспечной растраты наших ресурсов».

Губерт Хэмфри, будучи вице-президентом и выступая в Фултоне в 1967 году, все еще пользовался черчиллевским выражением «железный занавес». А у Фулбрайта уже не найти и слов «холодная война». Он пытается разобраться в причинах нынешнего кризиса, переживаемого Америкой, и не подменяет серьезный анализ антикоммунизмом.

Мир изменился. Крестовый поход Черчилля не состоялся. В Америке все больше людей приходит к признанию тщетности глобальных претензий и объективной неизбежности мирного сосуществования.

В Европе провозглашенный Черчиллем курс вел к военному противостоянию. Понадобились упорные усилия социалистической дипломатии, сдвиг в соотношении сил и перемена в международной атмосфере от напряженности к разрядке, чтобы наконец-то прийти к завершающему этапу Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне.

Американский историк Чарльз Ми, автор книги «Встречи в Потсдаме», рассказавший в ней о том, как Трумэн уже в Потсдаме взял жесткий курс по отношению к Советскому Союзу, в беседе со мной заявил:

— Надеюсь, что после Хельсинки будет навсегда покончено с «холодной войной». Судьба Европы была решена в 1945 году. Независимо от одобрения или неодобрения сложившейся политической карты, нужно признавать реальности мира, в котором мы живем. И нет никакого сомнения в том, что чем больше разногласий между странами будет разрешаться путем переговоров, тем лучше будет для всех. Тут очень важно наличие доброй воли...

Увы, не все в Америке прошли путь от Фултона до Хельсинки. Есть и такие, кто и вовсе не собирался и не собирается в дорогу, например сенаторы Бакли, Хелмс, Термонд, Кэртис. Последний расценил переговоры по безопасности и сотрудничеству в Европе как «попытку опутать Запад юридическими соглашениями до такой степени, что он уже не сможет свободно двигаться».

Сенатор Тафт изобразил своим коллегам. Он сказал, что ему, как и им, Советский Союз совершенно не нравится. «Но, думаю, — заявил сенатор Тафт, — нам должно быть приятно видеть этот новый шаг к улучшению отношений между Востоком и Западом и к укреплению взаимного доверия между государствами с различными социальными системами. Мы никогда не должны забывать, что целью подобных шагов является предотвращение войны — войны такого типа, которая может опустошить как Восток, так и Запад».

Успешное завершение главного этапа Совещания по безопасности и сотрудничеству, встречи государственных деятелей, которые имели место в Хельсинки, наконец, подписание Заключительного акта представителями государств-участников — все это означает новый крупный вклад в процесс разрядки. Мирное сосуществование и добрососедское сотрудничество европейских стран получили солидный фундамент. Европа подала пример другим континентам.

И это главное. Мир ушел вперед, оставив окопы «холодной войны» в тылу истории. Что же до приверженцев «холодной войны», то «не пора ли им в Фултон»?

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

ФУЛТОН—НЬЮ-ЙОРК

ПОРТУГАЛИЯ. Рабочие, солдаты, студенты и матросы демонстрируют свою решимость бороться за свободную, независимую республику.

Фото из газеты «Нойес Дойчланд» (ГДР)

ЗАЛЕЖАЛЫЙ ПУДИНГ «ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ»

«Чтобы оценить пудинг, надо съесть его» — эту известную английскую пословицу приводит на своих страницах консервативная «Дейли телеграф», рассуждая об итогах общеевропейского совещания. И если любой непредубежденный человек, следящий за международной политикой, справедливо полагает, что Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе — беспрецедентное историческое событие, имеющее громадное положительное значение для судеб Европы и всего мира, то «Дейли телеграф» упорно пытается уверить своих читателей в обратном. Для нее совещание в столице Финляндии, как, впрочем, и совместный советско-американский эксперимент в космосе, — всего лишь пропагандистский маневр, рассчитанный «на легковерных». А «Дейли телеграф» никак не хочет быть легковерной и убеждает других не поддаваться иллюзиям.

Ей больше по душе Венский конгресс 1815 года, с которым она настойчиво сравнивает прошедший форум в Хельсинки. Оказывается, все дело в том, что он (конгресс) производил «чарующее впечатление». Ведь тогда «трудились только министры иностранных дел, а императоры, принцы и их дамы тем временем танцевали и флиртовали». Из этого газета делает исключительно важный вывод: «В Вене 160 лет назад должно было быть куда веселее». Быть может, с мыслями о «порхающей Вене» и отправился корреспондент английской газеты в Хельсинки. Но в этом случае его действительно ждало разочарование. Ибо руководители 33 стран Европы, США и Канады собрались для наисерьезнейшего дела — превратить наш континент, прошлое которого и величественно и трагично одновременно, в лабораторию разрядки. А ностальгия по прошлому и экскурсы в историю, совершаемые «Дейли телеграф» — не будем легковерными по призыву газеты — не просто журналистский прием, а выражение тоски по тем временам, когда правители стран-победительниц могли спокойно диктовать свою волю побежденным народам и перекраивать карту Европы на свой лад, нисколько не заботясь о судьбах людей.

«Дейли телеграф», разумеется, не нравится, что общеевропейское совещание, созванное в результате инициативы социалистических стран, поддержанной странами Западной Европы, а также США и Канадой, подвело итоги второй мировой войны, подтвердило бесплодность и вредность политики с позиции силы. Редакторам газеты не по душе, что в результате совещания в выигрыше остались страны Востока и Запада, народы социалистических и капиталистических государств, все, кому дороги мир и безопасность на нашей планете.

Газета предпочитает «равновесие страха» тому, что генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм назвал «равновесием благоразумия».

Попробовав пудинг, испеченный в редакции «Дейли телеграф», убеждаешься: пудинг-то весьма залежалый.

Я. БОРОВОЙ

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

«ФОРМУЛЫ» МАО ДЛЯ АЗИИ

Хорошо известно, что Пекин до последней минуты не терял надежды на срыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Как подчеркнула на днях венгерская газета «Непсава», он «по самым различным дипломатическим каналам сделал все, чтобы попытаться в самый последний момент помешать проведению заключительного этапа совещания». Даже в день, когда руководители 35 стран уже приготовились поставить подписи под итоговым документом, «Жэньминь жибао» страстно призывала их спрятать свои авторучки в карманы: ведь десять принципов европейской хартии были, дескать, продиктованы Советским Союзом, который «господствует над всеми участниками совещания», «диктует» им свою волю и даже... осуществляет контроль над всеми странами и правительствами.

Увы, эти усилия Пекина, как с явным огорчением констатировала на днях радиостанция «Немецкая волна», пропали втуне. Потуги маоистской пропаганды раздуть до неимоверных размеров «опасность Европе со стороны СССР» привели лишь к тому, что этот мыльный пузырь лопнул. И агентство Синьхуа на второй же день после окончания совещания выступило с плачем над разбитыми надеждами. «Надвигаются темные тучи», — горестно восклицали пекинские провидцы. Будущее Европы и всего мира представилось им в самых черных красках.

Откуда такое чувство мрачной безысходности? Ответ можно найти в высказываниях ряда органов печати. Так, «Нойе цюрхер цайтунг» полагает: Пекин боится, как бы процесс, начавшийся в Европе, не «перекинулся» на Азию. О том же сообщало не так давно американское агентство ЮПИ, говорила радиостанция «Голос Америки». Японская газета «Майнити дейли ньюс», рассматривая в редакционной статье «вопрос о том, как разрядка в Европе отразится на событиях в Азии», пишет: «Китай опасается, что в результате этого совещания... отпадут заботы в Европе». Что же здесь плохо для Китая? А то плохо, отвечает уже другая японская газета, «Джапан таймс», что в Азии станут уделять «больше внимания... созданию системы коллективной безопасности». В страхе перед подобной перспективой Пекин старается уверить всех и вся, будто «формула безопасности, разработанная сейчас в Европе, неприменима в Азии». Там, по мнению маоистов, должны действовать другие формулы, начертанные Пекином.

Какие же? Монгольская газета «Унэн» напомнила на днях о заявлении Мао Цзэдуна в августе 1965 года: «Мы непременно должны держать в своих руках Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, а также Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур... Этот район богат природными ресурсами и стоит наших усилий». Газета подчеркнула, что за истекшие десять лет пекинские лидеры подтвердили свои намерения и «практическими делами», о чем свидетельствуют, в частности, вооруженные провокации против Советского Союза, Индии, Бирмы, враждебные действия промаоистов в ряде стран Азии, а также захват Парасельских островов.

Естественно, будущее, уготованное Мао Цзэ-дуном Азии, никак не совместимо с разрядкой напряженности, с принципом нерушимости границ, с системой коллективной безопасности. Успех общеевропейского совещания укрепил в азиатских странах надежды на возможность обеспечения безопасности. Поэтому маоистская пропаганда в последние дни развернула ожесточенные нападки на Заключительный акт общеевропейского совещания, утверждая, будто это лишь «пустые слова», которыми «не удастся обмануть людей».

Пустыми, хоть и злобными словами действительно не удастся обмануть людей, даже если они живут далеко от Европы. Пекин с каждым днем все сильнее ощущает это. И потому он так возмущается результатами, достигнутыми в Хельсинки, призывает, как об этом свидетельствуют заклинания «Жэньминь жибао», не допустить «проникновения в Юго-Восточную Азию... иллюзий разрядки и безопасности» и даже, по свидетельству иностранной печати, рассылает по дипломатическим каналам независимым странам Азии свои требования о борьбе с «ревизионистскими идеями».

Однако «китайская политика не приносит желаемых результатов, — подчеркивает польская «Трибуна люду». — Это является свидетельством ее глубокого противоречия с действительностью, с основными тенденциями, господствующими сегодня в мире».

Борис КРЫМОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

КОЕ-ЧТО О «ЧЕРНОЙ КАПЕЛЛЕ»

Правоэкстремистские движения используют французскую территорию в качестве базы для укрытия. Так, итальянской «Черной сети» удалось создать на Лазурном Берегу и в еще более широких масштабах в Марселе ряд тайников с оружием, подпольных мест встреч французских и итальянских агентов и т. д.

Впрочем, эта итальянская «Черная сеть» является лишь частью более широкой организации, протянувшей свои щупальца в Европу, — знаменитой «Черной капеллы», которая совсем недавно проиграла ряд битв. Дело в том, что «Черная капелла» обосновалась в Лиссабоне в центре исчезнувшего сегодня агентства «Интерпресс», которым руководили бывшие «пропавшие солдаты» из ОАС, головорезы французской армии; воевавшие в Алжире.

Падение режима Каэтану привело к исчезновению агентства «Интерпресс», руководители которого рассеялись кто куда. Некоторые устроились в своем испанском отделении в Аликанте, другие — в Париже или Дьепе. В ноябре прошлого года журналисту «Пари-матч» удалось взять интервью в богатой квартире в 8-м парижском округе у знаменитого «Ральфа», руководителя «Интерпресса», настоящее имя которого Ив Герэн-Серак, и он, в частности, заявил:

«Черная капелла»? Почему бы не быть одному антимарксистскому интернационалу?»

Как бы то ни было, итальянская «Черная капелла», судя по всему, действительно существует, поскольку в ее актив можно записать около 50 убитых и несколько сот раненых. Таков итог ряда довольно нашумевших операций: взрыв сельскохозяйственного банка в Милане на площади Фонтана 12 декабря 1969 года (16 убитых и около 100 раненых), нападение в Брешии 28 мая 1974 года (8 убитых), нападение на экспресс Рим—Мюнхен ночью 4 августа 1974 года со взрывом магнитной бомбы (12 убитых и 48 раненых) и т. д.

Поскольку Португалия отныне закрыта для так называемых «пацифашистов», а Греция без полковников стала не очень надежным местом для подготовки операций и для укрытий, в качестве надежных «посредников», видимо, остались лишь Западная Германия, Испания и Франция. Поэтому происходит своего рода распределение задач. К примеру, нападение на экспресс Рим—Мюнхен было подготовлено в Мюнхене. Джанфранко Бертоле, прежде чем бросить бомбу 17 мая 1973 года в миланскую толпу (1 убитый и 50 раненых), установил контакт со своими «работодателями» в Марселе.

Главари «Черной капеллы» стремятся обосноваться в Париже, чтобы передохнуть, согласовать свои действия с другими движениями и начать все заново. Так, Гуидо Джаннеттини, журналист и тайный агент, специалист по военным проблемам в газете «Секоло д'Италиа», органе правой партии Итальянское социальное движение, человек, хорошо знакомый с неофашистскими террористическими организациями, разыскиваемый итальянской полицией, надолго задержался в Париже, где было совсем нетрудно взять его...

С сокращениями из газеты «Орор» (ФРАНЦИЯ)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

«ТОЛСТЫХ НЕ ПРИНИМАТЬ!»

«Наши классы настолько переполнены, что толстых, занимающих много места детей мы вынуждены не принимать» — написано под наринатурой, которую мы перепечатываем из журнала «Штерн».

О катастрофическом положении в школах ФРГ все чаще сообщает западногерманская пресса. Число учеников в классах превышает все допустимые нормы — здесь, как говорится, яблоку упасть негде. Не лучше и постановка учебного дела. Из-за нехватки учителей в начальных и средних школах выпадает подчас до 22,7 процента уроков (в некоторых районах — свыше 37 процентов).

Быть может, в ФРГ, действительно, не хватает педагогических кадров и школьных зданий? Напротив, в новом учебном году намечено закрыть и слить еще целый ряд школ, освободив вполне пригодные для занятий помещения, а число не имеющих работы учителей составит скоро около 20 тысяч человек.

Объясняется такое парадоксальное положение строгим «режимом экономии» (сокращением ассигнований и штатов), проводимым министрами финансов западногерманских земель в системе начального и среднего образования. «Невероятно, что в нашей стране нет других возможностей оздоровить бюджет, как только за счет наших детей», — с возмущением замечает председатель одного из родительских комитетов, активно протестующих против подобной политики властей. О «настоящей катастрофе» в системе народного образования говорят и директора многих школ.

ПАНОПТИКУМ

ВПОЛНЕ СПОКОЙНЫЕ НАЦИСТЫ

«Тридцать лет спустя после падения третьего рейха бывший секретарь Геббельса по вопросам печати Вильфрид фон Оаен продолжает отстаивать свои нацистские идеалы», — так пишет парижская газета «Монд» о нынешней деятельности ближайшего помощника министра пропаганды гитлеровской Германии.

После второй мировой войны фон Оаен, так же как сотни тысяч гитлеровцев, нашел приют в Аргентине. Многие из них, как, например, генерал «люфтваффе» Адольф Галланд, уже вернулись в ФРГ. Но фон Оаен предпочел остаться. Пропаганда нацизма по-прежнему главное дело его жизни.

На шестом этаже одного из домов, расположенных в самом центре Буэнос-Айреса, разместилась редакция журнала «Плата руфа». Фон Оаен — редактор этого издания, выходящего на немецком языке тиражом 3000 экземпляров. «Ностальгия по третьему рейху, националистические идеи, антикоммунистическая пропаганда» — основное направление журнала, пишет «Монд».

Фон Оаен и не скрывает своей верности нацистским идеалам. «Некоторые великие теории национал-социализма, — заявляет он, — не устарели... И первым это доказал Израиль, применив в жизни гитлеровский лозунг «Блут унд боден» (кровь и земля)». Фон Оаен убежден, что Гитлер был прав во всем, за исключением, пожалуй, «еврейского вопроса», который он «должен был бы решить иначе». Что же касается кровавых злодеяний фашизма, концентрационных лагерей и газовых камер, то фон Оаен, хотя и воевавший в действующей армии, в частности на русском фронте, судить о них не берется. Он, оказывается, «ничего не знал о них... Геббельс не рассказывал ему об этом»...

Сегодня, как и тридцать лет назад, подобным «неведением» пытаются оправдать злодеяния фашизма бывшие его пропагандисты.

В. ЖУКОВА

ТЕЛЕКС

ЧАСТНЫЕ ФИРМЫ И ПОЛИТИКА

В прошлом году частные компании в Англии предоставили на политические цели по меньшей мере 1,5 миллиона фунтов стерлингов, из них почти 800 000 пошли консервативной партии.

Об этом сообщило рабочее научно-исследовательское бюро на основе официальных сведений 413 крупных компаний.

Наибольшую поддержку оказывал консервативной партии лондонский Сити, где 81 банк, финансовые фирмы, страховые и инвестиционные компании предоставили на эти цели 451 315 фунтов стерлингов. Самые большие вклады поступили от строительной фирмы «Ньюартхилл», «Рэнк организейшн» и металлургической фирмы «Гест Кин энд Нетлфолдз».

ТАСС

«БЛАГОРОДНЫЕ ДИКАРИ»

На острове Минданао (Филиппинский архипелаг), в 800 километрах от Манилы, было обнаружено первобытное племя тасадай. 26 мужчин, женщин и детей жили здесь в условиях каменного века — ютились в пещерах, питались корнями растений, не знали ни охоты, ни земледелия, не имели никаких контактов в внешним миром. Это, по мнению ученых, — «важнейшее антропологическое открытка нашего века, если на нескольких веков». Вот почему вышедшая недавно в Нью-Йорке книга «Мягкосердечный тасадай» американского журналиста Джона Нэнса, прожившего среди тасадай около двух с половиной месяцев, была встречена с большим интересом. Нэнс дает любопытные сведения о жизни и быте этих «благородных дикарей», дружелюбие и доброта которых представляются цивилизованным людям совершенно «непостижимыми».

Тасадай отличались удивительной кротостью и доброжелательностью. Таких слов, как «борьба», «война», «враг» или «убийство», в их языке вообще не существовало. До того, как их снабдили ножами и стрелами, научили ставить ловушки, они были вегетарианцами и, несмотря на малокалорийную пищу, не знали почти никаких болезней.

Внезапное приобщение к цивилизации поставило перед тасадай ряд проблем. Они страдают от любопытства репортеров, фотографов, ученых. Они стали лучше питаться, есть мясо, по это, по их словам, «отягощает наши тела, отягощает наши ноги, и нам скоро трудно будет бегать по лесам...»

«Шпигель» (ФРГ)

СВОЙ СВОЯКА...

В Западной Германии образован «комитет солидарности» с фашистской хунтой в Чили. Его основателем является «общество по изучению государственно-политической работы с общественностью», возглавляемое бывшим депутатом бундестага от ХДС Мисбахом и его соратником Грау. Последний известен тем, что вел в свое время секретные переговоры о представителями НДП о сотрудничества между ХДС и этой неонацистской партией.

ТАСС

ЭКСПЕРИМЕНТ!

Как правильно поставить здание в городе — эту задачу решают и в лаборатории светотехники.

Мощное исследовательское «оружие» — лазер собирается руками инженеров.

Здесь испытывается высоковольтная аппаратура.

Фото А. ХРУПОВА

ОТ ИДЕИ ДО МАШИНЫ

Хорошо известно: каждый рубль, вложенный в науку, приносит ныне большую прибыль, чем вложения в другие отрасли народного хозяйства. Однако, разумеется, экономическая эффективность научной работы зависит от многих условий, прежде всего от того, насколько совершенна ее организация, насколько высока производительность труда ученых.

Обмен мнениями на страницах «Литературной газеты» в ходе дискуссии «От идеи до машины» выявил самые различные взгляды на то, как лучше связать передовые научные работы с решением насущных задач народного хозяйства.

Сегодня свою точку зрения, во многом спорную, высказывает доктор физико-математических наук, профессор А. Китайгородский.

Александр КИТАЙГОРОДСКИЙ

ЕСЛИ БЫ ФАРАДЕЙ РАБОТАЛ В НИИ...

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

В наше время быстрый научно-технический прогресс приводит к тому, что между наукой и ее организацией нередко возникают ножницы. Разумеется, удивляться такому положению дела не приходится — надо лишь своевременно подлаживать форму к содержанию.

Сегодня я хочу обратить внимание на проблему соотношения так называемых прикладных и фундаментальных наук. Начать с того, что сами термины не кажутся мне удачными. Поскольку два прилагательных — «фундаментальные» и «прикладные» — фигурируют рядышком, то многие читатели могут решить в соответствии с простыми правилами грамматики: что фундаментальное, то не прикладное, а что прикладное, то не фундаментальное. А вот это-то и глубоко неверно. Кажется, ясно: фундаментальный — это основной, важный, главный, значительный. Но что может быть более важным для человечества, чем та наука, которая несет практическую пользу? Однако именно такие науки и называют сейчас прикладными...

Как же получилось, что, вместо того чтобы писать «фундаментальные, то есть прикладные исследования», мы пишем и говорим «фундаментальные и прикладные»? Причина этого недоразумения заключается в том, что под прикладной наукой зачастую имеют в виду вовсе не научное исследование, а внедрение в практику того или иного открытия или усовершенствование технологического процесса.

Я предложил бы понимать выражение «прикладная наука» более широко. Чтобы науку назвать прикладной, требуется лишь одно: у нее должна быть практическая цель (разумеется, при этом она должна оставаться наукой, а не превращаться в инженерную деятельность). Возьмем, к примеру, проблему номер один в физике — проблему «термояда», то есть поиск путей извлечения неограниченных запасов энергии, выделяющихся при слиянии атомных ядер. Для достижения этой цели приходится залезать в дебри теории, разрабатывать методы расчета магнитных полей, ставить различного рода эксперименты для изучения свойств плазменного состояния вещества... Любой исследователь в этой области знает, что он вносит какой-то, хотя бы очень малый, вклад в решение важнейшей практической задачи. Это и есть настоящая прикладная наука. К ней при таком подходе можно было бы смело отнести исследования в области сверхпроводимости, лазерного излучения, молекулярной генетики...

Но что же тогда оставляет автор этой статьи на долю фундаментальных наук? Прежде всего мне кажется гораздо более подходящим термин, который для этих исследований используют англичане. Вместо привившихся у нас слов «фундаментальная наука» по-английски говорят — «чистая». Чистая... К этой категории относятся исследования, относительно цели которых научный деятель не может ответить ничего толкового. Он занят работой просто потому, что ему это интересно. Он делает удовлетворить свою любознательность... «За счет государства», как не без ехидства добавил один очень умный и большой советский физик.

Так, может быть, закрыть такие науки? В конце концов с какой стати общество должно оплачивать желания любознательного человека? Оглядываясь на историю, приходишь к выводу, что нет, напротив, надо поощрять истинно любознательных. Какое множество примеров торжества чистой любознательности видим мы в прошлом! Фарадей не преследовал никаких практических целей, а открыл принцип, лежащий в основе всей электротехники. Резерфорду даже в голову не приходило, что из атомного ядра удастся извлечь энергию. А Рентген... Ведь он вовсе случайно открыл лучи, без которых нельзя мыслить современные технику и медицину.

Но проблема все-таки остается. В свое время деятелей науки было раз-два — и обчелся. Научная работа стоила дешево. Но времена переменились. Ныне научных работников — миллионы. Процент Фарадеев среди них не очень-то высок. Да и научные приборы куда как подорожали...

Проблема есть, и ее надо решать. Конечно, закрывать фундаментальные (в смысле «чистые», диктуемые одной лишь любознательностью) исследования никто не собирается. Необходимо другое — организовать научную деятельность так, чтобы эта работа всегда велась лишь способными, увлеченными до самоотверженности людьми.

Что касается наук прикладных (в широком, правильном понимании этого слова), надо сделать так, чтобы заниматься ими тоже было интересно и заманчиво.

* * *

В настоящее время существуют три типа научных учреждений:

1. Институты, занимающиеся «основами» науки. Они носят названия институтов физики, химии, биологии, геологии...

2. Проблемные институты, изучающие явления, которые могут представить практический интерес, и решающие жизненно важные задачи.

3. Лаборатории при кафедрах вузов.

Заглянем в эти храмы науки.

«ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ» ИНСТИТУТ

Подавляющее большинство «фундаментальных» институтов выросло из больших лабораторий, которые были организованы «для» того или иного крупного ученого. Лет двадцать тому назад я был свидетелем, как Петр Леонидович Капица показывал письмо с адресом «Советский Союз. Институт Капицы — Ландау». Адрес был вполне точным, ибо в то время в Институте физических проблем все эксперименты ставились по идеям Капицы, а все теоретические работы были развитием мыслей Ландау.

Однако время шло, и большие лаборатории начали «размываться». Выросла молодежь. Часть молодых людей преданно продолжала дело своих учителей. Другие, напротив, «вышли из повиновения» и начали трудиться самостоятельно.

Процесс отпочкования шел непрерывно, и через некоторый, не очень большой срок — лет этак тридцать — «фундаментальный» институт превращался в собрание научных коллективов, связанных лишь общей крышей, общими стеклодувными мастерскими, конструкторским бюро и прочими вспомогательными службами.

— Ну и что же здесь плохого? — спросит читатель. — Вы же сказали, что где-то надо заниматься чистой наукой. Пусть и занимаются ею в «фундаментальных» институтах.

Есть такое слово — «управление». Вот с ним-то, как мне кажется, и не все ладно в разросшихся объединениях лабораторий, именуемых теперь «фундаментальными» институтами.

Один из наиболее ответственных моментов управления — распределение средств на научные исследования. Как оно происходит? По-разному. Представим себе несколько теоретически мыслимых вариантов.

ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ, ИДЕАЛЬНЫЙ, НО, УВЫ, НЕВОЗМОЖНЫЙ

В этой и последующих сценах действие происходит в кабинете директора института.

ЗАМ. ДИРЕКТОРА. Нам отпущено на этот год пятьсот тысяч по статье сто семьдесят восьмой. Как распределим?

ДИРЕКТОР (задумчиво). Я полагаю, что сто сорок тысяч — Петрякову. Талантливый малый, и работы перспективные. Сто шестьдесят тысяч — Румянцеву. Превосходные работы. Лабораториям моего отдела — Иванову, Петрову, Сидорову и Николаеву — по 45 тысяч. Подождем годик, посмотрим, что они выдадут новенького.

ЗАМ. ДИРЕКТОРА. А вашей лаборатории?

ДИРЕКТОР. Ну, сколько там останется... Двадцать тысяч... Я думаю, достаточно. Не перебегать же мне дорогу молодежи.

ВАРИАНТ ВТОРОЙ, ВОЗМОЖНЫЙ, НО...

ЗАМ. ДИРЕКТОРА. Проблемные советы и промышленные предприятия спустили нам по статье сто семьдесят восьмой пятьсот тысяч. Из них Петрякову выделили сто девяносто тысяч, Румянцеву — сто десять тысяч...

ДИРЕКТОР (раздраженно). Одного я не понимаю: зачем здесь мы с вами? Уйду я, ей-богу. Так и квалификацию потерять недолго.

ВАРИАНТ ТРЕТИЙ, ПРОСТО ВОЗМОЖНЫЙ

ЗАМ. ДИРЕКТОРА. Нам отпущено... и т. д.

ДИРЕКТОР (уверенно). Четыреста пятьдесят тысяч — Иванову, Петрову, Сидорову, Николаеву и моей лаборатории. Между лабораториями своего отдела я сам распределю деньги. Петрякову и Румянцеву — поровну, что осталось.

ВАРИАНТ ЧЕТВЕРТЫЙ, ТОЖЕ РЕАЛЬНЫЙ

ЗАМ. ДИРЕКТОРА. Нам отпущено... и т. д.

ДИРЕКТОР (зевая). Да уж вы там, голубчики, сами... Всем поровну... Пропорционально числу научных работников и лабораторий...

Итак, четыре варианта. Первый вариант невозможен не потому, что автор статьи мрачно смотрит на природу человеческую. Даже при самом горячем желании директор гигантского «фундаментального» института не способен ныне оценить относительное значение деятельности отдельных лабораторий. Ничего не поделаешь: выросла наука.

Вариант второй вполне возможен. Но только директор такого учреждения — не директор, а институт — не институт. Овощи и вода еще не суп. Объединение независимых коллективов научных работников, которые финансируются независимо друг от друга, можно назвать исследовательским центром (во многих странах такие центры существуют). Но не институтом.

Что касается двух последних вариантов, то оба они вредны, ибо при таких способах распределения средств «фундаментальным» институтам грозит опасность однобокого развития и в конце концов — окаменения.

Короче говоря, особенность современной науки состоит в том, что руководить в полном смысле этого слова (то есть давать указания, как поступать, исправлять ошибки и проч.) можно лишь небольшим коллективом научных работников, состоящим самое большее из пятнадцати — двадцати человек. Основным научным подразделением является лаборатория. Институт в целом стал трудно управляемым.

Куда же тогда с чистой наукой? Можно, конечно, организовать исследовательские центры, но еще лучше (по причинам, о которых — ниже) передать ее в высшие учебные заведения, прежде всего — в университеты.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА

На одном из ящиков моего письменного стола наклейка — «Тезисы конференций». Вытаскиваю наудачу две книжицы. Тезисы общеамериканской конференции, на которой я присутствовал в прошлом году, и тезисы нашей общесоюзной конференции, которая проходила два года назад. Тематика обеих конференций близка. Обе посвящены «чистой» науке. На американской конференции было представлено 193 доклада. 115 научных работ из 193 было выполнено в университетах. На нашей конференции участники выслушали 282 научных сообщения, из них от университетов исходило 56 докладов.

Разница внушительна и, я думаю, типична. В США наука без видимой практической цели обретается в основном в университетах. Чувствует она себя там неплохо. Правда, университетские научные работники зарабатывают несколько меньше, чем специалисты такой же квалификации, работающие в промышленности или в правительственных учреждениях, однако это не означает, что в промышленность идут все самые способные. Работа в фирме более ответственна. К человеку там относятся требовательнее. И, разумеется, он не свободен в выборе тематики. Обычно в «прикладной» институт идут работать люди более цепкие, более предприимчивые, но, как бы это сказать, несколько менее любознательные, что ли. Работая в университете, теряешь материально, но зато получаешь возможность заниматься тем, чем хочешь, не приходится думать о практической значимости исследований.

К этому следует добавить одну важную деталь. В зарубежных университетах учебная нагрузка существенно ниже, чем у нас. В особенности это касается сотрудников профилирующих, специальных кафедр.

У нас дело обстоит иначе. Если руководитель специальной кафедры энергичен, то ему удается организовать проблемную лабораторию или, по крайней мере, «выбить» места для сотрудников, освобожденных от педагогической работы. Если же нет, ничего такого не случается. Сейчас сотрудник вуза может запросто обходиться без научной деятельности. Студенты им довольны, троек немного, ну, и все в порядке.

Мне представлялось бы более разумным уменьшение объема учебной нагрузки, но зато резкое увеличение требований, предъявляемых к сотруднику университета как научному работнику. Он должен знать, что мнение о нем как о хорошем работнике и темп его карьеры определяются не только педагогическим талантом, но и научными трудами.

На этом месте меня перебьет внимательный читатель моих прошлых статей. Позвольте, скажет он, раньше вы как будто утверждали обратное — что от хорошего педагога не надо требовать научной работы. Да, утверждал, но при этом имел в виду другое. В высших учебных заведениях можно провести достаточно четкую демаркационную линию между кафедрами общими и кафедрами профилирующими. Кафедра, которая выпускает специалистов, обязана вести научную работу, и педагогические таланты ее сотрудников имеют второстепенное значение. А вот с кафедрами общими — математики, физики, общей химии — дело обстоит иначе. Педагогический талант здесь крайне важен, а что касается научной работы, в отношении ее можно быть либеральным: хотите ведите, хотите нет.

Итак, не стоит ли резко увеличить ассигнования на занятия «чистой» наукой в университетах и других вузах за счет сокращения подобных исследований в «фундаментальных» институтах?

Но почему же автору статьи кажется, что именно университет — наиболее подходящее место для научных исследований? По трем причинам. Во-первых, сотрудник университета, даже если он занимается практически бесполезным делом, повышает свою квалификацию и поэтому становится лучшим педагогом; во-вторых, зарплату-то он получает в любом случае не зря, а за обучение молодежи; и, наконец, в третьих, в университетах автоматически обеспечивается независимость научных лабораторий: человек, возглавляющий университет как администратор, то есть ректор, не является одновременно научным руководителем университетских лабораторий.

Думаю, что не случайно практически во всех странах мира цитаделью чистой науки стал университет.

О ЦЕЛЯХ НАУКИ

Мало кто сомневается теперь в том, что в основе существования совершенного общества должны лежать труд и творчество. И — это имеет непосредственное отношение к теме нашей статьи — на наших глазах меняется отношение к науке. Оно становится более прагматичным, более рациональным. Об этом свидетельствуют многие выступления в дискуссии «От идеи до машины».

Я не думаю, что в основе такой перемены околонаучного климата лежит некоторое разочарование в науке вообще. По моему, дело не в этом. Просто у естествоиспытателей появилась уверенность в том, что они достаточно хорошо разобрались в законах устройства мира атомов, существующих при земных температурах и давлениях, а потому их задача сейчас — практическое использование этих знаний. Что же касается дальнейшего раскрытия тайн природы, то это дело надо предоставить относительно немногим научным содружествам — астрофизикам, физикам, выясняющим справедливость или ложность теории кварков, теоретикам, изучающим законы гравитации, и т. д.

Силы основной массы естествоиспытателей должны быть брошены на решение таких проблем, как строительство больших и малых городов, охрана биосферы от всякого рода загрязнений, создание быстрого, бесшумного и не портящего природу транспорта. Важнейшими задачами являются поиск новых удобных источников энергии, синтез пищи, познание физиологии человека на молекулярном уровне, поиск новых действенных лекарственных средств, создание «индивидуальной» медицины (предполагающей знание генетической карты каждой персоны). Большого внимания заслуживают проблема разумного и этически допустимого регулирования народонаселения, проблема передачи информации и ее хранения, а также проблема очищения ноосферы (попросту говоря, борьба с засорением мозгов информационным шумом и ложными сигналами)... Задачам нет числа. Все они увлекательны требуют, чтобы ими занимались миллионы способных и талантливых людей, все они, несомненно, фундаментальны, то есть крайне важны для общества, и, конечно, их стоит отнести к прикладным наукам в правильном, широком смысле этого слова.

Для того чтобы осуществить всю эту грандиозную программу научно-технического прогресса, без сомнения, потребуются организационные перестройки в науке. Процесс этот уже начался, он будет идти долгие годы, но стоило бы ускорить его — ускорить приведение формы в соответствие с новым содержанием. Не претендуя на исчерпывающее и всестороннее рассмотрение этой проблемы, я и хочу высказать свою точку зрения, какие меры тут были бы необходимы.

«ПРИКЛАДНОЙ» ИНСТИТУТ

После этого «лирического отступления», касающегося целей науки, вернемся к основной теме статьи. Один из главных ее тезисов таков: институты физики, химии, биологии, как мне представляется, доживают свой век; они должны уступить место проблемным научным учреждениям, решающим крупные народнохозяйственные задачи; в таких институтах деятельность всех лабораторий должна быть подчинена одной цели.

Но такие институты есть, скажет читатель. Безусловно, некоторые академические институты, хотя и носят общие, ничего не говорящие названия, по сути дела, являются проблемными. Но их мало. Большинство прикладных НИИ принадлежит министерствам. Ведомственное подчинение крупных прикладных научных учреждений является большой помехой. Допустим, речь идет о контроле качества металлических изделий. Почти любое министерство озабочено этой проблемой, и каждое из них сочтет возможным организовать если не институт, то лабораторию, которая будет разрабатывать методы контроля — с помощью рентгеновского просвечивания, магнитных полей, ультразвука... Но если такой институт находится в подчинении Министерства путей сообщения, то сотрудникам института предложат сосредоточить свое внимание на рельсах, а если институт принадлежит мясо-молочной промышленности — то на консервных банках. Я несколько утрирую, но не сомневаюсь в том, что главная моя мысль понятна: нужен проблемный институт, который занимался бы методами контроля качества металлических изделий, пригодными для любой отрасли промышленности. В этом учреждении должны работать и теоретики метода, и конструкторы новых приборов, и технологи, которые при необходимости могут применить идеи, родившиеся в их институте, для любого предприятия. Впрочем, наряду с таким фундаментально-прикладным институтом могли бы существовать небольшие дочерние лаборатории, уже совсем тесно связанные с заводами. Одно другому не противоречит.

Ненужное дублирование работы, распыление средств и сил — большой недостаток. Но есть непорядок, который мне кажется еще более значительным. Сейчас способный юноша или девушка нередко всеми силами стремятся попасть в академический институт, независимо от призвания. Жить там куда как вольготнее — ничего не стоит получить разрешение отлучиться на несколько часов, взять библиотечный день, поехать на научную конференцию. Сделать диссертацию несравненно проще, чем в «прикладном» институте...

Надо оттянуть талантливых людей в «прикладные» институты. Как? Первая «приманка» — это возможность большего размаха работы: предоставление больших средств, более богатой аппаратуры. Пожалуй, это условие, хотя бы частично, у нас выполняется. Вторая «приманка» — возможность заниматься широкими научными задачами, в том числе и рискованными. Боюсь, что такое право предоставляется мало кому. Обычно «текучка заедает». Наконец, работа в «прикладных» институтах должна быть материально более выгодной, чем занятие «чистой» наукой.

Не менее важна и психологическая сторона дела. Сейчас деление наук на фундаментальные и прикладные содержит в себе что-то обидное... для «прикладника». Работать в академическом институте вроде бы почетнее. «Чистая» наука — занятие как будто более благородное, чем использование науки на пользу дела. Увы, это довольно въедливый предрассудок.

Ситуация изменится коренным образом, когда все академические институты превратятся в научные учреждения, решающие важные народнохозяйственные задачи, а не так называемые «общие проблемы» естествознания.

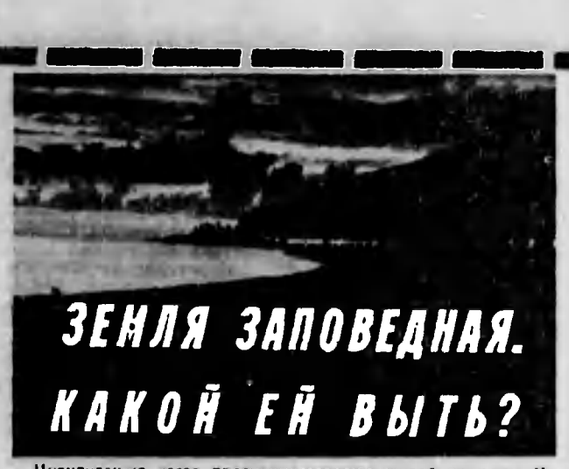
Автор статьи не отмахивается от «общих проблем», не предлагает их закрыть (я вынужден подчеркнуть это еще раз, предупреждая упрек в близорукости). Однако, как уже говорилось, автор считает, что их надо отдать университетам.

С ЧЕГО НАЧАТЬ

...Не спеша (а то и дров наломать можно) я стал бы переориентировать институты, занимающиеся так называемыми «общими проблемами» науки, с тем чтобы в конце концов они превратились в «проблемные» научные учреждения, призванные решать в самом широком плане важные народнохозяйственные задачи.

В капиталистических странах прикладными науками занимаются исследовательские центры фирм. Конкуренция приводит к ненужному дублированию работ. В условиях капиталистической системы это неизбежно. В социалистических странах можно и должно сосредоточить работу по важнейшим прикладным проблемам в одних руках — в руках академий наук: союзной и республиканских. Это потребует длительной организационной перестройки, но не связано с расходованием дополнительных средств — нужно лишь переложить деньги из одного кармана в другой.

Разделение научных работников на два потока, один из которых направляется в университеты, а другой — в проблемные институты, должно происходить само собой, в соответствии с различиями в психологии и характере будущих деятелей науки. Те, кто предпочитает работу более целенаправленную, более ответственную, кто хочет видеть плоды своих размышлений воплощенными в практические деяния, пойдут в проблемные институты. Что касается тех, кто предпочитает более спокойную, кабинетную работу, для которых главный стимул в научной деятельности — удовлетворение любознательности, они пойдут на кафедры университетов...



ЗЕМЛЯ ЗАПОВЕДНАЯ. КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?

Цивилизацию часто противопоставляют живой природе. Но последнее десятилетие со всей очевидностью показало, что сохраненная и облагороженная человеком природа — необходимое условие развития цивилизации. Как же достичь равновесия между ними!

Один из путей решения проблемы — создание особо охраняемых территорий. Формы их могут и должны быть различными: природные (национальные) парки, научные резерваты, где сберегается и изучается генетический фонд растительного и животного мира, пригородные лесопарковые зоны отдыха и др. Строгое разграничение функций заповедных земель сейчас особенно необходимо, так как на практике их задачи часто смешиваются, что нередко наносит ущерб делу. Об этом «ЛГ» писала в ряде номеров под общей рубрикой «Земля заповедная. Какой ей быть!» (см. «ЛГ» от 30 октября 1974 года, от 29 января и 26 февраля 1975 года). Продолжаем публикацию материалов на эту тему.

С места события

ПОСЛЕ ПОЖАРА

Н НОВИКОВ

I

Дым над Ялтой заметили многие: у дежурного пожарной команды поминутно раздавались звонки: «Горит горный лес!». Отвечали: «Спасибо, уже принимаем меры». К очагу пожара, оскальзываясь на осыпях, добирались пастухи и пожарники. Несколько часов спора с огнем, и к вечеру дым исчез.

Беда стряслась ночью. Она обрушилась штормовым ветром, загрохотала по ущелью. То лето выдалось в Крыму особенно сухим и жарким, ежедневные «плюс тридцать в тени» выжали из земли всю влагу. Шторм сразу отыскал на пожарища недогашенные головешки, тлеющие корни, раздул огонек, пламя, стену огня.

Произошло это в конце июля 1971 года. Я в то время жил в Ялте. Едва ли можно забыть апокалипсическую картину гибели леса, так хорошо видимую ночью из города: черный частокол стволов на алом мятущемся фоне, гигантские — при порывах ветра — всплески пламени, глухо доносящийся сверху грозный рев.

Город двинул против огня отряды. К понедельнику большая поляна невдалеке от горящего леса напоминала военный лагерь: уходили и приходили группы добровольцев, сгрудились пыльные грузовики, автобусы с номерами всех крымских городов, тарахтели милицейские мотоциклы, дымили походные кухни. Нашли способ, как подать воду: автоцистерны одна за другой шли из города на Ай-Петри, по плоскогорью Яйлы до места над пожаром, и уже оттуда, срастив брезентовые шланги, протянули к огню километровую «кишку». На пляжах по-прежнему загорали, а наверху шла тяжелая и опасная работа.

Пожар погасили, настало время принимать меры. Собственно, это был уже второй подряд крупный пожар в южнобережном лесу — за год до того выгорела еще большее лесная площадь над Алупкой. Но тот — «периферийный» — остался без последствий, а после этого всякое посещение леса на Южном берегу Крыма было категорически запрещено.

Надо было спасти уникальный ареал крымской сосны, бесценные горные леса, создающие вместе с морем целебный климат побережья, оберегающие почву от эрозии, задерживающие в ней влагу. В августе 1971 года неприступный забор отделил человека от природы.

II

Недавно мне довелось облететь не крымский лес с патрульного вертолета. Вот и пожарища, угрюмая серая плешь, голые скалы. Сейчас, как объяснил мне летчик-наблюдатель Петр Михайлович Джур, здесь уже растут саженцы сосен и кедров, лиственные породы. Конечно, тонкие прутики с вертолета не видны. Не через пятьдесят лет...

...Джур передал мне наушники, и я услышал близкие голоса. «Костер-2», «Костер-2», я — «Костер», как слышите меня?..» «Костер», я — «Костер-2», слышу вас хорошо». «Костры» — лесники с портативными рациями, посты, лесничества, машины, пожарно-химические станции. А мы на вертолете — «борт». Эфир на отведенном диапазоне УКВ живет наблюдением за безопасностью леса. Нет, лес уже не беззащитен!

Уже на земле, в конторе заповедника, мне показали акты — печальную летопись столкновений лесников и общественных инспекторов с нарушителями. Кого только среди них нет! Папку завели с момента принятия запрета. Читаешь объяснительные записки, и вот среди довольно однообразных оправданий («не знал», «не видел», «не предупредили»...) неожиданно звучат нотки протеста.

Один задержанный автолюбитель, например, и рад бы, дескать, остановиться в благоустроенном кемпинге, заплатив сколько следует, — так ведь негде! Автостоянок мало, они неудобны, а летом к тому же переполнены. К берегу нигде не подступишься — всюду вывешены «кирпичи». Съехал на лесную дорогу, попытался устроиться на ночлег и тут же нарвался на штраф.

Другой считает глубоко несправедливым и даже оскорбительным, что его, с детства любящего лес и бережно к нему относящегося, заведомо подозревают в нанесении вреда. Не штрафа жалко — не так уж велик урон! Удар пришелся по куда более чувствительному месту, чем карман: словно бы наказали за добрые чувства к природе...

Можно и посочувствовать людям, но лучше оставим эмоции и познакомимся со статистикой.

Что дал запрет? Избавил ли он леса от пожаров? Нет, не избавил, хотя и немного уменьшил их число: в 1970 году случилось 25 пожаров, а в 1974 году — 19. Но вот что характерно — площади леса, пострадавшего от огня, резко сократились: с 50 гектаров в 1971 году до 4,35 гектара в 1974 году — этого уже добились благодаря усиленным противопожарным средствам.

Сторонники запрета получили известное подтверждение своей правоты. И они полагают, что этот глухой запрет должен остаться впредь на добрые полстолетия. Однако один из старейших работников заповедника мне сказал:

— По-моему, наглухо закрывать лес не следует. Общение с природой человеку необходимо. Но оно должно контролироваться.

III

Теперь, зная доводы сторонников запрета, выслушаем и другую сторону.

Многие тысячи людей сегодня лишены облагораживающей радости общения с горным лесом, с его захватывающей дух красотой. Горный туризм здесь имеет по меньшей мере столетнюю традицию — об оздоровительной пользе прогулок в крымских горных лесах писал еще знаменитый клиницист, профессор С. П. Боткин. Его последователи — врачи южнобережного курорта — могли бы подтвердить это громадным списком больных, которым такой вид лечения серьезно помог. Лес закрыт, и ныне даже туристы трех крымских «плановых» пеших маршрутов во главе с инструкторами шагают не по живописной и благоустроенной недавно специально для этого Тарахташской тропе, а по старому шоссе с напряженным двусторонним движением. До Ай-Петри шли по тенистым лесным тропам, дышали кислородом. Но вот миновали невидимую границу и оказались в канцерогенном царстве асфальта, бензина, грохочущих моторов.

От многих экскурсионных маршрутов вообще пришлось отказаться.

А ведь сегодня достигнутый уровень охраны леса, думается, уже позволяет выйти из пассивной позиции, называемой в боксе «глухой защитой», и обеспечить контролируемое общение людей с природой. Существует много испытанных способов сделать этот контроль надежным. Группа с хорошо подготовленным экскурсоводом, идущая по строго определенному маршруту. Время начала и конца пути отмечено в путевом листе. Никаких костров, конечно. Привал с перекуром в специально оборудованном месте. Экскурсовод расскажет туристам не только о богатствах природы, но и о прошлых бедах, покажет следы этих бед, вызванных нашим небрежением.

Когда-то, в двадцатых годах, крымские курорты служили для «мужиков-санаторников» своеобразной начальной школой культуры. Их внуков — кстати, по большей части горожан — не надо приучать к зубному порошку, но несколько просветить по части практических основ экологии, наверное, не мешало бы. Глядишь, горнолесная экскурсия, кроме оздоровительного и познавательного, приобретет еще и воспитательный характер: лучше один раз увидеть...

Конечно, «открывать двери» леса следует далеко не везде — большей его части надо еще долго «отдыхать» от человека, от былой, ничем не ограниченной «нагрузки на ландшафт», как называют это специалисты. Но там, где двери откроются, поток туристов и экскурсантов может обеспечить соответствующий приток средств. Пусть деньги пойдут на нужды горного леса, на благоустройство троп. Заодно не мешало бы направить в то же русло и штрафы. Странно, что это еще не сделано.

— Запрет, — говорил мне председатель областного Совета по туризму и экскурсиям М. В. Ревкин, — способен воздействовать на дисциплинированного человека. Но ведь дисциплинированный человек и окурка не бросит, и костра не разожжет...

Любопытно, вернувшись к статистике, проследить зависимость количества нарушений от информированности населения о запрете. Такое сопоставление дает странный результат: тиражи листовок с текстом запрещения посещать лес возросли в несколько раз (от 50 тысяч до 250 тысяч), а кривая нарушений осталась на том же уровне. Увы, авторитет запрета за эти годы не возрос, как того ожидали...

Итак, есть две точки зрения в споре. Но, оказывается, сам спор-то уже предрешен...

IV

Дело в том, что в 1973 году Министерство лесного хозяйства приняло положение о Ялтинском горно-лесном заповеднике. Среди перечисленных там основных задач, поставленных перед работниками заповедника, есть и такая: «Упорядочение посещения лесных насаждений отдыхающими и местным населением, организация и контроль за прохождением туристских маршрутов».

Да, спор предрешен в пользу контролируемого общения с природой. Можно было бы на этом поставить точку, если бы не одно деликатное обстоятельство. Его в беседе со мной директор заповедника Виталий Кириллович Колежук выразил так:

— В сущности, леса переведены на заповедный режим, исключающий всякое посещение!

Что ж, можно и так истолковать этот документ. Ведь даже в словаре понятие «заповедный» означает «запретный, неприкосновенный». Да и закрывать всегда почему-то легче, чем открывать, а запрещать сподручнее, чем разрешать. Причем решительность и непримиримость запретительных формулировок создают впечатление, что дело сделано наилучшим образом. Но в действительности проблема так и осталась проблемой.

Итак, все-таки запрет... Но тогда как же быть с «контролируемым посещением»? Тут надо внести ясность.

Контролируемое посещение присуще не заповеднику, а иной форме охраны природы: национальному или природному парку. Необходимость таких парков давно доказана, но практически для их создания делается пока немного. Вот и остается южнобережный горный лес в двусмысленном положении — то ли заповедный, то ли «парковый»...

Интервью «ЛГ»

ПАРАДОКС ДЛИНОЙ В СТО ЛЕТ

Мы воспользовались визитом в Советский Союз научного руководителя Службы национальных парков США Т. Судия, чтобы задать ему несколько вопросов на тему «Земля заповедная. Какой ей быть?»

«ЛГ». Господин Судия, в 1972 году Америка отмечала 100-летие Йеллоустонского национального парка. Очевидно, накоплен большой опыт по организации таких парков, который мог бы представить интерес и для нашей страны. Не поделились бы вы своими размышлениями по этому поводу?

Т. СУДИЯ. В первоначальном акте, изданном в 1872 году, Йеллоустонский парк описывается прежде всего как территория для развлечения и отдыха. Но там одновременно говорилось о том, что парк должен быть сохранен в естественном виде. С этого момента в американской системе национальных парков возник явный парадокс: нужно было предоставить людям возможность наслаждаться природой и одновременно охранять ее от людей.

«ЛГ». Выдержал ли этот парадокс испытание временем?

Т. СУДИЯ. Большинство национальных парков имеет очень большие территории, а сфера обслуживания посетителей занимает незначительные площади. Это в известной мере решает проблему. Но некоторые парки все-таки чрезмерно перегружены.

Заботу об отдыхе и туризме берут на себя многие организации. Инженерный корпус, который входит в состав армии США и который несет ответственность за все реки страны и береговые полосы, одновременно владеет средствами рекреации — организует отдых людей, строит кемпинги и т. д. То же делает Служба национальных лесов.

Поэтому если говорить о землях общегосударственного значения, то нужно отметить, что мы придерживаемся концепции «многостороннего использования» — хозяйственное освоение природных ресурсов идет параллельно с рекреацией.

«ЛГ». А если земля частная?

Т. СУДИЯ. Тогда возникает нелегкая проблема.

Мы были в Домбае. Это место очень похоже на Солнечную долину в США. Но Солнечная долина — частное владение, да и большинство крупных горнолыжных трасс в США принадлежит частным предприятиям. Поэтому проблема управления землями становится центральной, ведь две трети всех земель США находятся в частном владении.

Тем не менее огромные площади принадлежат государству. Наша Служба национальных парков, в частности, управляет 14—15 миллионами гектаров земель.

Определенные конфликты возникают в том случае, если на территории национального парка кто-то владеет правом на добычу полезных ископаемых, как это произошло в парке Маунт Маккинли, где существует частная шахта. Мы стремимся устранить этот конфликт, для этого требуется принятие специального закона. Но в целом, уже так сложилось, что древесина в национальных парках не заготавливается, лишь в некоторых ведется разведка полезных ископаемых.

«ЛГ». С каждым годом растет туризм. Испытывают ли американские парки давление со стороны туристов? Что делается, чтобы отрегулировать поток людей?

Т. СУДИЯ. Сейчас США покрыты сетью скоростных автомагистралей. Это привело к необычайной мобильности людей. Мы стремимся ввести посещение парков в какое-то управляемое русло, заранее планировать число посетителей. Это похоже на то, как вы резервируете место в гостиницах. В некоторых национальных парках мы уже это вводим.

«ЛГ». Посетитель, приехав в национальный парк, может беспрепятственно разъезжать по нему, пользуясь внутренней, парковой сетью дорог?

Т. СУДИЯ. Да, но это еще не вызывает опасений. Трудности возникают тогда, когда посетитель хочет остаться на ночлег. Именно в этом случае и требуется планирование.

Большинство приезжающих отказываются от отелей, кемпингов и хотят разбить свой лагерь. Администрация вынуждена запрещать жечь костры, рубить деревья.

«ЛГ». Как организовано обслуживание в национальных парках?

Т. СУДИЯ. Парк разбивается на зоны. Первый класс — зоны повышенной плотности. Второй класс — площади для разбивки лагеря. Третий — территории с естественной средой, но ничем не примечательной. Четвертый — выдающиеся природные объекты, с которыми знакомится человек. Пятый — уголки нетронутой природы, там нет дорог. Шестой — исторические объекты. Оказывается, что большинство людей скапливается все-таки в зоне второго класса. А это очень небольшой процент всей территории.

Отели — одно-, двухэтажные, их сравнительно немного, преимущество отдаем кемпингам.

«ЛГ». Некоторые национальные парки Америки расположены близко от городов, в трех-четырех часах езды. Не губительно ли для парка соседство города?

Т. СУДИЯ. Национальные парки испытывают большую нагрузку от дальних туристов, нежели от лиц, приехавших из соседнего города, хотя приток последних и больше.

Национальный парк Эверглэйдз расположен неподалеку от Майами. Вы садитесь в машину — и через 40 минут уж в парке. А вечером возвращаетесь к себе домой. Но если люди приехали издалека, им нужно полноценное обслуживание: магазины, кемпинги, бензоколонки и т. д. Особую проблему создает ночлег.

Может быть, вам интересно узнать, что в США сейчас получает распространение то, что вы называете «дача». Город оказывает все большее давление на окружающие районы, люди скупают у фермеров участки и строят летние коттеджи — очень сильная тенденция, которая оказывает на сельскую местность гораздо более мощное влияние, чем любые другие формы наступления города. Как следствие — лес начинает завоевывать земледельческие районы США.

«ЛГ». Как принимается решение о создании национального парка?

Т. СУДИЯ. Большинство национальных парков создавалось и создается законами, утверждаемыми конгрессом. Кроме того, президент может принять решение по своему усмотрению.

Очень растет давление на службу национальных парков с тем, чтобы она стала основной организацией страны, ведающей рекреацией. Мы же предпочли бы, чтобы администрация штата больше занималась вопросами отдыха, туризма.

Мы пытаемся расширить систему парков. Конгресс иногда может принять закон о создании национального парка в местах, которые не исследовались нами, и мы вынуждены согласиться с законом. Но предпочитаем, чтобы парки создавались в тех местах, которые считаем уникальными по своим природным особенностям, подобно паркам Секвойя, Грейт Смоки Маунтинз, Эверглэйдз.

Недавно был принят законопроект о создании национального парка в Техасе — «Биг Сикетъ». Сикет — это густой лес, заросли. Раньше значительная часть Техаса была покрыта таким лесом, густым и влажным. Часть леса была вырублена, оставшиеся являются уникальными. На 80 тысячах акров мы решили организовать национальный парк, что даст представление о том, какие раньше здесь были леса, об их флоре и фауне.

До сих пор нет парков в прериях: очень дороги сельскохозяйственные земли. Но нам хотелось иметь в прериях национальный парк, восстановить там естественную, экологическую обстановку.

Цены на землю резко возрастают — стоит только владельцам узнать, что их территория должна стать национальным парком. Поэтому мы не публикуем рекомендаций наших экспертов, а только — результаты их исследований.

Вообще стоит назвать некое-либо место национальным парком, популярность его мгновенно возрастает. Пока Капитол Риф в центре штата Юта именовался памятником природы, он был почти в забвении. Стоило расширить его границы и назвать национальным парком, посещаемость его резко возросла. Психологию людей необходимо учитывать при организации парка.

«ЛГ». Каковы функции Службы национальных парков?

Т. СУДИЯ. Большинство сотрудников организуют прием посетителей в парках. Значительное число специалистов занято вопросами развития парков. Есть и категория работников, которая прежде всего исследует проблемы сохранения и развития природных ресурсов. Проблема номер один, как я уже говорил, — обслуживание посетителей. Эта забота даже несколько отодвинула на второй план сохранение природных ресурсов. Иногда она приобретает несколько неожиданный характер, приходится думать о безопасности людей.

Не так давно в Йеллоустонском национальном парке возник... конфликт с медведями гризли. Дело в том, что мусорные ящики там оказались легкодоступными для медведей. Звери занялись воровством и перешли исключительно на питание отбросами. Разлакомившись, они стали залезать в палатки к туристам, погибли люди.

Да, много хлопот доставляют прием посетителей, организация их отдыха. Недавно один из администраторов Йеллоустонского парка сказал мне при встрече: «Мы уже не занимаемся управлением медведями, мы занимаемся управлением людьми».

Научных работников в самой Службе национальных парков сравнительно немного—около 80 человек. Обычно мы заключаем контракты с университетами, расположенными вблизи национальных парков, на проведение для нас исследований, так что в целом в парках на нас работают более тысячи человек. Иногда они ведут исследования на средства университетов, общественных организаций, различных фондов и т. п. Наша научная программа не так сильно развита, как хотелось бы, но и в дальнейшем мы намерены ориентироваться прежде всего не привлечение по контрактам специалистов из университетов при небольшом собственном штате научных работников.

«ЛГ». Ваши впечатления от посещения советских заповедников?

Т. СУДИЯ. Я побывал в Тебердинском и Кавказском заповедниках. Меня поразила та преданность делу, с которой работают ваши специалисты. Видимо, они получили хорошую профессиональную подготовку. И, конечно, обе стороны — ваша и наша — выигрывают от взаимного сотрудничества.

Интервью провел
М. ПОДГОРОДНИКОВ

Николай ПОЧИВАЛИН

Заметки писателя

ПОЕЗДКА ЗА ГОРОД

ТОВАРИЩ купил «Жигули», с трудом дождался, когда кончится зима, и теперь переживал свой медовый автомесяц. Высокий, носатый, чернобровый, с пышной, почти сплошь седой шевелюрой — словно кто окунул ее в снег и забыл встряхнуть,— он с порога нетерпеливо объявил:

— Едем смотреть весну. Все, быстро, быстро!..

Было начало мая — лучшая пора года, когда все первозданно свежо и ярко. Разматывалась серо-фиолетовая под ласковыми предзакатными лучами асфальтовая лента трассы: к самым кромкам ее, обтекая кюветы, прибивали изумрудные волны травы; по обе стороны зеленели молодой листвой ольха, осины и березы, нечасто, как белые вспышки, мелькающие меж темных стволов, выкинули наконец еще слабый, с желтинкой лист старканы-дубы, и в похолодавший было воздух тотчас хлынули животворные потоки тепла. Хороши окрестности нашей Пензы: едва отбегут назад окраинные, с вишневыми и яблоневыми садами дома, и сразу, на много километров тянутся пригородные рощи, полные птичьих голосов, с извилистыми рукавами и тихими заводями старицы Суры,— не только красота извечная, но и могучие фильтры природы...

Павел Иванович, так звали товарища, поставил машину на обочине дороги. Пока он, священнодействуя, смахивал тряпочкой с ее вишневой поверхности несуществующую пыль, запирал и постукивал ботинком по скатам, я уж был в роще. По двум недавно срубленным, сырым, прогибающимся под ногами осинкам миновал звонкий узкий ручей, который и перешагнуть можно,— бытует у нас, к сожалению, эта беспечная торопливость: чуть что, и вали с маху, не куплено!.. Я брел, срывая листья, растирая их в пальцах и втягивая ноздрями то пресный запах осинового, то горьковатый — березового, то влажный и сладкий — еще не зацветшей медуницы. В прогалах между деревьями голубело высокое вешнее небо; лопотала на своем младенческом языке листва; звонко трещали синицы, взлетая и подныривая под ветви; чувствуя, как нисходит на тебя ощущение покоя, умиротворения, я заулыбался. Прочитал недавно статью — совет о саморегулировании нервной системы: статья умная, полезная, но автору следовало бы пополнить ее еще одним способом саморегуляции — вот этим, древнейшим и безотказным!..

И вдруг энергично идущий во мне процесс отлаживания нервной системы прервался.

На обширной поляне, устланной нежнейшим зеленым ковром, нелепо чернели островерхие кучи мусора — так ссыпают самосвалы. Трава вокруг была придавлена, прямо к трассе вела узорная, уже накатанная шинами колея. От неожиданности чуть не ступив в ближнюю, под дубом, кучу, я остановился; современное дополнение в пейзажу в первую секунду вызвало даже не досаду, она пришла потом, а какое-то ощущение нечистоплотности, почти гадливости — как если бы посадил на белоснежную рубашку сальное грязное пятно.

— Вот ведь, разгильдяи чертовы! — ругнулся подоспевший и вставший рядом Павел Иванович.— Не могли три лишних километра проехать до свалки!

Действительно, до специально оборудованной за городом на открытом месте и постоянно дымящейся свалки недалеко, дорога к ней асфальтирована, так нет же, устроили филиал свалки и тут! В чудесном уголке, куда по субботам и воскресеньям горожане приезжают и приходят отдыхать в любую пору. Зимой, когда сахарные, не запорошенные фабричной копотью снега здесь исполосованы лыжней; летом — вытягиваясь цепочкой по узким тенистым тропкам, ведущим к старице, в которую еще не сливают никакой дряни; осенью, наконец, под спорыми дождиками, собирая грибы, которых, почему-то, правда, становится все меньше... Куча, у которой в выразительном молчании мы стояли, появлением своим была обязана шоферу швейной фабрики. Разноцветные обрезки тканей, осколки пуговиц, целые вороха мятых, забракованных, вероятно, бумажных бирок, что прикрепляются к готовым изделиям. Большинство других куч было явно строительного происхождения: поломанная дранка, битое стекло, куски штукатурки и обрывки обоев; посреди этого развала, как злот, высилась глыба намертво схваченного цемента — какая-то бригада на какой-то стройке сротозейничала, водитель избавился от нее, где поближе...

Что-то в настроении нашем невозместимо убыло: перебрасываясь пустыми, ничего не значащими фразами, мы отвернули от поляны, чтобы и не видеть ее больше,— не лучшая, пассивная позиция, но что же еще оставалось делать? Поймать бы в поличном одного такого механизированного осквернителя, хотя бы номер машины записать!.. Если рекомендованное ученым саморегулирование и продолжало работать, то в обратном порядка — било по нервам досадой, обидой, тягостным недоумением. Ну как же так? Ведь они, побывавшие тут шоферы,— люди как люди и, наверное, неплохие, работяги. Как все, любят своих детей, дарят женам по праздникам цветы, заботливо, возможно, ухаживают на своих дачах за каждой яблонькой. И как могут они же, вылетев за город, украдкой, воровато сваливать мусор — гадить там, куда усталые люди приходят, как на свидание?

— К сосенкам сходим? — коротко предложил Павел Иванович.

— Пошли...

До сосновых посадок было рукой подать. Места тут низменные, пойменные, поросшие дубом — пореже и сплошь — черполесьем; молодой соснячок, я которому мы направились, — это давний эксперимент какого-то энтузиаста из лесничества, и хотя на удачно выбранном, несколько возвышенном участке сосны прижились, опыт на том и кончился. Четкий, как солдатское построение, их темно-зеленый квадрат возникал на повороте всегда неожиданно, радовал глаз. И удивительно, что какие нибудь две-три сотни юных сосенок создавали свой микроклимат, свою фауну: в медовый настой разнотравья внятно входил густой смолистый дух, мгновенно наполняя легкие целебной свежестью; на свой, строговатый манер была убрана в ровных рядах и земля — пружинящим под ногой серо-зеленым настилом хвои. Из-под него, как и в настоящем бору, не однажды уже проклевывались обрызганные росой и облепленные иголками крохотные сливочные маслята.

Ошеломленные, мы разом остановились, словно очутились на краю пропасти.

Сосенок не было.

На образовавшейся плешине жалко — как зубья отслужившей расчески — торчали золотистые с прозеленью колья; иные из них были аккуратно срезаны пилой, другие наискось срублены топором, третьи, надломленные и выкрученные, белели мелкой, словно раздробленной костью, щепой. Как ураган пронесся — все исковеркав и раскидав! Сиротливо оставшиеся после этого рукотворного бурелома три-четыре сосенки с тонкими искривленными стволами уцелели только потому, что кому-то статью не угодили.

— Все на новогодние елки перевели, — Павел Иванович горестно покачал седой головой. — Как же — опаски нет, охраны никакой. Душонки рублевые!

По профессии столяр-краснодеревщик, знающий цену любому дереву, он поднял сосновую ветку, подержал ее в своих крупных мастеровитых руках — будто прикидывая, куда ее можно употребить, пристроить, — и бережно положил снова. Срубленных веток, сучков валялось множество, но исходящий от них слабый запах теперь воспринимался по-другому — так скорбно пахнут сосновые лапы, положенные на последнюю домовину человека.

Ну что же можно тут поделать, как остановить это бедствие? Ловить виновных? Рубить руки, как когда-то, говорят, безжалостно отрубали их у воров в соседних странах? Водить связанных по улицам — под градом плевков и тычков, как в старину водили у нас на Руси конокрадов?.. Мы горячо радуемся, что наконец с размахом, по-государственному решается комплекс вопросов по охране природы Байкала, что так же решается проблема защиты Балхаша; верим, что опять, как прежде, будет чистой наша песенная Волга, что рано или поздно на всех заводских трубах, сколько бы их сейчас ни дымило, будут установлены дымо- и газоуловители, — страна расходует на эти цели миллиарды рублей, и мы не жалеем их. Но природа — это не только Байкал, Волга и Беловежская пуща,— она, кроме них, и тысячи малых, подчас безымянных речек, без которых нет и не станет полноводных красавиц; и одно, неделимое на районы и области небо над нами; и скромные, наподобие нашей, пригородные рощи. Государство не может, не в силах следить за каждым деревом, если за ним не будет следить каждый из нас. Нельзя всю нашу огромную и прекрасную землю объявить заповедной — любой из нас должен объявить такой заповедник в душе своей! Только так, ибо при всех других условиях внукам и правнукам своим мы оставим, говоря обобщенно, одни пеньки.

...Не сговариваясь, напрямую вышли к трассе. Поджидая, пока Павел Иванович откроет дверцы машины, я закурил: со сложным чувством — прощаясь, за что-то винясь и на что-то надеясь — посмотрел на рощу. Привычно прикрыв следы, оставленные существами разумными, она дышала покоем, и над ее зеленой чащобой, обещая назавтра погожий день, разливался чистый малиновый закат...

«Жигуленок» резво взял с места; мелькнул и отскочил назад на тонких железных ходулях внушительный транспарант: «Берегите лес — своего друга».

ПЕНЗА

комментарий к статистике

О КАЖДОМ ИЗ НАС И ОБО ВСЕХ ВМЕСТЕ

Издательство «Статистика» выпустило подготовленный Центральным статистическим управлением СССР сборник «Население СССР. 1973».

Сегодня мы печатаем первую статью, комментирующую новые статистические сведения

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ

У ДЕМОГРАФОВ радость: издательство «Статистика» выпустило подготовленный Центральным статистическим управлением сборник «Население СССР. 1973». Теперь под одной обложкой собрано множество важных — не только для демографа — сведений, ранее частично публиковавшихся в «Вестнике статистики», общих статистических справочниках, семитомных «Итогах Всесоюзной переписи 1970 года». Это первый за послевоенные годы сборник такого рода.

Здесь мы рассмотрим лишь важнейшие демографические данные, добавив некоторые сведения из других публикаций.

НОВАЯ ВОЛНА

К началу нынешнего года население СССР достигло 253 миллионов 261 тысячи человек. 1974 год существенно отличался от предыдущих ростом числа рождений и естественного прироста. Если в 1973 году родилось 4,4 миллиона детей, то в 1974-м — 4,6 миллиона. По сравнению с 1969 годом — годом самых низких после войны демографических данных — число рождений поднялось примерно на полмиллиона.

Рост числа рождений означает и формирование новой демографической волны. Все послевоенные годы число новорожденных постоянно увеличивалось до 1960 года, когда оно достигло 5 миллионов 341 тысячи; затем семь лет шло снижение. В 1967 году родилось всего 4 миллиона 93 тысячи детей. Склон волны был очень крутым: число рождений ежегодно падало в среднем на 178 тысяч. Новый восходящий склон не столь крут: ежегодно в среднем за пять лет прибавлялось около ста тысяч рождений.

Откуда такая разница?

С 1960 года стало гораздо меньше женщин в тех возрастах, когда рожают больше всего: от 20 до 30 лет; это были молодые мамы военного поколения. К тому же многие стали ограничиваться одним ребенком; чистая рождаемость (число родов у каждой тысячи женщин) снизилась.

Теперь женщин от двадцати до тридцати становится все больше, но стремление к малодетности усилилось, поэтому новая волна не столь высока, как предыдущая.

Число рождений, по прогнозам демографов, будет увеличиваться еще примерно пять лет. Если эти прогнозы оправдаются, в 1980 году родится более пяти миллионов младенцев. С начала 80-х годов молодых матерей (а потому и детей) вновь станет меньше, если, конечно, не увеличатся семьи. Образуется новый нисходящий склон волны. Волна может повториться через два десятилетия еще раз.

Такие волны — явление нежелательное и с демографической точки зрения (они вызывают трудности в создании семей, имеют другие нежелательные следствия), и с экономической, и с социальной.

Для экономики страны особенно важно, что в 80-е годы резко сократится прирост трудовых ресурсов. В рабочий возраст начнут входить те, кто родился в малодетные годы, а выходить из него будет многолюдное поколение рождения 20-х годов. «Вход» придется на демографическую ложбину, а «выход» — на гребень одной из довоенных демографических волн.

В настоящее время мы имеем поистине замечательное экономико-демографическое положение — с точки зрения интересов ближайшей пятилетки. Прирост трудовых ресурсов громаден. Но потом дело резко изменится. За последние 30 лет нашего столетия население в «возрасте занятости» значительно вырастет, однако на вторую половину этого периода придется в семь раз меньший прирост, чем на первую. И с этим ничего нельзя поделать: те, кто достигнет двадцатилетия до 1995 года, уже родились. Теперь, по существу, надо заботиться о трудовой ситуации начала будущего века.

В последние годы у нас активно обсуждаются проблемы демографической политики. Думаю, что она должна быть направлена и на погашение демографических волн. Хорошо бы, когда формирующаяся сейчас волна достигнет вершины, не допустить нового спада числа рождений.

ДЕТИ И РОДИТЕЛИ

Ну, а как происходит замещение родительского поколения детским? Данные, приведенные в сборнике, показывают: если повозрастные коэффициенты рождаемости и смертности будут впредь такими, как, скажем, в 1972—1973 годах, то на смену 1000 женщин в материнском возрасте придет 1128 их дочерей. Другими словами, численность населения за поколение увеличится примерно на 13 процентов. «Длина» поколения — это примерно 28 лет.

В последние годы произошло «омоложение» матерей. Детей теперь рожают в среднем несколько раньше: в младших возрастах рождаемость повысилась, в старших снизилась.

Женщины раньше начинают рожать и раньше кончают. В 1965 году первые дети составили 34 процента новорожденных, а в 1973 году уже 44 процента. Зато доля третьих детей уменьшилась с 14 до 10, четвертых — с 9 до 5 процентов. Доля шестых—двенадцатых детей тоже увеличилась, но куда меньше, чем доля первых. В сборнике объединены пятые и последующие дети. Их доля уменьшилась с 16 до 13 процентов. Правда, эти изменения частично вызваны резким увеличением числа рождений в послевоенные годы, отчего впоследствии заметно выросла доля молодых матерей. Однако куда важнее то, что продолжается и усиливается уже знакомый нам процесс: большинство ограничивается одним-двумя детьми. Однодетная семья характерна для жителей крупнейших городов, особенно для интеллигенции. Появляется на свет первый ребенок, и вероятность последующих рождений быстро падает.

Сборник показывает, что изменение числа рождений шло параллельно изменению числа браков, то есть вновь созданных семей. Если в этом году увеличивается число браков, то в следующем — число рождений. И наоборот. Связь тут очень тесная.

В последнее время число браков растет. Но растет и число разводов. Приведем их соотношение за несколько лет:

Годы	Браки	Разводы	На 1000 браков разводов
	тысяч		
1960	[illegible]	[illegible]	[illegible]
1965	[illegible]	[illegible]	[illegible]
1970	[illegible]	[illegible]	[illegible]
1973	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Чем больше разводов, тем меньше детей. И наоборот: чем меньше детей, тем больше разводов. Приведу для примера лишь две полярные по демографическим показателям республики. В Таджикистане в 1973 году было 123 развода на 1000 браков и 36 рождений на 1000 жителей. В Латвии на 1000 браков пришелся 491 развод и на 1000 жителей родилось 14 детей.

К сожалению, данные справочника о разводах наименее удовлетворительны. Фактически это не статистика разводов, а статистика получения справок о разводе. Справку же берут лишь тогда, когда она необходима (вступление в новый брак, жилищные дела). За справку взимают 50 рублей. Между разводом и получением справки могут пройти годы. По опубликованным в сборнике данным получается, что разводятся главным образом те, кто состоял в браке более пяти лет. Специальные исследования разводов дают совсем иную картину: около одной трети их падает на семьи, существовавшие менее года, и примерно столько же — на семьи, существовавшие от года до пяти лет. Развод — проблема молодых семей. Я сказал бы — молодежная, однако многие молодожены совсем немолоды.

Правда, в последние годы молодожены помолодели. В 1965 году средний возраст вступавших в первый брак был равен: у мужчин—26,6 года, у женщин — 24,9 года. В 1973 году средний возраст первобрачных был: у жениха — 24,4 года, у невесты —22,6 года.

К сожалению, составители сборника не объясняют причины этого явления, хотя две из них очевидны: теперь из армии возвращаются не в 22 года, как прежде, а в 20 лет — раз, увеличение численности молодежи брачного возраста — два. Когда в брачный возраст вступит малочисленная молодежь 60-х годов рождения, брак опять «постареет».

ОТ ЛАТВИИ ДО ТАДЖИКИСТАНА

До сих пор у нас речь шла о стране в целом. Очень интересны и региональные данные, представленные в сборнике.

На 1000 чел. населения:

	родилось	умерло	естественный прирост
Таджикистан	35.6	7.2	28.4
Псковская обл.	11.8	13.9	—2.1

Не надо думать, что смертность в центральных областях страны выше, чем в Средней Азии. Просто здесь совсем иная возрастная структура населения — много стариков и мало молодежи. По той же причине здесь так низка рождаемость. Это следствие миграции населения, большого оттока молодежи этих областей в другие части страны.

Рождаемость главная, но лишь одна сторона воспроизводства.

Вторая сторона — смертность. Громадное снижение повозрастной смертности в советское время суммируется в резком увеличении средней продолжительности жизни. Еще в 1926—1927 годах (менее полустолетия назад!) средняя продолжительность жизни составляла всего 44 года. При том уровне смертности и нынешней рождаемости воспроизводство населения страны было бы суженным. Однако уже к середине 60-х годов продолжительность жизни у нас поднялась до 70 лет. Это очень большое достижение и нашей медицины, и общества в целом.

Многие думают, что увеличение продолжительности жизни — причина старения населения. Это ошибка. Рост продолжительности шел до сих пор главным образом за счет того, что резко снизилась детская смертность. Еще в 1940 году на первом году жизни в СССР умерло 182 из тысячи новорожденных. В последние годы на первом году умирает около двадцати пяти не тысячу. Снижение смертности ведет к увеличению доли младших возрастов, омоложению населения. Достигшие пяти лет теперь живут на десять лет дольше, чем в середине 20-х годов, достигшие двадцати — на семь лет, сорока — на пять, шестидесяти — на три года.

Однако если до 60-х годов смертность снижалась во всех возрастах, то в последнее время лишь до тридцати лет, а в старших, особенно после сорока, — возрастает. Эти изменения взаимно компенсируют друг друга, и средняя продолжительность жизни в последнее время не меняется: достигнув в середине 60-х годов 70 лет, она продолжает оставаться на том же уровне. Для населения в целом. Однако у мужчин она несколько сократилась: по приведенным в сборнике данным, с 66 лет в 1965—1966 годах до 64 в 1971—1972 годах.

Женщины живут в среднем на десять лет больше мужчин, причем перед войной разница составляла шесть лет, в конце 50-х годов — восемь. Такой громадной разницы, как в СССР, нет нигде в мире (в ГДР — 4 года, Венгрии — шесть, Швеции — пять, Польше и Чехословакии — семь). От 20 до 50 лет повозрастные коэффициенты смертности у женщин в СССР в три раза меньше, чем у мужчин. Например, на 1000 женщин в возрасте от 35 до 40 лет за год приходится 1,8 смертных случая, а на 1000 мужчин того же возраста — 5,4.

Одна из главных причин более высокой смертности мужчин — злоупотребление алкоголем. Несчастные случаи (на дорогах, на производстве, в быту), доля которых среди всех причин гибели молодых значительна, часто происходят в состоянии опьянения. Более успешная борьба с пьянством, как того требует постановление правительства, принятое три года назад, — реальный резерв дальнейшего повышения продолжительности жизни.

Воспроизводство населения тесно связано с его миграцией. Если средняя продолжительность жизни в городе и селе почти одинакова (в городе смертность ниже в молодых возрастах, а в селе — в старших), то рождаемость в городе примерно в полтора раза ниже, чем в селе. Быстрая урбанизация населения, рост доли горожан, не только относительное, но в последнее время и абсолютное уменьшение сельского населения действуют в сторону снижения показателей воспроизводства населения страны в целом.

ДОМА И ЛЮДИ

Навои — новый город в пустыне Кызылкум

Фото А. ТЕРЕХОВА

РЕПОРТАЖ ИЗ ЗАГСА

СЛИШКОМ МНОГО СВАДЕБ?..

Рафаэль МУСТАФИН

ВОСЕМЬ часов утра. Дворец бракосочетаний в Набережных Челнах. Знакомлюсь с заведующей загсом Софьей Исаковной Файзуллиной. Она молода, обаятельна. Окончила художественно-графическое отделение Педагогического института. Преподавала в школе рисование и черчение. Когда три года назад городской загс переселяли из тесной комнатки в новое, просторное помещение, ей поручили возглавить отдел. Она отказывалась — дескать, у нее есть своя специальность, свое любимое дело. При чем тут загс? Но ее убеждали снова и снова. И она неожиданно для себя согласилась.

— Не раскаиваетесь?

— Нет, — не задумываясь, отвечает Софья Исаковна. — И хлопот много. И зарплата не ахти какая. А все равно нравится. Не поверите — вот уже три года я регистрирую браки и каждый раз волнуюсь так, будто сама выхожу замуж.

— И много свадеб?

— Ужас! — смеется она. — Помнится, в 1971 году, еще до моего прихода сюда, торжественно чествовали тысячную после начала строительства пару молодоженов. Об этом тогда во всех газетах писали. А сейчас у нас ежегодно справляется по две с половиной тысячи свадеб. В 1974 году, например, заключено 2569 браков.

— Говорят, что на КамАЗе девушкам легче выйти замуж.

— Наверное, слухи эти в какой-то мере соответствуют действительности. Только к чему приводит такая легкость? — грустно улыбается Софья Исаковна.

Но факт остается фактом: по числу свадеб на каждую тысячу жителей Набережные Челны, наверное, удерживают первое место. Сюда едут молодые специалисты со всех концов страны, демобилизованные солдаты, выпускники профессионально-технических училищ. Одно время на КамАЗе было больше мужчин. Сейчас соотношение несколько выравнивается. Сама психологическая атмосфера молодежного города, где одних общежитий около полутора сотен, способствует этому общению.

БЕЗ СТУКА распахивается дверь, и в кабинет буквально врывается парс. Он в застиранном намазовской спецовке, перехваченной широким монтажным поясом, и кепке. Она в расклешенных брюках и гипюровой кофточке, на голове — замысловатый шиньон. Чувствуется, что она старательно готовилась к этому посещению, тогда как он, видимо, отпросился с работы. Лица у обоих решительные. Парень так и кипит от возмущения, но, встретив спокойный, чуть насмешливый взгляд заведующей, заметно тушуется.

— Мы насчет регистрации...

— А я думала, вы сначала поздороваетесь...

Молодые, слегка покраснев, дружно здороваются.

— И если насчет регистрации, — тем же тоном продолжает Софья Исаковна, — то вам нужно обратиться в приемную.

— Мы уже были там, — парень снова начинает горячиться. — А там говорят — нужно ждать три-четыре месяца...

— Все правильно, — подтверждает заведующая. — На регистрацию у нас записываются за три-четыре месяца вперед. Штат у нас небольшой, желающих много.

— Но мы не можем столько ждать! Скоро будет распределение жилплощади, и тех, у кого нет штампа о регистрации, снимают с очереди. А мы в первой десятке по СМУ...

— Что же вы раньше...

— Раньше, раньше, — кипятится парень. — Нельзя же быть такими бюрократами! Мы уже год как живем вместе. Нам проверять свои чувства нечего...

Софья Исаковна некоторое время задумчиво разглядывает молодых.

— Когда распределение?

— На будущей неделе.

— Ну на будущей неделе я при всем желании не могу вас зарегистрировать. Вы знаете положение о месячном испытательном сроке?

Парень в растерянности смотрит на свою спутницу. Та молча поджимает красивые подкрашенные губы и бросает на него короткий, решительный взгляд: не отступайся, мол, ни в какую.

— Мы вот как сделаем, — говорит Софья Исаковна. — Вы написали заявления? Так вот, оставьте заявления, а я вам выдам справку, что вы стоите в очереди на регистрацию брака. Из списков вас не вычеркнуть, а пока дойдет дело до выдачи ордеров, постараемся вас пропустить пораньше... Бывает, что кто-то забирает свои заявления обратно, кто-то не является на регистрацию... Но, конечно, не раньше чем через месяц...

Парень с девушкой взволнованно благодарят заведующую и, не чуя под собой ног, уходят.

Софья Исаковна смеется:

— Сколько таких тропыг приходит ежедневно! То у нее каникулы подошли к концу, то его в армию призывают, то отпуск кончается... Почему-то решение о женитьбе всегда принимается в самый последний момент... Эти еще ничего, сдержанные. А то, бывает, чуть не на колени становятся...

Она смотрит на часы:

— Скоро регистрация, а что-то нет представителя общественности...

Но он приходит вовремя. Уже немолодой мужчина в черном выходном костюме с многочисленными орденскими колодками. У него глубокие морщины у глаз и вьющиеся, когда-то черные, а теперь наполовину седые волосы. Георгий Гаврилович Мурашов из «Камэнергостроя», подполковник запаса. Софья Исаковна ненадолго исчезает и вскоре появляется в длинном расшитом платье, которое выглядит одновременно и нарядно, и официально. Что-то неуловимое произошло и с ее прической, придав лицу не то чтобы строгость, а какую-то торжественность. Кто-то пытается прорваться в ее кабинет, но заведующая молча, одним лишь церковным жестом выпроваживает его обратно. И я понимаю: ей сейчас нельзя отвлекаться, надо сосредоточиться перед торжественной церемонией.

В коридоре слышится веселое оживление — приехали молодые. В сопровождении целой гурьбы молодежи они топчутся у входа. Все нарядные, все с букетами цветов, радостные и немного смущенные. Работница загса проводит их в специальную комнатку. Софья Исаковна еще раз инструктирует нас, где стоять, как поздравлять молодых и когда можно сказать небольшую речь.

Звучит свадебный марш Мендельсона. В строго рассчитанный момент распахиваются двери, и молодые, преодолевая смущение, входят в зал для церемоний. Жених — Владимир Шпак, русский, 1946 года рождения, работает электромонтером на КамАЗе. Он выше среднего роста, плечистый. Даже под черным свадебным костюмом угадываются крепкие бицепсы. Серые глаза смотрят внимательно и спокойно. Невеста — Айслу Агжинова, 1951 года рождения, татарка, тоже рослая. Черные волосы подвиты. Черные полукруглые брови. Огромные, прекрасные глаза...

Софья Исаковна произносит слова, которые полагается произносить в таких случаях, и, хотя она произносит эту речь часто, звучит она искренне, сердечно, и голос ее слегка дрожит от неподдельного волнения.

Вслед за первой парой появляется вторая. Владимир Николаевич Тургаков расписывается с Каренкиной Марией Ивановной. Он — электрик, она — штукатур. Ему двадцать лет, ей — девятнадцать. А тем еще и еще... Всего в этот день предстоит двадцать свадеб.

В перерывах между регистрациями Софья Исаковна делится своими наблюдениями:

— Интернациональные свадьбы стали у нас обычным явлением. Браков между молодыми людьми разных национальностей не меньше, чем между людьми одной национальности. Сейчас на КамАЗе работают представители около 70 национальностей. Практика опровергает мнение, будто женщине после первого неудачного брака трудно снова выйти замуж. У нас свадьбы такого рода составляют довольно значительный процент. Нередко юноша, вступающий в брак впервые, женится на женщине с ребенком, и к тому же много старше его. И я имела возможность убедиться, что такие браки бывают более устойчивыми, я бы сказала даже, более счастливыми...

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ регистрации заканчиваются уже под вечер. Софья Исаковна заметно устала. Она переодевается в свой обычный темный костюм деловой женщины, но домой не идет. Ее давно уже дожидается неторопливая очередь.

С робким стуком входит первая пара. Оба совсем юные и держатся за руку, как дети. У него только-только пробиваются усики, у нее по свежему детскому личику пошли пигментные пятна, круто обозначился под платьем живот. Переминаются с ноги на ногу, не знают, с чего начать. У мальчика горят уши и даже веснушки на носу красноватые. Его спутница не отрывает взгляда от собственных туфель.

— На регистрацию? — приходит на помощь заведующая.

Оба дружно кивают.

— Сколько месяцев?

— Чаго? — не понимает парень.

Но понимает его спутница. Залившись краской и аса так же не поднимая глаз, отвечает:

— Семь с половиной...

— Заявления, конечно, еще не подавали? Ну что мне с вами делать?.. Ладно. Принесите справку от врача, и на следующей неделе оформим ваш брак вне очереди. Только, пожалуй, без торжественной церемонии. Согласны?

Молодые кивают и, забыв от волнения даже попрощаться и все так же держась за руки, покидают кабинет.

Входит мужчина лет за тридцать. Минет в руках шляпу, сбивчиво объясняет ситуацию. Он женат, двое детей. Еще до брака у него была незарегистрированная связь, родился ребенок. Тогда он относился к этому легко — сама захотела рожать, сама и выпутывайся. А сейчас девчонка уже подросла, скоро в школу. Будут спрашивать, сочинения там писать, и так далее. Как же ей без папы? Она ж тоже человек... Особенно мать ее переживает. Она не подавала я суд, и алиментов он не платил, хотя и помогал добровольно — по мере возможности. От девочки никогда не отказывался, и она считает отцом его. Короче говоря, он хочет признать свое отцовство официально. Можно ли это?

— Конечно, можно! — отвечает Софья Исаковна, и я вижу, как теплеют ее глаза. — Если хотите, это останется в тайне...

— Нет, жена в курсе, — с облегчением говорит мужчина. — Пошумела, конечно, для порядка, но я ж от нее ничего не скрывал. Женщины, они все понимают...

Вслед за ним входит еще пара.

Следующему посетителю около тридцати. Фатовские баки, черные ухоженные усики, джинсы, яркая нейлоновая рубаха. На шее — пестрая косыночка. Взгляд самоуверенный и нагловатый. Ей, наверное, лет восемнадцать. Очень хороша собой, белокожая, хрупкая. Смотрит на спутника влюбленными глазами. Оказывается, у них не берут заявления о регистрации брака, так как у него не оформлен развод. Бегло просмотрев протянутые документы, Софья Исаковна возвращает их обратно.

— Все правильно. Нужно сначала оформить развод.

— Но у меня есть развод! — настаивает мужчина.

— У вас есть решение суда о расторжении первого брака, — терпеливо разъясняет Софья Исаковна, — а нужно, чтобы развод был оформлен записью в актах гражданского состояния.

— Это у вас, что ли?

— Да.

— Ну так оформляйте!

— Сначала подайте заявление, оставьте документы в приемной.

— Так там не берут, говорят, на сегодня запись уже прекращена...

— Приходите завтра...

— Да, тут у вас, говорят, очередь, с пяти утра записываются...

Софья Исаковна молча пожимает плечами и встает, давая понять, что разговор окончен. Но мужчина, видимо, не привык уходить ни с чем. Он долго возмущается бюрократическими порядками. Девушка смущенно тянет его за рукав, но он и на нее огрызается:

— То сема тянула, а то... Некогда мне тут расхаживать... Мне работать надо.

Когда они уходят, Софья Исаковна невесело замечает:

— Вряд ли он снова придет...

Женщина в скромном плаще. На вид ей около сорока (на самом же деле, как потом выясняется, 25). Вся какая-то поблекшая, опавшая. Пришла посоветоваться. Всего два с чем-то года, как поженились, а мужа не узнать. Был такой веселый парень, так ухаживал за ней, цветы дарил... А теперь пьет, получку до дому не доносит. Сколько раз руку на нее поднимал... Кажется, завел где-то себе другую... Уговаривал согласиться на развод... Она было согласилась, а потом задумалась. Дело в том, что ждет ребенка. Правда, пока еще не поздно... но она сомневается, стоит ли это делать. А вдруг потом у нее больше уже не будет семьи?

— Послушайте моего совета: не соглашайтесь на развод, — говорит Софья Исаковна. — Ни в коем случае. Да и я не имею права развести вас в таком положении. Подождите хотя бы до родов. Бывает, и нередко, что мужчина, став отцом, ведет себя совсем по-другому. А если нет — будете получать алименты за ребенка...

КОГДА УХОДЯТ последние посетители, я расспрашиваю Софью Исаковну о разводах. Много ли их?

— Много, — вздыхает она. — В прошлом году, например, было 1145. Это составляет примерно 45 процентов от числа заключенных браков.

Почему так много?

Во-первых, на КамАЗ приезжает много мужчин и женщин с фактически расторгнутым браком. Такие легче срываются с места, рассчитывая на новом месте кем-то устроить свою жизнь. И действительно, встречаются, знакомятся, заводят новую семью и только тут вспоминают о том, что развод не был оформлен.

Во-вторых, сказывается то, что молодежь здесь живет самостоятельно, без родителей. Меньше влияние старшего поколения, а отсюда и меньше ответственности за свои поступки.

— Знаете, порой приходится наблюдать поразительное легкомыслие, — рассказывает Софья Исаковна. — Как-то приходят ко мне на развод. Молодые, красивые, казалось бы, идеальная пара. Я же их всего полгода назад расписывала. Пробую их уговаривать и так, и эдак — ни в какую. «Ну, ладно, — говорю, — подавайте заявления». Через некоторое время выхожу зачем-то в коридор, смотрю, а они целуются. «Что же это вы, — говорю, — разводиться пришли, а вот целуетесь?» «А это мы на прощание...»

— Так и развелись?

— Развелись... Разве их удержишь! Были б здесь родители...

Софья Исаковна называет еще раз одну, специфическую для Челнов причину. Семьдесят процентов молодежи, работающей на строительстве КамАЗа, и около сорока процентов всего населения Набережных Челнов живут в общежитиях. Там же знакомятся, женятся. Но какая ж это семья, если он — в мужском общежитии, она — в женском?! Если мужа пускают к жене лишь под залог паспорта, и то не позже девяти часов вечера. А раз нет совместного ведения хозяйства, раз живут врозь, в отношениях молодоженов легко образуются первые трещинки. Не всегда, конечно, но нередко трещинки эти разрастаются...

Входит работница загса с целой книгой документов — на подпись. Софья Исаковна спохватывается:

— Заговорилась я с вами, а меня свои дети дома ждут. Их у меня двое. Никогда вовремя вернуться не удается. Хорошо хоть муж за ними приглядывает. Он директор музыкальной школы. А то вот так в заботах о чужих семьях недолго и своей лишиться...

Стрелки показывают восьмой час вечера...

Генрих БАТИЩЕВ,
старший научный сотрудник Института философии АН СССР

ЛОГИКА ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Иногда наблюдается такая парадоксальная закономерность: истину начинают лучше понимать благодаря тому, что кто-то попытался решительно ее отвергнуть. Думается, что и опубликованные в «ЛГ» письма инженера В. Серова (№ 41, 1974; № 16, 1975) сослужат такую службу — помогут многим глубже постичь те ценности, которые этими письмами столь уверенно отрицаются.

Пусть кто-то содрогнется, услышав себе приговор, — В. Серов непоколебим: «Слабых быть не должно!» Формула-лозунг, простая, как дорожный знак... Впрочем, спасибо В. Серову хотя бы и за то, что он четко и резко указал предмет спора: какие качества мы должны формировать как исходные, а какие от них зависят и производны, «что в первую, что во вторую очередь». В самом деле, можно было бы продолжать проповедовать ценность каких-нибудь прекрасных черт человеческого облика, однако по-прежнему оставалось бы нераскрытым то, откуда они растут, из какого — вдруг не столь прекрасного! — начала. С чего начинать? Что должно лечь в самую сокровенную глубину души и определить собою властно все прочие качества и возможности Человека? Если такое глубинное начало есть именно сила — сила сама по себе, — то давайте присмотримся, что же это значит. Из силы вырастают качества вроде бы безупречные: мужество, героизм, самопожертвование, стойкость и воля к борьбе...

Однако не будем спешить. В этой самой «силе» — что есть движущий первоэлемент? Нечто сознательное, творческое? Людьми друг другу адресованное и этой адресованностью, этим человеческим смыслом наполненное? Или, напротив, нечто разрушительное, призванное преодолевать сопротивления и противодействия? Такой придирчивый вопрос вызван далеко не беспочвенным соображением: если мы с вами, скажем, заняты строительством, а одновременно вынуждены защищать наше строительство от врагов, от разрушителей, то, разумеется, защищать мы наше строительство должны, но способность решать проблемы строительные мы не можем полагать навыком давать отпор разрушителям. Вот в чем дело.

Или еще: если мы с вами занялись воспитательным созиданием — строительством в мире душевно-духовном, в мире личностном, — но одновременно и ради этого должны преобразовывать материально-вещественные обстоятельства жизни, то нельзя нам переносить наше умение преобразовывать вещества и энергии в область воспитания. Иначе мы и все собственно человеческое в других и в себе обратим в мертвый материал, уподобим качествам вещей.

Когда В. Серов уповает на «силу» как таковую, он поступает вполне логично, беря эту «силу» в нерасторжимом сцеплении с сопротивлением ей. Точь-в-точь как в законе: нет действия без противодействия! Вот и выходит, что «сила» есть прежде всего противоборство. Выходит, движущий первоэлемент «силы» — это необходимость противостоять чему-то, ей враждебному.

Логика В. Серова в чистом виде такая: сила возникает и вырастает из столкновений с враждебными ей препятствиями, причем неважно, одушевленные это препятствия или нет — они все одинаково выступают как негативная вещественная контрсила. Сила — детище антагонизма, и заключается она в устремленности энергии и воли на преодоление преград, в умении боевито наступать, одолевать и побеждать. Ее стихия — борьба против, борьба с вещами и с людьми, как если бы они были вещами, только наделенными сознанием... Но, как верно уже заметил в полемике с В. Серовым писатель Л. Жуховицкий: борьба против гораздо легче, чем борьба за.

Ну и бог с ней, скажут нам, однако, с «чистой логикой» В. Серова. А в жизни-то, на практике он чего хочет? А того же и хочет. И находит, что ищет. И мы с вами, если захотим, найдем.

Вспомним, например, Ольгу Петровну Воронину на опубликованного в «Литературной газете» очерка Александра Борина «Карьера доктора Ворониной». Героини этого очерка далека от карикатуры, от гиперболической крайности. Она даже привлекательна своей цельностью и последовательностью... Но почему же она постоянно создает вокруг себя «полосу выжженной земли»? Почему она иначе и жить не может, кроме как сея жестокие антагонизмы? Борясь за самые, несомненно, полезные и нужные дела с завидной энергией, она не видит, не хочет видеть и в конечном счете даже не способна видеть в окружающем мире ничего, кроме материалов и средств для поставленной цели. Вещи-средства, люди-средства. Как говорили о ней: она здоровается не со мной, а с моим отношением к ее делу.

Стоит хотя бы немножечко поскрести «сильную личность», как под ее романтизированной гордой личиной обнаруживается фанатическая прямолинейность, подменяющая человеческие отношения отношениями вещеподобными, не оставляющими места для личности, для ее нравственного мира и достоинства.

Весьма существенно тут еще и вот что: для выращивания такой «сильной личности» нужен климат враждебной напряженности, нужно превращение всех и всяких противоречий в один только антагонистические, нужны постоянные угрозы и присутствие «врагов» — на работе, в быту, даже в семье, — вездесущих, неотлучно сопровождающих каждый жизненный шаг. Ибо только такой климат питает и поддерживает силу как таковую, ту силу, которая обнаруживает лишь свою негативную природу. Если «врага» нет рядом с тобою, его надо суметь найти, — такой уж принцип «сильной личности».

Дело именно в принципе, а не в этике, в правилах поведения. Напрасно некоторые оппоненты В. Серова упрекали его в проповедовании неделикатности, черствости и в прочих подобных грехах. Речь-то идет не о внешних приемах обхождения, а о нравственном (или безнравственном) принципе, отвечающем логике такой борьбы, которая есть прежде всего и главным образом борьба против. Эта логика вовсе не исключает у ее приверженцев внешних манер вполне «демократических»: хотите — будете одарены широкой полнозубой улыбкой, крепким рукопожатием и одобряющим вниманием к вашим успехам в труде и личной жизни. И, если оставить в стороне крайние случаи, все это может быть у «сильного человека» вполне искренним поведением.

Но только за этим внешним «демократизмом» у него стоит присвоенное им право не пожалеть, — если, разумеется, нужно ради пользы дела и вашего же блага, — не только себя, но и вас тоже. Не пожалеть не потому, что вы это ему позволили и пожелали этого сами, а просто потому, что у «сильного человека», видите ли, есть такая вот решимость, такая вот воля. В. Серов достаточно откровенно рекомендует своему идеалу: действовать, «не жалея себя и своих близких — так уж получается». Почему, собственно, «так уж получается»? Вовсе не из стремления к «нечуткости», а по той логике, которая стирает все грани между обычным течением жизни и ситуациями чрезвычайными, трагическими. По логике, которая всю обычную жизнь пытается трагедировать и переключить на нормы осадного положения.

Как тут не вспомнить еще раз Воронину? Она предана делу, она работает с упоением, самозабвенно. Но одновременно всякое дело она превращает в поле битвы, в поле неизбежных антагонистических столкновений и всё подчиняющего себе стремления к победе, к успеху. Никаких критериев, кроме практического, делового успеха, кроме вещественного результата, а значит, и никаких нравственных норм, никаких регуляторов, кроме рациональной служебной целесообразности, кроме деловой полезности! Пусть, говорит Воронина, рассуждают о нравственных критериях и о недопустимых средствах в борьбе те, кто отстал, те, кто не умеет по-настоящему работать и добиваться победы, — такова удел неудачников, такова судьба слабых. Зато победитель, доказавший свою силу практическим успехом, тем самым получает оправдание по всем пунктам: лишения и беды, жертвы и «издержки» ведь с самого начала были записаны «сильным человеком» исключительно в разряд средств, и, значит, потери в средствах всегда окупаются конечным результатом, выполнением цели.

На самом-то деле, конечно же, никакой, даже самый значительный и монументальный результат не может быть окончательным в человеческом культурно-историческом прогрессе. Поэтому все ссылки на будущий результат, во имя которого оправданы все «издержки», в действительности лишь маскируют присвоение «сильным человеком» права бросать на весы рассудочно-технической калькуляции судьбы «ближних и дальних», не спрашивая их об этом. Право «не жалеть» других, право принимать в расчет каждого другого человека наряду с прочими вещественными и энергетическими величинами. В том-то и суть: личность человека сводится такими людьми к некоей конечной величине в арсенале полезных средств и материалов... Это жестокая логика. Но это именно логика, точка зрения, принцип, а не следствие дурного темперамента.

Тщетны попытки отговорить В. Серова от отождествления мужества с жестокостью, пока он придерживается избранной им логики. Дело вовсе не в его «упрямстве», а в правиле: где борьба, там и жестокость. Так что логика силы, логика «борьбы против» требует следовать ей, а не сентиментальным иллюзиям, которыми слабые оправдывают свою слабость. Не случайно В. Серов тревожится за судьбу как раз тех детей, «у кого в семейной жизни все обстоит благополучно». Благополучие — вот опасность для воспитания! Но по логике «борьбы против» все так и должно выглядеть. Ибо там, где Грозный Антагонизм не разрушает мирного благополучия, — там по этой логике просто-напросто нечем разбудить активные силы человеческого существа, нечем закалить его волю. Такая вот альтернатива: либо мобилизующий и толкающий вперед дух вражды и воинственности, либо прозябание во все обволакивающем и размягчающем уюте. Третьего же не дано!

По этой логике представляется чем то немыслимым и неправдоподобным, что формирующийся человек может сам выработать в себе посвященность всей жизни высокому смыслу и идеалу. А ведь на самом-то деле отнюдь не под давлением чрезвычайных обстоятельств осадного положения и не в атмосфере увековеченных антагонизмов, а, напротив, во вполне «благополучных» и нормальных условиях со всеми присущими жизни нормальными противоречиями и проблемами пробуждается человек к сознательной жизни. Развивает в поисках и обретениях все свои способности, поднимается до уровня самостоятельной нравственной ответственности за все происходящее в широко простирающемся мире его дел, его решений, его отзывчивой совести. Так давайте же вдумаемся: какое чудовищное неверие в возможности самостоятельного развития человека заложено в «логике силы»! И какое жалкое упование на то, что только противостояние враждебных сил научит делу, сформирует характер, не даст увязнуть в мещанском уюте!

В запомнившемся мне очерке Валерии Алфеевой «Прыжок к добыче» («ЛГ», № 47, 1974) главное действующее лицо — законченный тип «сильного человека», образ весьма поучительный. Это последовательный и беспощадный фанатик производственного успеха, сгусток энергии и воли, подминающий под себя всех людей. Годы, здоровье, семью — все отдал, ничего не пожалел. Он мало спит, всегда сурово озабочен, всегда вместе с подчиненными — никакой бюрократической изоляции. И повсюду он создает обстановку до крайности напряженную, обстановку натиска, штурма, нескончаемого аврала. Самое желанное для него — некая перманентная боевая тревога, в условиях которой было бы легче выжимать все до предела из техники, из людей, из природной среды, не останавливаясь ни перед чем. Мирные, нормальные ситуации только связывают ему руки в беспощадном добывательстве, в жестокой практике выбивания успеха любой ценой. «Машину загонит, людей на любой риск пошлет, тоже не пожалеет. Все дозволено, все средства хороши. Давно усвоил: победителя не судят!.. Успех все спишет...» — так говорят о Лобане.

Не приходится удивляться тому, что такой «сильный человек» находится в состоянии непрерывного конфликта с подчиненными ему работниками, особенно если они — настоящие работники, не мирящиеся с разрушительным и хищническим добывательством ради успеха, ради славы. Он, Лобан, нуждается в их человеческих способностях, в их добросовестном труде, в их искусстве, находчивости. И в то же время они для него — не более чем подлежащий расходованию материал. Так вот он и ведет с ним затяжную, изнурительную борьбу, — «тратя чужие силы, готовый рискнуть при случае чужой жизнью, используя все средства воздействия — от скрытого и явного нажима до демагогии и спекуляции на святых чувствах и целях».

Знаменательно, между прочим, то отношение к реальным проблемам и трудностям общественной жизни, которое складывается совершенно неизбежно у «сильного человека». Нормальные, требующие вполне мирного проникновения в их специфическую суть и новизну жизненные проблемы он не в состоянии отличить от скандальных происшествий и действительно враждебных действий. У него нет для этого ни критерия, ни необходимой культуры. Негативизм мышления мешает ему уразуметь, что великая настоящая, содержательная проблема есть тем самым и противоречие — диалектическое, требующее искусства его творчески разрешать. Если же он все-таки наталкивается на противоречие, то оно обязательно предстает ему в обличье антагонизма. Противоречия он опасается, даже страшится, видит в нем нечто нетерпимое. Но вместе с тем оно — и зло желанное, даже необходимое, потому что дает основание для боевой тревоги и мобилизации сил на его искоренение. Противоречие, а тем самым и всякая подлинная проблема для такого человека есть не добрый исток творческих вариантных поисков и новых решений, а мишень для атаки, — то, против чего надо повести войну на уничтожение. Поэтому «человек силы» всю свою враждебность к проблемам и проблемности как таковой направляет против творческого, содержательного поиска. Таков, собственно, и есть бюрократ. Искатели решений в его глазах суть виновники самого возникновения проблем.

Вот почему воспитательная программа В. Серова категорически неприемлема с точки зрения коммунистического мировоззрения, с точки зрения перспектив к задач всесторонне и целостно развитого человека. Ибо логика у нас как раз обратная: борьба против враждебных сил подчинена борьбе за продвижение к идеалу. В этом-то и состоит одно из коренных отличий человека-борца в понимании коммунистическом от «сильной личности»: от всяческих суперменов и бравых воителей, для которых безжалостность и жестокость неотделимы от бескомпромиссной воли к победе. В противовес всем им борец коммунистический на первое место ставит высокие цели гуманистического созидания: изменить мир ради преображения и возвышения человека, ради свободы и расцвета творческих способностей каждого.

Коммунист — не жестокий борец, а последовательный борец против жестокости. Он безусловно и принципиально отделяет друг от друга мужество и жестокость. И никогда не позволяет загрубеть и «милитаризоваться» своей душе, своим нравственным принципам.

Значит, и начинать воспитание семейное, школьное и т. д. можно и нужно не иначе, как в атмосфере бережно-человечной, гуманистически-созидательной. Начинать надо с положительного идеала. Сначала воспитаннику надо принять в себя, вобрать всей душою то, ради чего стоит пойти и на самопожертвование, а потом обрести и готовность к этому. Короче говоря, сначала — высокогуманный, подлинно человеческий и человечный идеал, а уж потом сила его реализации, сначала глубинная человеческая сущность, а потом — способы ее активного самовыражения.

Все собственно человеческие силы начинаются не с противодействия, не с противоборства сопротивляющемуся миру вещей (и людей, представших так, как если бы они были просто сознательные вещи), а с отношения к другим, с приятия других вместе с их человеческими, личностными мирами. Ибо по-настоящему принятые и внутренне понятые Другие — это не объекты для воздействия на них, пусть самого благого по намерению. Это не объекты благоделания и осчастливливания, совершаемого над ними без того, чтобы их то самих сначала спросить об этом... Когда для меня Другой есть всего лишь объект моего благоделания и моих забот — согласно моему собственному разумению, что есть для него благо и что нет, — тогда тут собственно человеческого-то отношения вовсе и нет. Нет почвы для него. Истинный Другой — это не просто кто-то такой, к кому я питаю интерес, симпатию, страсть и т. п., это другой самостоятельный личностный мир, принятый мной во всей его «инаковости». Забыть об этом — значит потерять человеческое в людях, значит иметь в виду что угодно — должность, заслуги, качества, — но не самого человека живого.

Что же касается В. Серова, то следует признать, что он вполне последовательно избранной им логики, к счастью, не придерживается. У него есть соображения, ведущие по доброй дороге — прочь от концепции «сильного человека». Если В. Серову по душе право каждого человека «иметь индивидуальную высокую цель» — именно каждого! — то в этом хочется его определенно поддержать.

Воспитание подрастающего поколения должно состоять именно в том, чтобы помочь каждому подняться до того уровня — нравственного, образовательного, гражданского, — на котором макрозадачи общества как целого, задачи культурно-исторические предстают уже не как нечто над людьми возвышающееся, а как прямое и сугубо личное дело человека, дело и его собственного ума и совести. Мы растим и должны растить тех, кто умеет принимать общественные задачи за свои собственные, быть ответственным за их постановку и решение.

ДОБРЫЙ — НЕ ЗНАЧИТ СЛАБЫЙ

Обсуждение проблем, поставленных в письме В. Серова «Кого мы растим?», выпалось в одну из наиболее интересных и важных дискуссий на страницах «ЛГ». Поначалу казалось: о чем спорить? Разве можно спорить о том, что надо воспитывать в наших детях — доброту или жестокость? Для мало-мальски разумного человека выбора тут быть не может: жестокость все уничтожает, все, в том числе и то, что она якобы призвана защищать. Но, к сожалению, находятся, как это видно из дискуссии, воспитатели, которые полагают, что можно формировать с помощью жестокости благородные черты личности. Но воспитывают они, желая того или нет, именно жестокость, а с ней и тупость.

Надо твердо уяснить одно: способность быть борцом за возвышенные идеи возникнет только тогда, когда развиты душа человека, его нравственные устои. Нравственно неразвитый человек полноценным гражданином быть не может, и спрашивать с него это — все равно, что предъявлять к трехлетнему малышу требования, уместные для юноши.

Мир испокон веков был насыщен злобой, алчностью, ненавистью, равнодушием. Недостатка в «бойцовских качествах» самих по себе никогда не ощущалось. Первобытный человек — боец против хищников и чужих племен. Собственники всех времен и мастей — люди с «крепкими челюстями», энергичные. В бойцовских качествах им не откажешь.

Наш мир, наши идеи, наше мировоззрение впервые в истории противостоят всему этому. Мы, борцы за добро, за гуманизм, должны выделяться именно любовью к людям. Борец за добро, не любящий добра и людей, — бессмыслица. Он неминуемо перерождается в носителя зла. Только человек, любящий людей, честный, может сражаться за что-нибудь более высокое, чем собственный карман, власть, слава. Создается впечатление, что иные лихие воители, спорящие с этой бесспорной истиной, попросту боятся доброго человека, а потому и причисляют его к слабым. На деле все обстоит наоборот: добрые люди слабы ничуть не чаще, а, наоборот, реже, чем жестокие.

И, наконец, последнее. Против кого призывает В. Серов оттачивать «бойцовские качества»?

Лишь всесторонне развитые люди умеют беспощадность к врагам сочетать с благожелательностью к друзьям. Воспитанный же в однобокой жестокости человек свою непримиримость изливает как на врагов, так и на друзей, делая последних, естественно, тоже врагами. Агрессивный человек еще до встречи с врагом пытается излить свои «эмоции» на близких.

Н. СЕРОВА
гор. ГОРЬКИЙ

ТАЙНА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЫ...

Уважаемая редакция! В свое время вы сделали благородное дело — защитили детей от обиднейшего прочерка в метрике. Теперь вы ведете актуальнейшую дискуссию «Кого мы растим?», вновь защищая детей от ненужной и вредной жестокости.

А заметили ли вы, что в школе существует как бы узаконенная жестокость?

Давясь от слез и горькой обиды, ученик шестого класса рассказывает матери:

— А она, она... при всех открыла последнюю страницу журнала... Прочла и сказала: «Конечно же, отца нет. Нечего и рассчитывать на хорошее поведение».

Да, учительница географии, установив, что урок не выучен, просто «заглянула» в список, вплетенный в классный журнал, чтобы уточнить сведения о нерадивом ученике. Уместно ли вот так, в открытую, травмируя психику ребят, афишировать, «кто есть кто»?

Посмотрим, о чем еще говорит этот «список учеников», помещенный на последней странице классного журнала.

ПРИМЕР ПЕРВЫЙ. Ребенок болел и в семь лет не смог вместе со всеми прийти в первый класс. А в «списке» есть графа — «Дата рождения». У всего класса она одна и та же, а у этого ребенка + 2. В коридоре школы слышишь: «А наша Ленка — старуха; она с такого-то». И Ленка с первых лет учебы страдает одним из пресловутых комплексов — «старуха»...

ПРИМЕР ВТОРОЙ. «Петька, а мой папа сказал, что сантехник никакой не техник. Он...»

У Петьки горят уши. Вчера новая классная руководительница решила заполнить последнюю страницу журнала путем открытого опроса ребят. Так все про всех и узнали. А незнакомое слово «сантехник» Юрин папа вечером объяснил сыну со всей мужской откровенностью, нарядно извратив истинный его смысл. И вот сегодня на большой перемене, аппетитно уплетая бутерброд, Юра громогласно сообщает всему классу, что он узнал о Петькином отце.

Детская жестокость — загадочное явление. С ней надо бороться умелыми педагогическими приемами. Но, увы, в школе она, эта жестокость, нередко подкармливается классным журналом, который практически открыт для всех, в том числе — для детского глаза:

— Самойлов, принеси из учительской журнал, я его на столе забыла!

Мальчик идет. И по дороге знакомится с «анкетными данными» своих товарищей, а затем доверительно (и не доверительно) делится с друзьями. «Сведения об учащихся» рассказывают о том, кто, где и когда родился, кем работают родители, есть ли у ребенка отец и т. д. Могут сказать: ну и что тут особенного? Почему надо «засекречивать» элементарные сведения о детях и их родителях? Ведь школа наша, детская литература как раз учат тому, что все профессии почетны, что ребенок, растущий без отца, ничем не хуже других и т. д. Верно. Но повторяю: детская психика — загадочная вещь. Уж, казалось бы, какая разница, что у тебя за фамилия. Однако же одни фамилии легко превращаются в оскорбительные клички и дразнилки, а другие — нет. Сколько же детей с первого и чуть ли не по десятый класс вынуждены проклинать свою ли в чем не повинную фамилию! Я привела этот пример, чтобы показать: то, что взрослым кажется безобидным, бывает совсем не безобидно в обращении у детей.

Не лучше ли исключить страницу «Сведения об учащихся» из классного журнала? А вместо нее завести тетрадь классного руководителя, которая не попадала бы в класс каждый день и на каждый урок, а хранилась бы под замком.

И еще одно пожелание — в педагогических институтах и училищах, в университетах, на курсах усовершенствования учителей больше уделять внимания этике «опроса» учащихся, касающихся их личных данных.

Чтобы никто не заливался слезами, бормоча:

— А она, она... при всех открыла последнюю страницу журнала...

Н. СКОМОРОВСКАЯ
КАЛИНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ ПИСЬМА В. СЕРОВА:

«КОГО МЫ РАСТИМ?»

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Топорная педагогика

Не доброта и чувствительность являются помехой в воспитании у детей «бойцовских качеств», как утверждает В. Серов, а упущения и недостатки в нашей педагогической практике. А жестокость? Понятие «жестокость» не свойственно нашему общественному укладу жизни. А «воспитательная система» В. Серова сколочена скорее всего при помощи топора, а не разума.

Еще опасней и вредней жестокость когда она исходит от коллектива, когда незрелый коллектив «прорабатывает» личность.

В. ДАНИЛИН,
рабочий завода «Азовсталь»

Госпожа удача...

Молодежь у нас в основном живет в достатке. Родители пошли обеспеченные. Есть чем побаловать детей... И на этой основе в некоторых семьях родилась своеобразная легкость. Не простота, а легкость по отношению ко всему побольше радостей земных, поменьше сложностей. Побольше удач, и ни одной неудачи. Но как добиться удачи? Как избежать неудач? Прекрасно, если ответ продиктован честным разумом порядочностью, самоуважением, наконец. А если нет? Тогда погоня за житейским успехом приводит на кривые тропинки.

И. ЖИВАГО
АРТЕМОВСК

Слишком мягкий характер?

Брат мечтал стать филологом. Когда он учился в девятом классе, у них в школе состоялся диспут «Кем стать». И вот, вернувшись в тот день домой, парень стал словно другим. У нас была собака-овчарка. Никогда он ее даже пальцем не тронул, а тут ни с того ни с сего жестоко избил. А потом сам не находил себе места.

Оказывается, учитель, проводивший диспут, сказал брату: «Ты не сможешь быть филологом. Филолог — скорее всего учитель, а для учителя ты слишком добр!»

Я спрашиваю: чего можно требовать от «рядовых» родителей, если учитель (!) позволяет себе внушать такие взгляды школьникам?!

Г. Г.
УФА

Первый шаг... Фото К. СУУРА

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

Профессор В. Д. ЕЖОВ

СССР—ФРГ: ПЯТЬ ЛЕТ ПО НОВОМУ ПУТИ

■ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-й СТР.

Некоторые практические шаги в двусторонних отношениях между СССР и ФРГ того времени — заключение соглашений о товарообороте и платежах, по общим вопросам торговли, консульского договора и т. п. — носили частичный, а подчас и временный характер и не могли привести к серьезному сдвигу.

Однако жизнь брала свое. Миролюбивая внешняя политика Советского Союза и других социалистических государств, всестороннее укрепление социалистического содружества, борьба прогрессивных сил на Западе против реваншизма, милитаризма и «холодной войны» привели к изменению соотношения сил в мире и в Европе в пользу тех, кто стремился к реализму, сосуществованию и взаимовыгодному сотрудничеству.

Начала меняться и внутриполитическая атмосфера в ФРГ. Широкие круги населения требовали правдивой информации о Советском Союзе, его народнохозяйственных, научно-технических успехах, его культуре. Антисоветизм стал ослабевать. Все громче звучал голос тех, кто выступал за коренной пересмотр внешнеполитических концепций «холодной войны». Прогрессивные силы, в первую очередь западногерманские коммунисты, вышедшие в 1968 году из подполья, начали борьбу за подлинную нормализацию отношений с Советским Союзом, Германской Демократической Республикой и другими социалистическими странами на единственно возможной основе — отказе от каких-либо претензий на изменение политического и территориального положения в Европе.

Силы реакции продолжали цепляться за старые догмы. Они давали ожесточенные сражения сторонникам новой восточной политики. Под знаком этой борьбы прошли выборы в бундестаг 1969 года, закончившиеся поражением ХДС/ХСС. Хозяином дворца Шаумбург (резиденция канцлера) впервые стал лидер социал-демократической партии Willи Брандт. Создание коалиционного правительства социал-демократов и свободных демократов открыло путь к серьезному повороту внешней политики ФРГ в сторону разрядки напряженности и практического осуществления сосуществования со странами социалистического мира.

И вот 12 августа 1970 года в Большом Кремлевском дворце в присутствии Л. И. Брежнева и других государственных деятелей был подписан Договор между СССР и ФРГ. В истории отношений двух стран открылась новая страница.

Ей предшествовали многомесячные, далеко не легкие переговоры. На их ход оказывали воздействие наслоения прошедшей войны и послевоенной конфронтации, оставшиеся еще воззрения и категории прошлого. В конечном итоге победило стремление заглянуть в будущее, мыслить понятиями завтрашнего, а не вчерашнего дня.

Договор между СССР и ФРГ носит общий характер и затрагивает главные принципы взаимоотношений между обеими странами и их подхода к решению двусторонних, европейских и мировых проблем. Он базируется на признании обеими сторонами европейских политических и территориальных реальностей, на принципе неприменения силы в межгосударственных отношениях. В нем отмечается, что стороны «едины в признании ими того, что мир в Европе может быть сохранен только в том случае, если никто не будет посягать на современные границы». Не удивительно, что этот документ стал базисным для серии других договоров и соглашений, заключенных между ФРГ и Советским Союзом, между ФРГ и ГДР и другими социалистическими странами, и не в последнюю очередь для четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, подписанного Советским Союзом, Соединенными Штатами, Францией и Англией.

Советские люди дали высокую оценку Московскому договору. Они готовы были начать новую главу в советско-западногерманских отношениях, покончить с конфронтацией, навязывавшейся предыдущими правительствами ФРГ, создать основу для добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. Выражая эти взгляды нашего народа, Л. И. Брежнев указывал: «Что касается Советского Союза, то к делу улучшения отношений с ФРГ мы подходим искренне и серьезно, хотя по понятным причинам для нашей страны это не простой вопрос. В памяти советских людей еще живы бедствия минувшей войны и страдания, которые причинила нашему народу гитлеровская агрессия. Однако мы считаем, что тяжелое прошлое не должно навсегда оставаться непреодолимым препятствием для развития наших отношений с Западной Германией. Мы учитываем и тот факт, что большинство западногерманского населения стоит за улучшение отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами».

Можно смело сказать, что поворот к новой восточной политике буквально назрел в ФРГ. Опрос общественного мнения показал, что за Московский договор высказался 81 процент опрошенных западногерманских граждан. Его поддержали Германская коммунистическая партия и профсоюзы, значительные группы деловых кругов, широкие круги интеллигенции, молодежи.

Необходимо, однако, отметить и другое. Договор стал объектом острой внутриполитической борьбы в ФРГ. Силы реакции, и прежде всего ХДС/ХСС, дали ожесточенный бой правительству, когда встал вопрос о ратификации. Этот бой реакция проиграла. В поддержку договора в стране развернулось массовое движение. Создавались инициативные группы, которые вели сбор подписей в пользу ратификации. Проводились массовые митинги и демонстрации, устраивались агитационные стенды, распространялись листовки, собирались общественные форумы. За договор высказывались целые предприятия.

Подобный поворот дела внес замешательство в ряде оппозиционных партий. Правление ХДС, обсудив создавшееся положение, приняло решение проголосовать за ратификацию. Однако увесистым кулаком стукнул по столу заседаний фракции ХДС/ХСС в бундестаге Штраус, и все опять повисло в воздухе.

Автору этих строк довелось быть в гостевой ложе бундестага 17 мая 1972 года, когда решался вопрос о ратификации Московского договора. Буквально до последней минуты даже самые всезнающие журналисты не могли сказать, какую позицию займет фракция ХДС/ХСС. Но вот прошло голосование, и стало ясно: договор ратифицирован голосами депутатов правительственных партий. Оппозиция воздержалась от голосования, продемонстрировав неприятие договора, политики разрядки и сосуществования.

Все это принадлежит истории, хотя позиция ХДС/ХСС по принципиальным вопросам продолжает и по сей день оставаться прежней. Договор же между СССР и ФРГ, как сказал Л. И. Брежнев, «действительно положил начало решительному повороту к лучшему в отношениях между Советским Союзом и ФРГ. Вместе с тем он стал важной вехой во всем процессе оздоровления международных отношений».

Позитивные результаты этого поворота за прошедшие пять лет проявились в той или иной степени практически во всех сферах межгосударственных отношений. Успешно проходят политические консультации на различных уровнях. Состоялись взаимные визиты и важные обмены мнениями советских и западногерманских руководителей. В Советский Союз несколько раз приезжал В. Брандт, а затем его преемник на посту федерального канцлера Г. Шмидт. В мае 1973 года Л. И. Брежнев посетил Бонн, где провел ряд важных встреч и переговоров. Во время заключительного этапа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе также состоялась встреча Л. И. Брежнева с Г. Шмидтом. Проводятся встречи министров иностранных дел Советского Союза и ФРГ. Подписан ряд важных соглашений.

Есть значительные успехи и в торгово-экономической, научно-технической сферах: народы обеих стран лучше узнают друг друга. Товарооборот между СССР и ФРГ за прошедшие годы возрос в 4 раза. Идет взаимовыгодный обмен научно-технической информацией, осуществляются крупные совместные промышленные проекты. В Дюссельдорфе и Москве были проведены соответственно советская и западногерманская выставки, всесторонне познакомившие посетителей с жизнью и достижениями обеих стран.

Эти положительные сдвиги налицо, и никто не будет отрицать их значения для Советского Союза и ФРГ, для дела улучшения общей обстановки на европейской арене. Но все ли возможное сделано здесь? Над этим вопросом стоит задуматься. Дух антисоветизма еще витает в некоторых органах массовой пропаганды ФРГ. Даже в правительственных кругах нет-нет, да и делаются высказывания, напоминающие времена «холодной войны» и конфронтации. Вспомним хотя бы заявления министра обороны Лебера о необходимости дальнейшего наращивания и совершенствования военной мощи НАТО, а также о том, что НАТО в определенной ситуации должна быть готова первой применить атомное оружие.

Понятно, что подобные высказывания встречают аплодисментами в рядах ХДС/ХСС, все те, кто видит в Советском Союзе своего противника, кто боролся и борется против Московского договора, против претворения в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества, выработанных общеевропейским совещанием.

Объективный анализ развития экономических отношений между СССР и ФРГ показывает, что и здесь используются далеко не все имеющиеся возможности. В наше время традиционные методы торговли между государствами не могут полностью удовлетворить бурно растущие потребности народов. Международное разделение труда в век научно-технической революции требует поиска и нахождения иных форм (разумеется, не отменяя старые) межгосударственного экономического и научно-технического сотрудничества. Уже имеющийся опыт показывает, что одной из важнейших новых форм такого рода должно стать осуществление крупных долгосрочных проектов на компенсационной или иной взаимовыгодной основе.

Советская сторона не раз высказывалась за развитие подобного сотрудничества с ФРГ. Достаточно вспомнить беседу Л. И. Брежнева с представителями деловых западногерманских кругов в Бонне. Он говорил тогда о перспективах сотрудничества на 30—50 лет вперед.

Некоторые совместные шаги в этом направлении сделаны. Осуществляется проект строительства в СССР при участии западногерманских фирм крупного металлургического комбината в районе Курской магнитной аномалии. Заключено соглашение о поставках в ФРГ вплоть до 2000 года советского природного газа в обмен на трубы и оборудование для нашей газовой промышленности. Достигнуто долгосрочное соглашение между СССР, ФРГ и Ираном о том, что Советский Союз получит иранский газ, а соответствующее количество своего газа поставит в ФРГ.

Значение такого рода крупномасштабных сделок трудно переоценить. Но их мало, во всяком случае значительно меньше того, что можно было бы ожидать от столь высокоразвитых стран, как СССР и ФРГ.

В чем же дело? Разгадку нужно, видимо, искать в том, что крупные западногерманские фирмы еще не решаются широко смотреть в будущее. Как правило, сделки, заключаемые в расчете на быструю реализацию, осуществляются ими охотно и успешно. Когда же речь заходит о более отдаленной перспективе, хотя и не вызывающей сомнений с точки зрения ее выгодности, проявляет свои негативные черты капиталистическая сущность этих предприятий, и прежде всего нежелание, а порой, может быть, и неспособность планировать свою деловую деятельность на многие годы вперед.

Из этого факта сегодняшнего дня не хотелось бы делать вывод о том, что так будет и впредь. Жизнь и практика межгосударственного общения подсказывают новые подходы и решения в деле налаживания взаимовыгодного сотрудничества различных по своему социальному характеру экономических структур. Думается, что и в области экономических связей между СССР и ФРГ могут и должны быть найдены оптимальные варианты, отвечающие интересам народного хозяйства обеих сторон.

Наше время характерно борьбой двух тенденций в международных отношениях: стремления народов найти пути к устранению угрозы развязывания войны, к взаимовыгодному сотрудничеству, то есть к тому, что весь мир сейчас называет мирным сосуществованием государств с различным общественным строем, и тяги определенных кругов к конфронтации, дальнейшей гонке вооружений и балансированию на грани глобального военного конфликта.

Первая тенденция явно берет верх. Свидетельством тому являются успех общеевропейского совещания, позитивные сдвиги в развитии отношений Советского Союза с Соединенными Штатами, с Францией, с другими странами и — не в последнюю очередь — с ФРГ. Создается хорошая основа для того, чтобы постепенно подойти и к решению такого важного вопроса, как прекращение гонки вооружений, с перспективой всеобщего разоружения в будущем.

Движение в этом направлении будет содействовать дальнейшему всестороннему развитию отношений между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии. Московский договор от 12 августа 1970 года был и остается основой такого развития.

Сотрудничество во имя мира

Не первый год обмениваются опытом работы специалисты 2-го Московского часового завода и часового комбината в Руле (ГДР). На снимке: сборщица из ГДР и ее советская коллега

Идет укладка труб на трассе газопровода СССР—НРБ
Фото из прессы социалистических стран

ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА

Дэвид КАРПИЛЬ

ПЕКИН СЕГОДНЯ

ИНОСТРАНЕЦ В КИТАЕ

С первых же шагов в китайской столице иностранец буквально окружен вниманием властей. Куда бы он ни поехал, его сопровождает автомобиль с одним или двумя «пассажирами». Если он попытается с кем-то заговорить, «эскорт» немедленно пресечет эту попытку. Пропаганда усиленно убеждает китайцев, что каждый чужеземец, особенно если он европейского типа, — это шпион и уж во всяком случае недоброжелатель. Не удивительно, если с самого начала его окружает атмосфера настороженности, отчуждения, подозрительности и даже враждебности. Естественное любопытство скрывается, проявляется издалека.

Стоит вам зайти в столовую и попросить разрешения сесть за стол рядом с китайцами, как все они немедленно освобождают свои места, оставив вас наедине с самим собой, если только официант не успеет перехватить вас и усадить за отдельный стол или даже в изолированную комнату. Впрочем, в любом случае вас обслужат быстро, расторопно и любезно.

Власти стараются, чтобы к иностранцу внешне относились вежливо, особенно в тех учреждениях и заведениях, где бывают дипломаты, журналисты, специалисты. В целом этот принцип соблюдается, за исключением, пожалуй, отдельных случаев в специальном магазине, именуемом по старой традиции «Дружбой». В городских магазинах, универмаге и небольших уличных лавках любого иностранца обслуживают вне очереди, при этом продавец объясняет своим соотечественникам, что «дорогой гость из-за границы» очень торопится. Никто не проявляет недовольства — таково указание властей. В универмаге на Ванфуцзине предупредительность доходит до того, что к вам подойдут два-три продавца и попросят многочисленных китайцев, толпящихся — чаще из любопытства — у прилавков, отойти на почтительное расстояние.

В «Дружбе» — другое дело. Здесь обслуживают только иностранцев и небольшую категорию китайцев, видимо, высокопоставленных работников китайских внешнеполитических и внешнеторговых ведомств. В этом огромном магазине, разместившемся на четырех этажах, продавцов больше, чем покупателей. Но именно тут чаще всего проявляется и недоброжелательство, и даже враждебность. Нет, не со стороны старых продавцов. Они — сама любезность. Но недавно поступившие на службу молодые китаянки и китайцы не могут, видимо, расстаться со своими хунвайбиновскими замашками.

Китайские руководители как будто хотят доказать правоту киплинговской формулы: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Не случайно многие мои коллеги из западных посольств говорят, что Китай — это не другая страна, а другая планета.

Изоляция иностранцев не ограничивается политической сферой, но распространяется и на культуру. Пока еще сохраняется свободный вход в некоторые парки (хотя в парки Бэйхай и Цзишань иностранцев не пускают). Но культурная жизнь Пекина остается практически недоступной для зарубежных дипломатов и журналистов, кроме тех редких случаев, когда протокольный отдел китайского МИДа любезно рассылает небольшое количество билетов на цирковое представление, спортивное выступление или концерт.

По собственной инициативе вы никуда не попадете. Касса городского кинотеатра или театра вас адресует в МИД. В газетном киоске, в книжном магазине не продадут лишь то, что вам «положено».

Мне говорили, что некоторые сотрудники дипломатических представительств, стремясь не слишком выделяться среди общей массы пекинцев, купили себе китайскую хлопчатобумажную униформу синего или стального цвета, стали разъезжать по городу на таком демократическом виде транспорта, как велосипед, одевали при случае марлевые повязки. Однако это мало помогло. На этом пути контакта, видимо, не установить.

Дипломатические представительства, кроме советского и швейцарского, размещены в двух своего рода «гетто» для иностранцев, что позволяет властям строго следить за жизнью дипкорпуса.

«РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ»

Мое пребывание в Пекине совпало с проведением второго пленума ЦК КПК десятого созыва и сессии Всекитайского собрания народных представителей. Как известно, оба эти мероприятия проводились в обстановке секретности где-то под Пекином. Лишь заключительное заседание сессии состоялось в здании ВСНП. Все наблюдатели в Пекине единодушны в том, что атмосфера секретности, созданная вокруг пленума и сессии, — свидетельство острой внутренней борьбы среди маоистов и страха, который они испытывают перед собственным народом.

Известно, что пекинские лидеры неоднократно предпринимали попытки созвать сессию ВСНП после «дела Линь Бяо». Такие попытки предпринимались, в частности, весной и осенью прошлого года. В ноябре 1974 года назначенные депутаты были уже свезены в Пекин, они «обсуждали» подготовленные документы, конституцию, план на 1975 год и прочее. Я видел даже плакаты, приветствовавшие «победоносное завершение сессии» в ноябре 1974 года. Но вывесили их лишь два месяца спустя.

Острые разногласия в маоистской верхушке как по кадровым вопросам, так и по проблемам внутренней политики, прежде всего в экономической области, явились той причиной, по которой неоднократно откладывались пленум ЦК и сессия ВСНП. В конце концов экономические вопросы вообще были сняты с повестки дня сессии, хотя официальные лица не раз говорили, что вопросы экономики и планирования будут обсуждаться на сессии ВСНП. В конце 1974 года в Пекине появились кое-где дацзыбао, в которых упоминался новый призыв Мао Цзэ-дуна «к сплочению накануне проведения сессии ВСНП», с тем чтобы «вопросы, вызывающие споры, разрешить постепенно», после проведения сессии и образования руководящих органов.

Тут я должен сделать небольшое отступление.

Находясь в стране, не можешь не поражаться жизненной энергии, удивительной выносливости и долготерпению китайцев. Как бы сейчас в Пекине ни ругали Конфуция, но именно конфуцианские догмы, вошедшие в плоть и кровь китайца, — нормы морали и общественных взаимоотношений, проповедовавшийся Конфуцием культ правителя, жесткое регламентирование поведения человека в семье и обществе, строжайшее соблюдение общественной иерархии (причем все это сочетается с внушенным с детства чувством расового превосходства китайцев, этой «великой срединной прекрасной нации») — именно они в значительной мере питали долготерпение, с которым китайцы встречают все новые тяжкие испытания, выпавшие на их долю по вине Мао Цзэ-дуна, и в какой-то степени способствовали маоистскому режиму. Конфуцианство, ставшее второй натурой китайцев, пусть даже они никогда в жизни не читали изречений Конфуция (многие из этих изречений стали поговорками и афоризмами), обеспечило Мао Цзэ-дуну ореол божества, которому дозволено все.

«Правители подобны ветру, а народ — траве. Куда дует ветер, туда клонится трава», «Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, а сын — сыном», «Народ должен знать, куда идти, но не должен знать, почему он должен туда идти» — вот лишь некоторые принципы, которые проповедовало конфуцианство и которым следуют Мао и его окружение. Правда, у Конфуция, как в свое время отмечал и Мао, проскальзывают зачаточные идеи (рабовладельческой) демократии, вроде того, что правитель до тех пор остается правителем, пока он, следуя «мандату неба», заботится о народе, когда же он забывает о своем долге, то народ может его отринуть. Но ясно, что в нынешних условиях подобные мысли звучат слишком крамольно.

Как видно, пекинские лидеры хотели бы, чтобы маоизм существовал не благодаря терпению народа (фактор, что ни говори, недостаточно устойчивый), но стал бы, так сказать, необратимым курсом Китая. В этих целях конституция КНР утверждает маоизм как государственную идеологию и подчеркивает, что политический курс государства на предстоящие годы разработан Мао Цзэ-дуном. Антисоветская направленность этого курса закреплена в законодательном порядке: конституция требует «бороться против... социал-империализма».

Чтобы обеспечить условия для концентрации власти в руках угодных Мао Цзэ-дуну лиц (в случае ухода самого Мао с политической арены) и предотвратить события, подобные «делу Линь Бяо», ликвидирован — по настоянию Мао (это подчеркивала даже китайская печать) — пост председателя КНР. Верховное командование армией по конституции передано председателю КПК. Законодательная инициатива и деятельность как ВСНП, так и Постоянного комитета ВСНП, а также правительства поставлены в подчинение председателю ЦК КПК (то есть в данное время Мао Цзэ-дуну), хотя формально упоминается роль ЦК КПК. Однако Центральный Комитет как коллективный орган практически не функционирует. Даже после X съезда пленумы его не созывались более полутора лет. Фактически принятие решений сконцентрировано в личной канцелярии Мао Цзэ-дуна и в его ближайшем окружении, состоящем в основном из представителей так называемой «шанхайской группировки» во главе с Цзян Пин.

В Пекине по всему видно, что Мао Цзэ-дун активно готовит условия для передачи власти людям, которые, как он полагает, не свернут с его курса. Речь идет о группе деятелей, ядро которой составляют Цзян Пин, Ван Хун-вэнь, Яо Вэнь-юань и другие. Вместе с тем, чтобы укрепить позицию этих деятелей и компенсировать недостаток у них опыта во внешнеполитической и экономической областях, Мао подбирает им «бригаду» опытных старых партийных и государственных кадров, которые, однако, не представляли бы угрозы для «шанхайцев». В качестве ведущих фигур «вспомогательной бригады» называют Дэн Сяо-пина, Ли Сянь-няня и некоторых других.

Чувствуется также, что Мао Цзэ-дун, учитывая опыт «дела Линь Бяо», опасается, как бы армия не стала вновь центром консолидации антимаоистских сил. Поэтому он пытается разобщить высший командный состав армии, оторвать военачальников от их опорных баз и связей с теми частями и соединениями, где они служили по многу лет. Достаточно вспомнить перестановку командующих военными округами в 1974 году, передвижение командования в войсках вплоть до полков и проходящую ныне интенсивную кампанию проверки и чистки командного состава НОАК.

Наконец, важнейшим средством уменьшения роли армии стало понижение престижа министра обороны. На этот пост назначен бывший маршал, 78-летний Е Цзянь-ин, которого рассматривают лишь как дисциплинированного военного специалиста. В отличие от прошлых лет министр обороны не стал одновременно заместителем премьера Госсовета.

В то же время начальником Генерального штаба и начальником Главного политического управления армии назначены соответственно Дэн Сяо-пин и Чжан Чунь-цяо, которые по партийной линии занимают, в общем, одинаковое с Е Цзянь-ином положение, однако в государственной иерархии стоят выше: они — заместители премьера Госсовета КНР. И получилось, что начальник Генштаба и начальник Главпура играют более заметную роль, чем министр обороны. К тому же вопросами армии, очевидно, будет заниматься и другой заместитель премьера Госсовета, он же командующий Пекинским военным округом. — Чэнь Си-лянь. Считают, что по партийной линии военные вопросы Мао Цзэ-дуну как председателю партии и председателю Военного совета докладывает Ван Хун-вэнь. Таким образом, помимо главнокомандующего Мао Цзэ-дуна, высшее руководство армией разделено между пятью деятелями, занимающими в Политбюро ЦК КПК примерно равное положение.

Много ходило домыслов о том, почему Мао не присутствовал на пленуме и сессии. Теперь с очевидностью подтверждается, что его отсутствие не связано с состоянием здоровья, а было лишь очередным маневром.

Я должен вновь сослаться на свои беседы с пекинцами: в народе сессия скорее посеяла множество сомнений и неуверенность в будущем, чем дала ответ на стоящие перед страной вопросы. Хотя на сессии ВСНП прозвучал призыв «торжественно отпраздновать завершение сессии», однако никакого празднества не получилось. Обстановку в стране можно охарактеризовать так: верхи дерутся и занимаются интригами, а народ пока безмолствует.

Начало см. «ЛГ», № 32 с. г.

Сотрудничество во имя мира

Лондон. Темза. Советское судно на подводных крыльях — одно из закупленных британской компанией «Кларк шиппинг»

Представители английских фирм знакомятся с советскими машинами «БелАЗ» и «КрАЗ» на площадке компании «Юнплант», которая уже несколько лет продает советские грузовые автомобили в стране

Фотохроника ТАСС

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

ВЬЕТНАМСКИЕ СТРОФЫ

В связи с 30-летием Демократической Республики Вьетнам Союз писателей СССР проводит литературный конкурс «Молодая поэзия Вьетнама в переводах советских молодых поэтов». На конкурсе представлены стихи талантливых вьетнамских поэтов, которые, несмотря на свою молодость, уже завоевали прочную любовь и симпатии читателей.

Хоанг Нюэн КАМ,

лауреат всевьетнамского конкурса молодых поэтов 1973 года (первая премия). Зенитчик. Автор книги стихов.

Осеннее письмо

Мой след с твоим совпал
не раз,
Столицей шли, в горах ли,
садом,—
Во всех боях
мы были рядом,
Не всех фронтах,
но в резкий час.

Мы словно встретились
у склона,
«Он здесь прошел»,—
мне мост сказал;
Ты здесь прошел,
твой след — у скал
И в звонких песнях
Чыонгшона.

Взрослей,
мудрей ты стал сейчас.
Расслышу ль тем, в бою,
средь звона,
В осенних песнях
Чыонгшона
Твоей винтовки
грозный бас!

Нас проводила мать
без стона,
Ты ей сказал:
«С победой жди!».
Ты в битве, знаю, впереди,
Об этом —
песни Чыонгшона.

Поем мы, и звенят луга,
Поем —
бежит врагов колонна.
В осенних песнях
Чыонгшона
Огонь, сжигающий врага.

В тех песнях
барабаны бедствий.

Ты помнишь ли
наш старый сад,
Фонарик,
ночь и трель цикад!
То нить, связующее
с детством.

Сиянье чыонгшонских звезд
С собою взяв,
мы в бой спешили...
Вчера цикад
с тобой ловили,
Сейчас врагов сгоняем
с гнезд.

Перевод А. СПАЛЬ

Нгуен ЗУЙ,

лауреат всевьетнамского конкурса молодых поэтов 1973 года (первая премия). Армейский связист. В 1974 году вышла его первая книга «Белые песчинки».

Четверостишия

I. На марше через перевал Нганг

В бездонной глубине
сверкает зелень моря.
До берега — рукой подать,
Но неприступны склоны гор.
Волна то скроется из глаз,
то снова захлестнет
простор,
Повадкой озорной
с тропою горной споря...

II. Цветы растут

Холм на моем пути
цветы заполонили.
Распахнувая лепестки,
они как будто говорят:
Мы отдаем тебе
целебный аромат —
Наш труд, наш пот,
которым мы всю землю
напоили.

Перевод О. ЧУГАЙ

Лам Тхи МИ ЗА,

лауреат всевьетнамского конкурса молодых поэтов 1973 года (первая премия). Лам Тхи Ми За — крестьянка, в годы войны участвовала в народном ополчении ее родной провинции Куангбинь. Сейчас поэтесса работает в Ханое. Недавно вышла ее первая книга.

Аромат арека

Ты, и я, и звезда,
И в листве иглы света.
Где звезда твоя! Та!
Ты мне не дал ответа.
Стынь луны, как слюда,
Цвет арека и лета.

Ты и я в этот сад
С малых лет приходили.
Слышишь тот аромат,
Что ареки струили!

Сколько раз цвел арек!
Тяжки годы разлуки.
Всякий раз цвел арек.
Ты и я... Помнишь, в руки
Шел арековый снег!

Ты узнал сто тревог,
Исходил всю округу.
На какой из дорог
Вспоминал ты подругу!

Вспоминал ли меня!
Мне лицо твое снится.
Плачут ветви, звена,
Плачут жалобно птицы.

Вновь тревогой расцвел
Здесь арек наш заветный.
Ты и я... Мне привел
Тебя ветер приветный.

Перевод А. СПАЛЬ

ИСПОЛНИЛОСЬ 125 лет СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГИ ДЕ МОПАССАНА

И СМЕХ, И ГРЕХ

РАССКАЗ

5 августа исполнилось 125 лет со дня рождения Ги де Мопассана, замечательного французского писателя, одного из величайших мастеров новеллы. Романы и рассказы Мопассана явились важной вехой в развитии реализма. Его поразительным мастерством отбирать нужные и точные детали, его иронией, ясностью его языка восхищались Л. Толстой и А. Чехов. «Мопассан обладал талантом, — писал Л. Толстой, — то есть даром внимания, открывающим ему в предметах и явлениях жизни те свойства их, которые не видны другим людям; обладал тоже прекрасной формой, то есть выражал ясно, просто и красиво то, что хотел сказать...» «Он (Мопассан) как художник поставил такие огромные требования, что писать по старинке сделалось уже невозможным», — говорил А. Чехов.

Мы знакомим сегодня наших читателей с непереводившейся ранее на русский язык новеллой Мопассана «И смех, и грех», которая является вставным эпизодом его статьи того же названия, опубликованной в газете «Жиль Блаз» 1 мая 1882 года. Этот рассказ был напечатан только в 1974 году в собрании сочинений Мопассана, которое вышло в серии «Библиотека Плеяды».

В небольшой нормандской деревушке стояла старинная церковь, которая значилась даже среди исторических памятников. Только с ведома ее хранителя можно было сделать какие-либо изменения или переделки здания.

Такое положение вещей, однако, вовсе не означает, что мы относимся с большим почтением к историческим памятникам, особенно если они связаны с религиозным культом. Так, например, старинную романскую церковь в Этрета так испортили современной живописью и витражами, что все художники чуть не взвыли от отчаяния. Я уже не говорю о том, что отвратительные украшения в духе барокко навсегда погубили множество памятников старины.

В церквушке, о которой идет речь, арка портала была украшена скульптурами. Вольная фантазия наивных художников прошлого изобразила различные библейские сцены в их изначальной простоте и наготе.

В центре скульптурной композиции находился Адам, изображенный в своем естественном виде. Наш праотец ласково склонился к Еве, а та, покорная, какой и должна быть инстинная супруга, радовалась благосклонности своего повелителя. За ними виднелись их потомки: мужчины, стоявшие за Адамом, и женщины, окружавшие Еву.

В этой деревушке служил кюре, весьма достойный человек. Его стыдливость подвергалась жестокому испытанию всякий раз, когда он проходил мимо этой скульптурной группы, изображенной, как ему казалось, слишком откровенно. Вначале кюре, уязвленный до глубины души, страдал молча, но все время мучился вопросом: что же ему делать?

Но однажды утром, когда после утренней мессы он выходил из церкви, его остановили два путешественника и, смеясь, сказали, показывая на наших прародителей, а столь вольных позах изображенных на портале:

— Хорошая у вас вывеска, мосье кюре!

Священник поспешил уйти, чуть не плача от унижения. Он был уязвлен до глубины души и говорил себе, что действительно его церковь украшена постыдной эмблемой, подобающей скорее какому-нибудь дурному заведению. Немедля он отправился к мэру, одному из акционеров местной фабрики. Мэр этот славился своим вольнодумством. Я думаю, вам будет нетрудно представить себе все доводы кюре и ответы мэра-гражданина. Потрясенный священник упрашивал, умолял, чтобы гражданские власти разрешили ему кое-что переделать в статуе отца нашего Адама, переделать совсем немногое, на турецкий манер. Это ведь ничему не повредит... Мэр, однако, был неумолим и выпроводил служителя церкви, обвинив его в ретроградстве.

В ближайшее воскресенье удивленные прихожане увидели, что Адам одет в штаны. Да, да, в суконные штаны, тщательно прикрепленные по бокам сургучом от почтовых печатей. Казалось, все было хорошо: в неприкосновенности остались и памятник, и наш прародитель, а добродетель была спасена. Но мэр пришел в ярость и приказал местному полицейскому снять штаны с праотца, что и было сделано к вящей радости всех собравшихся прихожан. Оскорбленный кюре обратился с жалобой к епископу, тот написал хранителю, последний, однако, не пошел ни на какие уступки.

Между тем приближался день факельного шествия в честь святого-исцелителя, чудотворная статуя которого хранилась в алтаре церкви. Наш кюре не мог даже допустить мысли, что торжественная процессия, на которую соберутся прихожане со всей округи, должна будет пройти мимо бесстыдного изображения нашего прародителя. Бедный кюре даже спал с лица от беспокойства и каждый день умолял господа бога, чтобы тот его вдохновил. И небо его вдохновило, впрочем, не очень удачно.

Однажды ночью крестьянин, живущий по соседству с церковью, был разбужен каким-то странным шумом. Он прислушался. Со стороны церкви доносился громкий дребезжащий звук, лай собак. Человек поднялся, схватил ружье, выбежал на улицу. Перед церковью в тусклом свете фонаря маячили тени. Какие-то неизвестные хотели ограбить храм. Непрекращающиеся удары свидетельствовали, что злоумышленники пытаются взломать дверь. «Они хотят выкрасть кружку с пожертвованиями на бедных и украсть алтарные украшения», — решил крестьянин. Напуганный и взволнованный, он помчался к мэру. Тот немедленно послал за своими помощниками и вызвал пожарников. К ним присоединились слуги фермы. Весь этот отряд, вооруженный кольями, вилами и даже огнестрельным оружием, с крайней предосторожностью двинулся к церкви и стал ее окружать. Воры все еще возились у двери, которая, видимо, не поддавалась. Совершив обходный маневр, защитники порядка замкнули кольцо. Тогда мэр, замыкавший отряд, скомандовал устрашающим голосом: «Вперед, схватить их!» Первыми ринулись пожарники... Они увидели кюре и его старую служанку... Взобравшись на табуретки, они возились со статуей Адама. Служанка в ночной рубахе держала фонарь, а кюре изо всех сил колотил по твердому камню, который уже начал крошиться. «Именем закона я вас арестую!» — закричал мэр и потащил растерянного служителя культа и заплаканную служанку в мэрию, в то время как местный полицейский тщательно собирал улики преступления: обломки камня, который потерял прародитель рода человеческого, фонарь и молоток. После этого начались долгие переговоры между епископом и префектом, которые в конце концов уладили этот «серьезный» конфликт между церковью и гражданскими властями деревушки.

Перевела с французского И. ЛИЛЕЕВА

КТО, ГДЕ, КОГДА

Возвращение кинозвезды

После многолетнего перерыва известная французская актриса Даниэль Дарье, которую советские зрители хорошо знают по фильмам «Красное и черное», «Рюи Блаз», «Пармская обитель» и другие, вновь возвращается в кино. Она снимается в музыкальной комедии французского режиссера Доминика Делуша «Божественная». Актриса полна творческих сил и желания работать.

«Я играю актрису, поэтому новая роль для меня не очень сложна, — рассказывает Д. Дарье. — К сожалению, в последнее время стали писать мало сценариев для женщин, особенно пятидесятилетних. Но я не отчаиваюсь, надеюсь сниматься и в будущем».

Даниэль ДАРЬЕ в фильме «Божественная»

Де Сика-младший

На итальянском телевидении под руководством и при участии сына прославленного артиста и режиссера Витторио Де Сика — Кристиана Де Сика снимается фильм «Труппа музыкального театра».

На сцене и в зале

На сцене — уставленный яствами стол, за которым протекает действие спектакля «Свадьба в Хегглингене», поставленного Цюрихским театром Бернгарда. Но и зрителям дана возможность принять вполне реальное участие в пиршестве. За соответствующую цену им подается то же, что и на сцене.

По отзыву прессы, этот гастрономически-театральный эксперимент встретил хороший прием у публики, так что примеру цюрихцев собираются в ближайшее время последовать и другие театры.

Нить золотого шелка

Спектакль ханойского народного театра «Тео» «Нить золотого шелка» рассказывает не только о труде шелководов деревни Там, но и о новых отношениях между людьми, о новом облике деревни.

В спектакле, поставленном Чан Хоатом и Ван Тьи по сценарию Вьет Зунга, широко использованы традиционные сценические приемы, народные мелодии, фольклорные изобразительные средства.

На снимке: *сцена из спектакля «Нить золотого шелка»*

ДЕТИ БЕККЕТА?

МОЛОДАЯ АНГЛИЙСКАЯ ПРОЗА И БУРЖУАЗНАЯ КРИТИКА

А. НИКОЛАЕВСКАЯ

Кто они, молодые прозаики Англии? С некоторыми из них наш читатель знаком. Произведения Пирса Пола Рида, Маргарет Дрэббл переводились у нас в стране.

В публикуемой сегодня статье речь идет об их ровесниках — о Файджес, Бернсе, Джонсоне.

Во второй половине 60-х годов намечается оживление авангардистских настроений, что, безусловно, является отражением сложной, беспокойной политической и экономической обстановки в стране. Большая часть буржуазной критики все настойчивее пропагандирует творчество Сэмюэля Беккета среди широкой публики. Одновременно с этим критика пытается навязать массовому читателю представление о некоей «школе Беккета», произвольно объединяя под этим термином таких разных по своей художественной и идейной концепции писателей, как Файджес, Бернс и Джонсон.

Рис. В. ПЕСКОВА

1.

Они начинали примерно в одно время — в середине шестидесятых годов.

«Каждый, кто интересуется экспериментом в литературе, должен прочитать «Европу после дождя». Это уникальное произведение!» Так рекламирует «Файненшл таймс» книгу Алена Бернса. «Тот, кто полагает, что роман мертв, должен непременно прочитать эту книгу. Она — шедевр». Это оценивает роман Б. С. Джонсона «Траулер» рецензент газеты «Айриш таймс». А критик литературного ежемесячника «Букс энд букмен» отмечал, что Ива Файджес «поразительно убедительна в изображении психологии гибнущей женщины».

Чем же в первую очередь три названных писателя привлекли внимание критиков? Пожалуй, наиболее полно на этот вопрос ответил Джон Колдер, видный критик и крупный издатель. «Пессимизм Беккета, — писал он, — его приверженность декадансу породили множество подражаний, а экономия изобразительных средств... произвела огромное впечатление на новое поколение литераторов».

Вот странное дело! С одной стороны — почти панегирики, а с другой — оказывается, что они всего только подражатели?

Беккет не зря считается одним из отцов сегодняшнего модернизма. И следование его традициям — лучшее свидетельство для его апологетов, что молодые литераторы подхватили не только изощренное обращение со словом, со смыслом, но, главное, смотрят на жизнь глазами своего учителя. Им близки эстетические и философские взгляды Беккета.

Так утверждает буржуазная критика. Но посмотрим, так ли это на самом деле.

Роман Ивы Файджес «Зимнее путешествие». Конечно, с точки зрения формы — родство несомненное. Роман начинается так: «Намль бнл ман ссс ссс тк. Вот что мне снилось. Вокруг — ни души». Да и герой романа Янус — апатичный, меланхоличный человек — в основном предается следующим размышлениям: «Вернись назад, в ничто, в черноту без снов. Проведи как-нибудь время, думай о чем-нибудь. Лето... Только мне холодно. Снег. Позади — пустота. Не могу спать. Тело дряхлеет, ничто не обновляется. А часы продолжают тикать». Все это очень похоже на Беккета, на его знаменитые «внутренние монологи».

Но были в первом романе Файджес и такие куски, которые свидетельствовали о том, что молодая писательница видит реальность и пытается ее осмыслить. Тот же Янус, например, не только рефлектировал, но говорил здравые вещи о злободневном.

Увы, критика этого не заметила. Книга была удостоена премии «Гардиан фикшн прайз» прежде всего за те мотивы, которые роднили ее с романами Беккета. В продолжении и развитии подобных мотивов критика видела залог успеха будущих книг.

И что же Ива Файджес? Она, видно, полностью доверилась этим советам.

Вот ее новый роман «Дни».

Признаюсь, я несколько раз откладывала эту книжку и вновь принималась за нее, перечитывая главы, абзацы. Не потому что она захватывает, а потому, что в монотонности бесконечно повторяющихся действий, пустых фраз ускользает главное.

Повествование ведется от лица тридцатилетней женщины, замурованной в белый квадрат больничных стен. Никто — ни она, ни близкие, ни врачи — не знает, чем она больна. Знают лишь причину, вызвавшую болезнь: измена мужа.

«Часами я смотрела из окна на мертвую дорогу, — вспоминает героиня. — В соседние дома возвращались мужья, проскальзывая в калитки палисадников. Совсем нечего делать. День как две капли воды похож на все предыдущие — магазины, уборка, готовка, ребенок. Ждать больше нечего».

Собственно, разницы между той жизнью, которую героиня Файджес вела до болезни, и днями, что тянутся в больнице, практически нет. То же унылое, понурое состояние: раньше она «часами смотрела на мертвую дорогу», теперь «часами лежит в постели, смотрит на кресло и ждет, что к ней придут...».

Читаешь книгу и то и дело спохватываешься: о ком сейчас идет речь? Вот, например, как описывается свидание матери с дочерью:

«Она (я) вошла в комнату и поцеловала меня (ее) в щеку, наклонившись над кроватью. Ее лицо — свежо и прохладно от зимнего воздуха. (Ее теплое лицо — сухо, она едва почувствовала мое прикосновение.) Ну, как ты, малышка? Я чувствую свои годы, глядя на нее. Она такая молоденькая, лицо разгорелось от мороза, хорошенькое... (я всегда стараюсь выглядеть хорошо)».

И если с трудом, но можно разобраться, кто здесь мать, а кто дочь, то понять, что здесь происходит, уже решительно невозможно: к героине ли пришла дочь или же это героиня вспоминает, как некогда девочкой навещала больную маму?

В этом смысле Ива Файджес последовательна. До самого конца ничего не прояснится. Да и конец романа так же загадочен: четыре белые стены, тишина, ночь. «Надо лежать тихо-тихо, чтобы не наступила агония». Героиня осторожно встает, с трудом передвигает бесчувственные ноги и садится в кресло. «Но я не одна. В кровати, на белеющих подушках, я вижу старуху, лежащую с закрытыми глазами. Ее кожа — белая, как простыни...»

Все это так знакомо по романам Беккета, так напоминает «истины», которыми живут персонажи Беккета. И разве не в развитии известной беккетовской формулы мира — «пустота, летящая в пустоту» — развертываются структура романа Файджес и мироощущение ее героини? У героини нет прошлого — одни безрадостные воспоминания; нет настоящего — она заточена в больницу; нет будущего — ибо недуг ее (какой — не сказано) неизлечим.

Английская критика оказалась права. Но права, конечно, против своего желания, жестоко. Файджес в последнем своем романе след в след ступает за Беккетом. А такое следование или лучше сказать — следование таким традициям лишний раз доказывает, что традиции эти не просто малоплодотворны, они — мертвы, они заводят Файджес в тупик.

2.

Да, имя Беккета немедленно возникает в сознании и когда читаешь первое произведение Б. С. Джонсона — роман «Траулер».

Чего стоит одно только начало:

«а. Мое имя...

б. Какое это имеет значение?

а. Моя страна...

б. А это какое имеет значение?

а. Я благородных кровей...

б. А если бы ты был выходцем из рабочей среды?

а. Когда я умер, моя репутация была высокой...

б. А если бы ее не было вовсе?

а. И вот я лежу здесь.

б. Кто ты такой и кому ты говоришь это?»

О чем этот роман? Герой плавает на рыболовецком судне по Баренцеву морю. Разумеется, он «чужой» на судне, он вообще случайно туда попал. Его цель — оторваться от реальности, от земли, от тех, кто на ней остался. И опять, как в «Днях» Файджес, у героя вместо прошлого одни дурные воспоминания. Впрочем, вы уже и сами прочли начало романа — этот своеобразный «диалог а и б». И потому понимаете, что нет у него ни настоящего, ни будущего. Никакого значения не имеет для автора, кто его герой.

С одной стороны, герой вроде бежит от мирской суеты, от людей, в чем Джонсон видит путь к постижению истинного смысла жизни, путь к познанию самого себя. С другой стороны, оказывается, что и эти побуждения иллюзорны. Истина, в представлении Джонсона, непознаваема, а попытки постигнуть самого себя бессмысленны.

Все это напоминает романы Беккета «Молой» и «Марфи». «Марфи» особенно: там герой тоже уединялся от мира и погружался в созерцание собственного «я».

Так что же, прав критик Вэл Малкерс, написавший: «Страницы романов Б. С. Джонсона озарены огнем Джеймса Джойса и Беккета!» Нет, не прав. В прошлом году Б. С. Джонсон выпустил роман совсем другого направления и других мотивов.

Название романа — «Двойная бухгалтерия Кристи Мэлори» — передает сущность поступков его героя. «Двойная бухгалтерия...» — это учет каждой обиды, нанесенной герою, и, как говорится, возвращение ее обидчику — месть. Кристи Мэлори вовсе не рефлексирующий непротивленец, напротив, он бунтарь. Причем его бунт принимает все более глобальные формы: взрыв железнодорожного моста, похищение значительного должностного лица и требование за него выкупа. И кто знает, во что в конце концов вылился бы этот анархистский бунт, если бы не внезапная смерть Кристи.

Конечно, трудно утверждать, что Б. С. Джонсон выработал для себя какую-то позитивную программу, но то, что его не устраивало больше пассивное, ущербное мировосприятие Беккета, совершенно очевидно. Ведь это не герой, а сам писатель бунтует. Восстает против маски певца смерти. Не пассивным наблюдателем предстал перед нами писатель, а человеком, призывающим к действию. Другой, конечно, вопрос: к какому действию, насколько оно целесообразно?

К сожалению, писатель совсем недавно умер. И он не смог продолжить начатый им поиск ответа на реально существующие проблемы, которые в последнем романе ему удалось вскрыть.

3.

Алена Бернса в Англии считают самым талантливым представителем авангардистской прозы.

Мрачным, устрашающим предстает в романе «Европа после дождя» европейский континент после мировой войны. Нет на нем государств и правительств, а есть только разоренные, не имеющие названия города, где каждый день происходят взрывы, убийства, насилия. Шайки бандитов и воров бесчинствуют, терроризируя население, отупевшее от голода и страха.

Когда-то Гейне прекрасно сказал, что если мир дал трещину, эта трещина проходит через сердце поэта. Мир, каким он предстает перед нами в романе Алена Бернса, дал трещину. А что же сердце писателя?

Его герой — так сказать, второе авторское «я», ибо от лица героя ведется повествование, — попадает вместе со своей юной подругой в один из городов, находящихся в зоне войны. Девушка захвачена общей эпидемией тифа, и ее вместе с другими больными увозят. Куда — герой не знает. В поисках подруги он совершает путешествие по разрушенной Европе.

Что же испытывает герой при виде женщин, «чьи дома сожгли дотла», которые «месяцами без хлеба и крыши над головой», у которых, как пишет Бернс, «загнанные лица»? Впрочем, вот что он сам говорит: «Не могу сказать, что я безразличен. Нет, но просто я был спокоен, и я не разделял ее дрожи, ее страданий. Я был вне этого. Мне было все равно».

А автор? Развенчивает ли он героя? Нет, он с ним согласен. Как видим, трещина, о которой говорил Гейне, не прошла через его сердце.

Он рисует знакомую нам по Беккету картину вселенской катастрофы и, так же как Беккет, отказывается от активного действия. Он стоит на позициях стороннего наблюдателя. Впрочем, герои Бернса в мире войны и пепелищ мечтают о своем доме, об очаге. Они — чего нет в книгах Беккета — стремятся к миру, к созиданию. Но неверие — болезнь XX века — заставляет Бернса с презрением говорить об идеалах человека, о его борьбе за лучшее будущее: «Мы сражались, ибо должны были сражаться. И это было просто. В этом, полагали мы, — смысл. Но нам только так казалось. Борьба нам ничего не дала, наша «революция» была настолько незначительна. Просто мы называли нашу возню высокими словами...»

И вот еще один роман Алена Бернса, «Вавилон». Писатель по-прежнему не верит в возможность найти для себя и для общества хоть какую-то позитивную программу. Но неверие это оборачивается ярким гротеском современного мира, общества, в котором живет Бернс и которое он сравнивает с Вавилонской башней, где смешались все времена, понятия, языки, идеалы. В его «Вавилоне» поклоняются самым разномастным кумирам — Христу, Брандо, Мальро и бог знает кому еще! Даже вегетарианцам.

В одном месте романа автор пишет: «У безумцев, посаженных в клетки, брали интервью. И они вещали миру». «Вавилон» как раз и хочется сравнить с серией интервью, взятых у обезумевших от этого мира людей:

«Я — неудачник».

«История — слишком трагична».

«Он родился в страждущем перенаселенном обществе, заполненном именами. Но он был убежден, что Искусство — добро, Человек — зло. И вот эту-то борьбу добра со злом он видел повсюду». Очевидно, Бернс утверждает, что подлинный бог — это Искусство, что ради него можно терпеть вавилонские столпотворения XX века.

Неужели Бернс возвращается к «искусству для искусства»? Нет. Его проза вовсе не является примером «чистого» искусства. «Вавилон» — сложное явление, которое продолжает традиции и классической литературы (например, сатиру Свифта), и одновременно литературу бунтарей 20—30-х годов. Роман социален — в основе повествования реальные события нашего времени и асоциален — автор не декларирует никакой общественно-политической позиции. Можно и нужно многое в «Вавилоне» критиковать, но, как бы то ни было, следует признать, что этот роман, безусловно, удался Бернсу. После выхода в свет первых двух романов Бернса известный писатель Энгус Уилсон, с мнением которого англичане привыкли считаться, приветствовал автора, назвав его «одним из двух или трех самых интересных молодых прозаиков». «И если это звучит неубедительно, — сказал Энгус Уилсон, — добавлю, что считаю его по-настоящему очень хорошим прозаиком». «Вавилон» — подтверждение этой высокой оценки.

4.

Есть ли у английской критики основания называть Иву Файджес, Б. С. Джонсона и Алена Бернса детьми Беккета? Говорить о «ни с чем не сравнимом влиянии» этого писателя, о единой группе прозаиков, как, в частности, делает Джон Колдер?

Книги трех молодых англичан, как мы могли убедиться, — книги трех разных писателей.

Ива Файджес позаимствовала у Беккета систему клише. Она изъяла своего героя из конкретной среды, из конкретной исторической ситуации, и он оказался лишь банальным воплощением идеи модернистов о никчемности всего сущего. «Ученичество» погубило ее. «Ученичество», которое так радостно приветствовала буржуазная критика.

Совсем иной путь избрал Б. С. Джонсон.

Достоинство последней книги Б. С. Джонсона не в отказе от ценностей современной цивилизации и национальных традиций английской культуры, а в протесте против рутины, в призыве к действию.

Когда художник стремится преодолеть ущербный взгляд на мир и эстетизм модернистской литературы, тогда, и только тогда, можно говорить о вкладе, который он сделал в литературу, давшую миру Свифта, Диккенса, Гарди. Творчество Алена Бернса лишний раз убеждает: эксперимент в литературе сам по себе еще ни о чем не говорит. Главное — во имя чего писатель обращается к нему.

В. КОТЕНКО

ДОКУМЕНТЫ

МНЕ еще не приходилось видеть гостиницу, где были бы свободные номера...

— Здравствуйте, — говорю я заискивающе.

В ответ — молчание.

— Пустите переночевать.

— Шпрехен зи дейч?

— Найн.

— Парле ву франсе?

— Но.

— Ду ю спик инглиш?

— Ноу.

— Значит, вы не интурист?

— Нет.

— Тогда, может быть, вы умеете читать по-русски?

— Конечно!

— Читайте.

И хмурый администратор ткнул перстом в табличку «Мест нет».

— Но где же мне переночевать? У меня в этом городе ни родственников, ни знакомых...

— Оставьте на всякий случай свои паспорт. Вдруг что-нибудь освободится.

Я сунул в паспорт 10 рублей и положил его на стойку. Администратор раскрыл паспорт, удовлетворенно сказал:

— В порядке. Теперь хотелось бы посмотреть вашу командировку.

Я подал командировочное удостоверение вместе с 8 рублями.

— В норме. А служебное удостоверение?

Я подал его, вложив внутрь пятерку.

— Прекрасно! Теперь профсоюзный билет.

Обычно мой профсоюзный документ хранится в месткоме, но я не новичок. Собираясь в командировку, прихватил его с собой, чтобы теперь положить администратору вкупе с тремя рублями.

— У вас замечательные документы! Хочется читать снова и снова! А военный билет случайно не при вас?

— Случайно при мне.

Администратор схватился от радости за голову и вскричал:

— Так дайте же! Дайте мне его скорее посмотреть.

В военный билет я вложил два рубля.

— Так... Что же мне у вас еще спросить? Еще кое-какие формальности... Ах, да! Библиотечное удостоверение, пожалуйста.

Ночевать на улице не хотелось, поэтому вместе с ним уплыл мой рубль.

— Чудесно! Восхитительно. Что-то мне еще надо... Ага! Вот если бы при вас была домовая книга, — мечтательно произнес он. — Но вряд ли вы догадались взять ее с собой!

— Почему же! Пожалуйста.

Еще рубль прощально лег между страниц домовой книги.

— Здорово! Просто нет слов! Больше у вас при себе никаких документов?

— Нет.

— Жаль. Тогда дайте просто так.

Я положил ему последний полтинник. Он элегантно смахнул его рукавом в ящик.

— Можете считать, что вы у нас уже живете.

Он быстро выписал мне квитанцию:

— Поселяйтесь. С вас шестьдесят копеек за койку.

Я пошарил по пустым карманам.

Ночевать пришлось на улице.

ВОРОНЕЖ

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ДЕВИЧНИК «КЛУБА ДС»

МОНОЛОГ ИЗ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Варлен СТРОНГИН

В нынешнем году Югославия в третий раз проводила международный конкурс юмористических рассказов «Памяти Косты Дамяновича». Поступило 193 рассказа со всего света. В жюри конкурса входят виднейшие югославские писатели, среди которых Меша Селимович, Бранко Чопич и другие. Впервые на этом конкурсе премированным оказался наш соотечественник. Им, лауреатом, стал один из постоянных авторов «Клуба ДС» Варлен Стронгин. Он да он!

Я — женщина. Я терпелива. Но когда на мени постоянно глядят как на общепризнанный шедевр, эталон высокого искусства и даже чудо, то я не выдерживаю и улыбаюсь. А люди замирают в восхищении и недоумении.

— Какая загадочная улыбка! — говорят они друг другу. — Вы понимаете? И мы — нет! В этом вся прелесть!

Мне надоели эти слова, ничего не понимающие, но восторженные, многозначительные взгляды. И я решила раскрыть секрет своей улыбки. Секрет ли? Его не существует. У меня обыкновенная ироническая улыбка. Да, ироническая, весьма распространенная в наше время, которое вы, люди, позднее назвали вечно прекрасной эпохой Возрождения. Вы оценили наше время заслуженно. Но это не значит, что все у нас было идеально. Взять хотя бы меня. Я любила Леонардо да Винчи и была им любима. Но не решилась выйти замуж за художника и ученого. Я стала женой богатого купца. Но жизнь с нелюбимым человеком оказалась невыносимой пыткой. Страдал и Леонардо. Но что нам помогало? Ирония! Мы вспоминали куда более трагичные примеры любви и улыбались. Мне было немного легче. Я не бедствовала. А Леонардо было трудно. Но ирония давала ему дополнительные силы, и он брал в руки кисть. Он создавал мой портрет. Портрет. Не более. Черты лица на картине — мои, а душа — Леонардо. Кажется, что вслед за улыбкой из моих глаз хлынут слезы. Я действительно готова разреветься. Я обычная женщина. Но Леонардо был сильный человек.

А в обыденной жизни Леонардо был легко раним и даже сентиментален. Он не мог скрывать свои чувства, и когда закончил мой портрет после четырех лет титанического труда, не выдержал, опустил голову и заплакал. Слезы счастья и горести смешались на его лице. Но вот он поднял голову, посмотрел на меня и... улыбнулся. Мы улыбались вместе. В эти минуты мы были выше всех условностей, выше всех человеческих страстей и желаний. Я смеялась над сытой жизнью купеческой жены, Леонардо забыл о своих горестях и бедах. Даже наша любовь не мешала нам ликовать. За такие минуты можно отдать всю жизнь. И я хочу, чтобы вы, люди, понимали это, когда смотрите на меня. Уберите с лица мнимую серьезность. Посмотрите на себя иронически — и вы поймете это, поймете, что есть гильдия великих людей, у которых не было чинов и поместий, но имена которых остались жить в веках. А если вы заслужили признание и ваше имя не будут превозносить потомки, тоже улыбнитесь. Мало ли имен достойных людей забыто?

«Такова жизнь!» — как говорили у нас в эпоху Возрождения. Мы не только умели иронизировать, но и кое-что оставили после себя. Я не скромничаю. Мы могли бы сделать значительно больше, если бы были ироничнее. И когда ты, человек, а нам уже пора перейти на «ты», ведь мы знакомы более четырех веков, когда ты, человек, начинаешь считать себя самым лучшим на свете — стоп! Тут может наступить конец твоему совершенству. Поскорей улыбнись. Пусть образуются иронические складки у твоего рта. Не бойся посмеяться над собой. Не становись на цыпочки. Даже камень не вечен. Когда нибудь погибну и я, как бы меня ни берегли, при каких бы температурных условиях ни хранили. Но вечно будет жить ирония. И если тебе, человек, трудно, улыбнись и ты. А потом жди своего Леонардо...

ДРАМЫ «КЛУБА ДС»

ПРАВДА ЖИЗНИ

Владимир ПАНКОВ

В МЕСТКОМЕ распределяли билеты в театр, и жена Сидорова отхватила два прямо на сегодня.

Сидоров сначала идти не хотел — не любил он этих театров. Представляют там каких-то несерьезных испанцев с перьями, плетут какие-то интриги стихами... Уж лучше по телевизору «Кабачок» глядеть.

Согласился пойти только ради жены. Лида себе платье кримпленовое справила, и ей не терпелось обкатать его на публике.

В театр пришли тик в тик. Успели только программку купить и, не заходя в буфет, вынуждены были сесть в ложу бенуара.

Пока Лида искала глазами знакомых с завода, Сидоров от нечего делать раскрыл программку.

Пьеса называлась «Слесарный цех» и была, наверно, насчет производства.

Сидоров сам был слесарем, поэтому снисходительно усмехнулся:

— Ну-ну, чего они тут про наше дело насочиняли? Небось напильника от решпиля отличить не могут, а туда же...

Ниже шли действующие лица, и тут Сидоров, к своему удивлению, среди действующих лиц обнаружил себя, Сидорова Николая Павловича, тридцати двух лет, в исполнении артиста Почкина Л. С.

Хотел было посмеяться такому совпадению, но свет в зале погас, и на сцене, наоборот, зажегся...

И тут — даже Лида, почуял, вздрогнула — на сцену вышел артист Почкин Л. С. — точная копия сидевшего рядом с ней ее родного мужа Сидорова Н. П.

Лида про Почкина ничего не знала, программки не читала, поэтому тихо ойкнула:

— Ко-оль...

— Тихо. Дай поглядеть, — осадил ее Коля и, сдвинув брови, стал смотреть на сцену.

А на сцене тем временем Сидоров Н. П., тридцати двух лет, ругался с мастером насчет заготовок.

«Точно, вчера с Михычем поцапались, — отметил про себя Сидоров.— Гляди, пронюхали уже...»

Потом театральный Сидоров стал нахально ловеласничать с технологом Кудрявцевой:

— А у меня для вас сюрприз, Зоечка. Совершенно случайно достал два билета в кино...

Настоящий Сидоров тут же вспотел: «Чертовщина какая-то. Мы же с Зойкой без свидетелей разговаривали...»

Зоя на сцене хихикнула:

— Какое кино? Какое еще кино-то? Твоя сегодня в месткоме два билета в театр вырвала.

— А я скажу ей, что не люблю этих театров...

— Любишь — не любишь, а пойти придется. Ей же надо своим платьем кримпленовым похвастаться...

Лида быстро скосила на Сидорова глаза. Коля весь покрылся холодным потом. Он знал, что будет дальше...

И театральный Сидоров тоже знал. Он вдруг привычно взял технолога Кудрявцеву за талию, притянул к себе и прошептал со скрытым смыслом:

— Ладно, отложим кино до завтра...

Лида в ложе совсем развернулась в его сторону и стала пристально рассматривать мужа, будто увидела впервые.

— Ты чего? — буркнул Коля.

— Значит, до завтра?..

— Так это ж театр, — хотел было хмыкнуть Сидоров, но не сумел.

— Я те покажу театр. Дома...

Тем временем на сцене появились другие действующие лица, стали проводить производственную летучку, но Сидорова на сцену уже не глядел.

— Вот холера! И откуда только вызнали все?

Еле дождался антракта.

— Пойду, — глухо сказал Лиде.

— Куда это? — ехидно прищурив глаза, спросила жена.

— За кулисы... Похабщину всякую показывают. Лучше бы про испанцев... Я им щас устрою.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ВОЗДУШНЫЕ ШАРИКИ

Анатолий ЭЙРАМДЖАН

ЗАШЕЛ как-то раз в мое кафе незнакомый клиент. С виду человек солидный, но — с кем не бывает! — уже под градусом. А держится, как подобает мужчине — неопытному глазу и не отличить от трезвого.

Усадил я его на хорошее место, быстро принес все, что заказал клиент, а потом встал за стойку и смотрю на него. Смотрю и чувствую: есть в нем что-то особенное! И не ошибся.

Подзывает вдруг он меня и спрашивает:

— Что так грустно здесь? Не столовая ведь какая-нибудь у тебя — духан! Почему же не посылают мужчины друг другу бутылки вина, как делали наши деды, прадеды — да будет земля им пухом! Почему не поют застольные песни?!

— Во-первых, сейчас день, — говорю ему. — Какие песни?! Работают люди... А вечером. Э-э-э! — вздохнул я. Разбередил мою больную рану этот человек. — Да я вечером. Кто на окладе сидит, тот стакана вина знакомому не пошлет, не то что бу...

— А кто не на окладе?! — сверкнул глазами клиент.

— Те еще хуже, — грустно сказал я. — Делают вид, что на окладе. А вот раньше, дед рассказывал, слали друг другу ящиками вино; к бутылке, если за столом женщина хоть одна сидела, шарик воздушный привязывали — в знак большого уважения!

— У тебя шарик есть? — задумчиво спросил этот человек. — Воздушный?

— Есть, — сказал я. — Уже много лет держу... На всякий случай...

— Привяжи этот шарик к бутылке вина и отнеси... вон за тот стол, — показал он на столик в углу, где сидели несколько парней и девушка. — Скажешь: послали в знак уважения.

— Не шутишь? — спросил я, но он так на меня посмотрел, что я мигом понесся в буфет, надул шарик, привязал к бутылке сухого и отнес за крайний столик.

А парни говорят мне:

— Отнесите, пожалуйста, обратно вино. Вы ведь знаете, что мы пить не будем.

— Ваше дело — не пейте! — строго сказал я им. — Но ведите себя как мужчины!— И отошел от них.

— Ну что? — спросил меня новый клиент. — Пошлют в ответ, как думаешь?

— Не пошлют, — честно сказал я ему. — Они с работы, на обеденный перерыв пришли... Пить не хотят...

— Вот какая молодежь пошла! — покачал головой клиент. — Отнеси от моего имени еще две бутылки. Скажи: в знак особого уважения!

Я отнес. Молодые люди на этот раз промолчали, а один из них, очкарик, подсчитал что-то на своей линейке и сказал мне:

— Вот что: отнесите этому гражданину в знак особого уважения 8 бутылок вина! От нас.

— И этот шарик привяжите! — отдала мне шарик девушка.

Я так удивился, что забрал у нее шарик (хоть и не по правилам это) и отнес вместе с бутылками новому клиенту.

— Подействовало, видишь! — довольно сказал клиент и вдруг нахмурился: — А почему шарик не летает?

— Сам надул, — сказал я. — С чего ему летать?

— Держи баллон с водородом. За неделю окупит себя, — посоветовал клиент, опять посмотрел на столик в углу и сказал: — Отнеси туда 16 бутылок вина. От меня с благодарностью.

Нагрузился я вином, уставил бутылками стол ребятам, а те говорят мне:

— Отнесите, пожалуйста, этому гражданину 32 бутылки вина в знак нашего хорошего к нему расположения!

Я давно уже бутылки не ношу, только передаю от одного столика другому цифры и приятные сопроводительные слова. И весь внутри ликую, пою и танцую!

— 512 бутылок вина в знак нашего скромного желания сделать этому гражданину приятное!

— 1024 бутылки этим прекрасным представителям молодежи!

— Две тысячи сорок во...— начал было очкарик, но товарищ вдруг хлопнул его по плечу: — Стоп! Перерыв заканчивается! — И показал на часы.

— Жаль, — вздохнул очкарик и передвинул стеклышку на линейке. — Значит так, — посмотрел он на меня. — Мы ему в последний раз послали 512 бутылок, верно?

— Да, — кивнул я. — А он вам сейчас 1024 с глубоким ува...

— Верно, — согласился очкарик, просматривая свои записи на салфетке. — А до этого мы ему послали 168 бутылок... Всего, значит, 680... Вычтите эти 680 из 1024, оставьте в буфете и считайте что мы с вами в расчете... А оставшиеся 344 бутылки мы отсылаем этому гражданину в знак нашего...

Я еще не успел сообразить, что тут к чему, а девушка вдруг говорит:

— Ребята, ну зачем же отсылать 344 бутылки? Тоже мне, гусары! И цифра не круглая... Пошлем 340, а четыре бутылки возьмем с собой — завтра у Оськина день рождения, отметим в отделе.

Взяли они 4 бутылки со стола и ушли. А я передал новому клиенту, что прислали ему с уважением 340 бутылок...

— Почему 340? — удивился он. — Сейчас должно быть 2048! Что за цифра такая — 340?!

Объяснил я ему все на счетах, даже про те 4 бутылки рассказал.

— Позор! — возмутился он. — Какое растет поколение! Куда оно идет?! К чему придет?! Я этого дела так не оставлю! Ты знаешь, где они работают?

— Знаю, — сказал я. — Вот здесь напротив, в конструкторском бюро, инженеры они...

— Ну и что же, что инженеры! Людей воспитывать надо! Отнеси им эти 340 бутылок. Пусть знают, как поступает настоящий мужчина! И вот еще что: купишь шарики воздушные, надуешь и привяжешь к бутылкам. В знак моего глубокого к ним уважения. И чтоб шарики летали, понял?!

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● ТОЧНЫЙ ВЕС ПРИШЕЛЬЦА

Более пяти лет длились работы по определению точного веса известного Кургуаского метеорита. Как сообщил один из руководителей этих работ профессор Парных, усилия ученых увенчались успехом — точный вес пришельца из космоса оказался значительным.

● ИНТЕРЕСНУЮ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

подметила домохозяйка Терехина. «Если на улице стужа, — говорит она, — батареи в квартире чуть теплые. Но стоит подняться температуре на улице, как поднимается температура батарей».

● ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

...не хлебом единым сыт человек. Он бывает сыт также супом-харчо, шашлыками по-карски, кроликом с тушеной капустой, мясным рагу из молодого голубя и многой другой простой, незатейливой пищей.

● УДИВИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ...

...произошел на спортивных соревнованиях в городе Прикупске. В прыжках с шестом победил мастер спорта Демушкин, у которого накануне не было ни дня рождения, ни свадьбы.

ФРАЗЫ

● *Чем бы дитя ни тешилось — сваливают на акселерацию.*

● *Твердо настаивая на своем, не забудьте подняться с колен.*

● *Ревнует — значит, любит, не ревнует — значит, уважает.*

А. СТАСС

ИВАНОВО

● *В вине главное не букет, а убойная сила.*

Юрий МАРИНОВСКИЙ

● *Остановись, мгновенье, — перерыв!*

Юрий ШЕРСТНЕВ

● *Горел на любой работе. Неоднократно!*

Мих. ЕМЕЛЬЯНОВ

РАССКАЗ

МАРУСЯ СТЮАРТ

Александр ЛАЦИС

НА ЭТОТ раз состав отдыхающих оказался таким почтенным, что о волейболе не могло быть речи. Пришлось попробовать свои силы в совершенно незнакомой для меня игре.

Катаю бильярдные шары день, другой. Следую первой заповеди: в середину играй тихо, в угол — сильно. Никакого толка. Шары упорно не падают в лузы.

Путевка кончилась, а я так и остался где-то между классом «Б П», что означает «без понятия», и классом «Б М/П», что означает «без малейшего понятия».

Надо вам сказать, что все свои очередные спортивные увлечения я всегда старался подкрепить научно-теоретически. Вот почему, вернувшись в город, в первую свободную минуту ринулся в библиотеку. Там усвоил, что был такой французский ученый — Гаспар Корнольс, который целый год торчал в бильярдных, сам не играл, только смотрел, а в результате написал книгу «Математическая теория некоторых явлений бильярдной игры». Книга вышла в свет во Франции в 1835 году, а у нас переиздана в серии «Классики естествознания» потому что Гаспар Густав Корнолис этой своей книгой двинул вперед теоретическую механику.

Я узнал, что Шекспир упоминал бильярд в трагедии «Антоний и Клеопатра» — акт второй, сцена пятая — и что «благородной игрой в бильярд» увлекались Мария Стюарт и Людовик XIV. Насчет Людовика и Марии я все тщательно законспектировал и отправился в бильярдную.

Представьте себе подвал, где окон нет, воздуха нет, тесно, накурено, душно. Мои партнеры ничего не знали про Антония и Клеопатру. Они не знали также ни одного из бильярдных терминов, которые я выучил, пользуясь руководствами прошлого века.

Вместо того чтобы произносить такие грациозные слова, как «абриколь», «контрку», «круазе», мне бесцеремонно предлагали сыграть «секретарскую». В разговорах между собой говорили, явно имея в виду меня: «Смотри, вчерашняя Маруся опять пришла».

В санатории в голову никому не приходило заводить разговор про деньги. Здесь же надо было платить маркеру за стол. Хотите верьте, хотите нет, но некоторые постоянно играли на интерес! «За учение надо платить! — говорили они мне.— Мы тоже в свое время платили...»

Постепенно я сообразил, что «Марусями» здесь называют пижонов, в общем, тех, кого надо потрошить. «Секретарской» называется не всякая игра на интерес, а только на небольшую ставку.

Во времена оны в табели о рангах Российской империи коллежские секретари были где-то в нижних чинах и не могли себе позволить крупные ставки...

Исправно я платил «секретарские» суммы и записывал проигрыши в записную книжку под рубрику «Должники». Болезненная процедура расставания с деньгами облегчалась надеждами, что скоро я научусь играть. И с каждого перечисленного в списке отыграю все, что именно ему проиграл. Но, честно говоря, никаких признаков повышения класса по-прежнему не замечалось. Я все чаще вспоминал старинное изречение: «Игра полезна для здоровья, приятна для ума и разорительна для кармана».

Прошел месяц, другой. Стремительно приближалась необходимость продать ручные часы марки «Победа». Но часы уцелели. Думаете, научился играть? Как бы не так! Ничему я не научился. А случилось вот что. Первый номер в списке моих «должников», тот, которому я проиграл пять «секретарей», вдруг взял и помер. С одной стороны, возраст, с другой стороны — сердце. Я обвел его фамилию в своем списке рамочкой. Дней через десять обвел рамочкой фамилию номера второго, который успел у меня выиграть всего два «секретарских». Говорят, у него что-то было с печенью. У номера третьего ничего не было. Цветущий возраст, отличное здоровье, сплошное везение. Так вот — несчастный случай на охоте.

Номер четвертый был очень симпатичный человек. Ничего такого я ему не желал, не хотел накликать на него беду. Вот почему, рассказывая в бильярдной о моем злополучном списке, я решил на всякий случай пропустить одну фамилию, никому не называть настоящего четвертого.

— Кто у вас там следующий... должник? — спросил номер пятый, один из опытнейших бильярдистов.

— Вы! Кстати, что-то мне ваше лицо сегодня не нравится.

— Сколько очков я вам давал вперед? Тридцать? Даю тридцать пять!

Маркер расставил шары. Руки моего противника заметно дрожали. Он, раньше клавший верные шары шутя, обернувшись спиной к столу, на этот раз не мог положить ни одного. Приговаривая: «Вот так номер, чтоб я помер!» — он делал глупейшие подставки, которым деваться некуда. В общем, сами понимаете, человек боролся за свою жизнь. Через двадцать минут партнер сказал:

— Получите с меня за две партии.

— Почему за две? Мы сыграли только одну.

— Вы мне сделали сухую. Сухая — вдвойне.

Я получил свой первый выигрыш и вычеркнул фамилию партнера из списка «должников». Так продолжалось неделю. Самые беспощадные и волевые бойцы бильярда играли со мной еще хуже меня самого.

Теперь никто не называл меня Марусей. У меня появилось новое, куда более почетное прозвище: «Кошелек или жизнь!».

Когда список исчерпался, выяснилось, что никто со мной не желает играть.

В тот вечер я уже более двух часов терпеливо ждал своей очереди сыграть. И тут я сказал маркеру: «Николай Иванович! Сейчас моя очередь, я беру стол и плачу за время. А с кем буду играть — это уж мое дело».

И я играл сам с собой. Моя правая рука давала моей левой руке тридцать очков форы. Играли не «коммерческую», а «спортивную». Значит, проигравший платит только за время, никаких дополнительных ставок.

В конце концов партия закончилась. Несмотря на большую фору, правая рука все-таки победила. Левой рукой, поскольку она проигравшая, я заплатил рубль с чем-то за время.

Придя домой, открыл записную книжку и записал под рубрикой «Должники»: «Правая рука — 1 р.».

Всю ночь мерещились кошмары.

На следующее утро невропатолог долго не мог понять мои жалобы.

— Никаких признаков того, что вам грозит паралич правой руки я у вас не нахожу. Откуда у вас эти правосторонние страхи? Попытайтесь вспомнить, когда и почему они у вас появились?

И я рассказал все по порядку. Доктор выходил в коридор, успокаивал бушевавшую очередь тем, что тут очень трудный случай, больной утверждает, что он — Мария Стюарт. А меня просил говорить не так громко, чтобы ожидающим не было слышно, о чем мы тут беседуем.

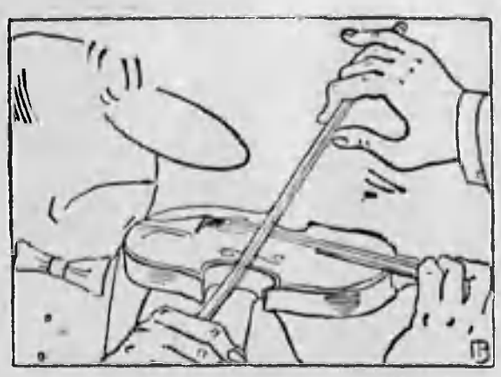
Выслушав все до конца, доктор начал разъяснять вред мнительности, но вдруг перебил сам себя:

— Кстати, возьмите эту палку и покажите, как вы держите кий. Знаете, как называется такая уродская хватка? «Когтями кверху»! Да не записывайте! Кому я говорю: не записывайте. Бросьте вы эти ваши конспекты и записные книжки, и тогда я научу вас играть. Тридцать очков дать не могу, дам только десять.

Мы сговорились на пятнадцати.

ЧУДАКИ

В. АШМАНОВ



В. ПЕСКОВ

В. БЕЗБОРОДОВ и В. МУЛИКОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295 00-00 доб. 63

А—10139 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 644 ИНДЕКС 50087

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ГЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.